АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

АНЕСТЕЗИОЛОГ. ПОКА ТЫ СПАЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Записки анестезиолога. Пока ты спал» – это новый сборник историй из практики врачей неотложной медицины от автора блога Funus Festus. В книге вы прочтете о непростой работе медиков, чьи будни могут показаться вам фантастическими, но поверьте, это чистая правда. Каждый день не похож на предыдущие, каждый пациент требует особого внимания, у каждого своя история, свои проблемы… Даже праздники в больнице проходят иначе, не так, как за ее пределами. Прочтите, как не стоит делать сюрпризы и как лучше покорить сердце любимой, что такое везение и какой случай смог вызвать удивление даже у опытного врача.

Книга содержит нецензурную лексику.

- Александр Иванов
  -
  - От автора
  - Пьесы для анатомического театра
  - День святого Валентина
  - Интересные люди
  - Мои номинанты на премию Дарвина
  - Мои святые отцы
  - Отрывной календарь
  - Последний читатель
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Александр Иванов
Анестезиолог. Пока ты спал

© Иванов А. Е., текст
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Вашему вниманию предлагается очередной сборник историй из практики врачей неотложной медицины. Его можно считать продолжением тех, что выходили под названиями «Записки анестезиолога» и «Будни анестезиолога». Как будет озаглавлен очередной сборник, автору не известно, выбор названия оставлен на усмотрение редакции, которая лучше знакома с конъюнктурой рынка и выберет его в соответствии с коммерческой целесообразностью. Пусть хоть это будет по аналогии с известным киношедевром «Судьба анестезиолога» или «Конец анестезиолога». Впрочем, название «Конец анестезиолога» звучит несколько интимно, хотя и отражает идею: это последняя подобная книжка. Нет, пока никто не собирается уходить на пенсию, новые случаи происходят ежедневно и историй набрать можно еще не на один сборник. Но, пожалуй, достаточно. На большой формат мы не способны, разродиться романом или выдавить из себя иную крупную литературную форму не удастся, а почитать короткие рассказы и анекдоты из жизни врачей можно в соответствующих интернет-сообществах. Врачи часто ведут свои бложики, особенно хирурги с реаниматологами. Почитаешь иной, становится завидно, что не пост, так рассказ о героической работе, еще одна спасенная жизнь. Задаешься вопросом: «Автор еще не носит на своем халате звезду Героя?» Но почему-то читать описания подвигов скучно. Нормальной стране не нужны герои.

К тому же со временем эмоциональное восприятие притупляется, то, что казалось раньше необычным, интересным или смешным, сейчас воспринимается буднично. Редкий случай вызывает интерес, а рассказывать о каких-то случайных, рядовых происшествиях неинтересно. Не каждому дана способность годами писать про одно и то же, рассказывая читателям про всякую ерунду. Автор такой способности лишен и точно так же, как эта книжка, не претендует на роль литературного произведения, так и автор никоим образом не претендует на звание писателя. Тем более когда в стране писателей больше, чем читателей. Когда даже среди профессиональных литераторов нет единства, когда в стране два писательских союза, и вопрос, членов которого считать писателями, а кого не очень, пока не решен.

Честно говоря, этот сборник тоже не хотелось собирать, но раз читатель просит, вернее, покупает книжки из серии, то отказаться было трудно. Многие найдут здесь повторение историй уже изданных, напечатанных или разошедшихся по

Интернету. Недовольных этим прошу простить. А также заранее приношу свои извинения лицам с тонкой душевной организацией, кому не приходилось сталкиваться с реальностью.

Предисловие к первому изданию

Из чего состоит работа дежурных врачей, реаниматологов, хирургов обычной районной больницы? В больнице, которая работает круглосуточно условиях «Скорой помощи»? Дежурство до утра. Часть времени – кровь, боль и смерть, часть – кофе, сигареты и мысли, чем заняться? Плохо, когда много работы, когда сутки не выходишь из операционной или палаты. Это ад. Еще хуже – когда работы нет. Ночью время замирает. Читать? Трудно, редко удается сосредоточиться. Телевизор? Если только реалити-шоу типа «Дома-2». При необходимости легко оторваться, ничего не теряешь, скорее наоборот. Пасьянс «Паук» сложен тысячи раз. И способ скоротать время – разговоры в курилке. Не самый плохой способ провести время.

Посторонний человек со стороны послушает их, подумает и решит, что попал в кружок психопатов-садистов. Очередной рассказ о расплющенном черепе человека, на спор положившего голову под асфальтовый каток, или о человеке, оседлавшем швабру и вылетевшем на ней в окно, сопровождается смехом. Единственная мысль: «Не дай бог, не дай бог попасть к этим докторам».

Но это всего лишь один из способов не сойти с ума от того, на что приходится смотреть каждый день.

Давно прошу бывших коллег: «Записывайте свои истории, читатель найдется. Многих они веселят, многие содрогаются от профессионального цинизма». Но даже самая негодующая публика слушает и просит еще. Знаю, как трудно заставить врача написать пару лишних строк. Писать им приходится постоянно. Истории болезни, справки, эпикризы. Один из знакомых докторов, товарищ не без странностей, вообще стал писать в ежедневных дневниках всего четыре слова, и те умудрялся сокращать. Его запись выглядела примерно так: «Жалоб нет, физ. отпр. в N». (Имелись в виду физиологические отправления.) По сути, он прав. Жалоб нет – ничего не болит. В то же время подразумевается, что человек может жаловаться, значит, он в сознании, с головой у него в порядке. А наличие мочи говорит, что сердце достаточно хорошо гоняет кровь, легкие насыщают ее кислородом, а почки эту кровь фильтруют. И нормально работает кишечник. Но только руководство не одобряло краткости,

заставляя десятки раз в день переписывать одни и те же слова. Так надо, так положено.

Составитель сборника решил взять на себя задачу записать отдельные рассказы своих знакомых врачей. Тех, кто ежедневно сталкивается с критическими состояниями, когда рядом могут быть боль и радость, горе и смех. Никакого связного повествования в этих записях нет. Тут вы не найдете историй о героической работе, о спасенных человеческих жизнях. Если вам в жизни везло и вы никогда не сталкивались с подобным, то все это покажется вам каким-то фантастическим бредом. Но поверьте, это постоянно происходит в реальной жизни, а описанные персонажи живут где-то рядом, пусть в каком-то параллельном с вами мире. Жизнь порой фантастичнее вымысла.

Сюжета отдельных историй с лихвой хватило бы на целый роман. Но, каким бы ни было драматическое произведение, пересказать его за короткий промежуток свободного времени не удастся. Интересные истории повторяются порой по многу раз, поэтому при рассказе убирается все лишнее, все второстепенные детали. Автор старался как можно точнее передать устную речь рассказчиков. Большинство историй как были рассказаны от первого лица, так и были записаны. Это вовсе не означает, что автор был непосредственным участником всех описанных событий. Отсюда краткий стиль изложения, короткие фразы, и главное – обилие народной лексики. Старался по возможности сократить ее количество. Но полностью от нее избавиться не удалось, за что заранее приношу извинения.

Пьесы для анатомического театра

Пьеса первая

Место действия – Амурская область, поселок в тайге. Моргом районной сельской больницы служит простая деревенская изба с русской печью. Патологоанатом приезжает на гастроли раз в неделю, если позволяют дороги. В распутицу иногда добирается на вертолете. В штате морга числится одна бабка, она и сторож, и прозектор, и ответственная за все. Морозы зимой стоят под 40, и бабка должна протапливать морг. Иначе приехавшему врачу приходилось разрубать топором замерзшие трупы. Но постоянно протапливать избу – не напасешься никаких дров даже в тайге. Поэтому дня за два до приезда врача бабка начинала топить печь, чтобы как раз к приезду врача трупы оттаивали. В остальное время она пила. Однажды потеряв счет часам, вспомнила о своих обязанностях только вечером, накануне приезда доктора. Русская смекалка ее не подвела. Бабка затопила печь, и, чтобы ускорить процесс оттаивания, вокруг нее поставила на ноги десяток трупов для разморозки. Подтаявшие тела начали обмякать, шевелиться и оседать на пол. Кто-то из местных жителей проходил мимо. Увидел, что в морге ночью горит свет, заглянул в окно… Что он увидел: односельчане, поминки по которым справлялись уже почти неделю, расположились у печки и шевелились.

Дальнейшее в XXI веке вообразить трудно, но источник заслуживает доверия. Мужики в деревне срубили все осины. Заточили осиновые колы. Бросились к моргу. Выбили стекла и под окнами стали поджидать нечисть. Зайти внутрь до рассвета никто не решился. Хорошо, что никто из них сам на морозе не превратился в труп. К счастью, к утру трупы оттаяли и мирно лежали на полу. Проткнутых осиновым колом, говорят, среди них не было.

Пьеса вторая

Кабинет начмеда расположен на втором этаже. В коридоре у кабинета стоит очередь, идет запись на плановую госпитализацию. Входит очередной посетитель. Через пару минут из кабинета слышен крик, звон разбитого стекла, скрип сдвигаемой мебели. По больничному коридору бегут два санитара с каталкой. Заскочив в кабинет, выкатывают оттуда

окровавленное тело со сломанными конечностями и увозят к лифту. Из кабинета выходит начмед в испачканном кровью халате и приглашает следующего. Заодно пытаясь рассказать, что произошло в кабинете. Но ни одного следующего в коридоре уже не было, очередь потихоньку разбежалась. Объяснять, что из окна кабинета самый легкий доступ на козырек над приемным отделением, было некому. А также то, что на этот козырек во время приема приземлился некий организм, в припадке белой горячки выпрыгнувший с окна пятого этажа.

* * *

На рентгенограмме – торчащий из груди нож. Удивила последняя фраза в описании: «Рекомендовано динамическое наблюдение, рентгенконтроль через 2–3 дня». Рентгенологу интересно, что будет в динамике с ножиком? Сам рассосется, заржавеет или все-таки вытащат?

Пьеса третья. Охотничьи рассказы

В нашем провинциальном анатомическом театре шла пьеса под названием «Драма на охоте».

Старые друзья пошли охотиться на бобров. Да, бобер – животное краснокнижное и охотиться на него запрещено, но развелось их в наших краях немало и много от них бед. Запрудив ручейки, превратили в болота окрестные леса и даже поселки. Два идиота залегли на противоположных берегах нашей речушки в засаде. Ждут. Вдруг из кустов показалась голова бобра. Выстрел. Голова исчезает. Охотник звонит на мобильник другу:

– Вася, я бобра добыл!

Добытым бобром оказался Вася, который на звонок не ответил. Пуля четко вошла ему в переносицу – ни капли крови.

* * *

В приемном отделении больницы охотник. Спрашиваешь:

– Охотился? Ну и кого же ты добыл?

– Я лося добыл!

– Плохо, что ты сразу не заметил, что кто-то добыл тебя самого. Сильно был выпивши?

– Да вы что, доктор, так, чуть-чуть, за компанию. Для

настроения.

Компания явно была веселой. Пуля 12-го калибра попала хантеру прямо в живот. Выходного отверстия нет. Уже странно.

На рентгенограмме пулю увидели застрявшей в ягодице. На операции от удивления у хирурга случился легкий шок. Как такое могло произойти, как пуля, пройдя через живот, описала дугу, вышла через малый таз, пройдя между мочевым пузырем и прямой кишкой, застряла в заднице и при этом умудрилась не задеть ни один из органов? Хирург стоял в оцепенении. Время шло. Надо было что-то делать. Не зная, как быть, я стал вчитываться в историю болезни.

– Смотри, – говорю, – а больной-то непростой. Работает в правительстве Петербурга.

– Да мне похуй где он работает, – кричит хирург. – Я за тридцать лет работы такого еще не видел. Как пуля могла ничего не задеть?

– Так слушай, он же, видимо, опытный аппаратчик. А это для аппаратчика высший класс – вовремя вильнуть жопой, да так, что даже пуля через нее проскочит, не задев ни одного полезного органа. Давай зашивай брюхо, время идет. У нас еще двое на операцию.

Тут действительно другого объяснения не было. Однако случай закончился трагично. Больной уже стал поправляться, но, поскольку охотничек оказался крупной номенклатурной дичью, его перевели в одну из городских клиник для важных персон. Пригласили светил военно-полевой хирургии. Кто ж лучше военных хирургов разбирается в огнестрельных ранениях? Военные не поверили в такую способность номенклатурной задницы и взяли его в операционную на повторную ревизию брюшной полости. В общем, разобрались.

Пьеса четверная. Хантер

Конец восьмидесятых годов. Санкт-Петербург. Вызов «Скорой помощи» на станцию метро «Технологический институт», повод: человек упал под поезд. Часто такие вызовы дублировались, их давали одновременно двум бригадам, кто успеет раньше, и вот две команды «Скорой помощи» двигаются по платформе навстречу друг другу. Платформа пересадочной станции, та, которая поменьше, выложенная белой плиткой, зрелище представляет веселенькое. По всей кафельной стене – кровь, колонны залеплены какими-то ошметками мяса, обрывками окровавленных тряпок. Поезд остановился, не доехав до конца

платформы. Несмотря на час пик платформа в почти опустела, остались только несколько любопытных. Шесть мужиков со «Скорой», которые, казалось бы, видели все, боятся заглянуть под состав. Страшно даже подумать, что там осталось от человека. Рельс обесточен, пожалуйста, спускайтесь, но никто не решается… И тут из-под вагона появляется голова мужичонки.

– Ты кто? Откуда? Вылезай-ка…

Мужичок снова ныряет под вагон:

– Я сейчас, я только кепочку найду.

Ждем. Голова высовывается снова, уже в кепочке. В руках ружье, как положено, разобранное, в чехле.

– Откуда ты, милый?

– С охоты мы.

– Хантер, значит? И кого же ты убил?

– Лося завалил!

– А где же твой лось?

– А вона, в рюкзаке, – и кивает головой назад, за спину.

Смотрим, действительно, у мужичка на плечах лямки от рюкзака. Самого рюкзака нет. Оказалось все просто. Шел человек с охоты. Полный рюкзак лосятины. Когда стоял на платформе, вниз свалилась кепочка, а за ней и сам мужичок. И аккуратненько так устроился в желобе между рельсами, а рюкзак торчал сверху. Рюкзак сорвало поездом, а мясо разбросало по всей станции. Осмотрели мужичка. Кроме сломанной лодыжки, никаких царапин. В куртке три бутылки напитка под названием «Спирт питьевой». Был такой продукт, выпускался для тружеников Севера где на морозе простая водка кристаллизуется. Продукт в наших широтах редкий. Все три бутылки, естественно, целы. Одна, к сожалению, ополовинена. Стоит ли говорить, что они сразу перекочевали в наши чемоданы, за перенесенный по его вине стресс мужичку надо было расплатиться.

Пьеса пятая

Новогодняя пьеса для анатомического театра в 4 действиях, с прологом и эпилогом. Действие происходит в одном из полузаброшенных военных городков нашей области. В соседней воинской части еще теплится жизнь. Там и служит, вернее, служил наш герой.

Предисловие

Попасть живому в морг – не такая уж и редкость, и реальные случаи бывали. Диагностика смерти не так уж и проста, и ошибки

бывают, как и в любом другом диагнозе. Не зря за свою эволюцию человечество придумало столько проб на сохранность жизни. За примерами далеко ходить не надо. Помню, как один мой приятель, азербайджанец, тяжело болел пневмонией. Честно говоря, он и при жизни слегка смахивал на мумию, а болезнь сходство усилила. И вот по направлению участкового врача оказался в морге. Только на секционном столе заметили, что он жив. В сознание пришел в реанимации. История в свое время наделала шума, участкового врача уволили.

По «Скорой помощи» годами гуляет байка о том, как бабушка позвонила в неотложку и, разговаривая с трудом, спрашивала, можно ли ей снять повязку с челюсти. Диспетчер долго не понимала, в чем дело, пока не выяснилось, что вчера вечером к бабуле приезжал врач неотложки и поторопился констатировать бабушкину смерть. И даже по доброте своей душевной подвязал ей челюсть, чтобы она не окоченела с открытым ртом. Бабуля проснулась, но как человек старой закалки, дисциплинированный повязку самостоятельно снять не решилась. Только чувство голода заставило обратиться за советом к профессионалам.

Еще в свое время Невзоров в своей передаче «600 сек.» рассказывал о циничном ограблении морга, когда с покойника был снят и украден костюм. Мне довелось познакомиться со злодеем. Алкаш, живший в соседнем доме. За кружку пива охотно рассказывал свою историю. Как он, в очередной раз упившись, разбил морду в кровь. Надо сказать, что геометрия черепа у него уже была до этого испорчена старой трепанацией. «Скорая», увидев окровавленное тело с расплющенной головой, отвезла его в морг. Там он на холодке протрезвел и очнулся среди трупов. Надо было рвать когти, но окровавленная одежда не позволяла. Тогда он снял с трупа костюм и, прихватив заодно телефонный аппарат, вылез в окно. Телефон продал у ларька за 100 г спиртосодержащей жидкости.

Об одном таком примере мы и расскажем.

Пролог

На днях собираюсь выписать больного, который поступил 1 января. Тяжелая травма черепа, две недели комы. Как только зарастет на шее свищ после трахеостомы, получит пинок под зад и дружеские рекомендации. Он уже немного может ходить, разговаривает (больше матом), иногда просится в туалет (обычно когда туалет уже не нужен). Так что есть шансы на достойную социальную адаптацию.

События, предшествующие получению травмы заслуживают описания.

Действие первое

Вечером 31 декабря у пациента скончался отец. Пожилой человек долго и тяжело болел. Рак. Смерть ожидаемая, может быть, даже долгожданная, но, как всегда, несвоевременная.

«Скорая», которая констатировала смерть, выписала направление в морг. Врач любезно сам вызвал местную труповозку и умчался готовиться к встрече Нового года.

Труповозку, естественно, пришлось ждать. Ожидание скрашивалось водкой. Когда мой будущий клиент набрался до состояния, за которым следует безумие, жена, взяв ребенка, ушла встречать Новый год к подруге. Оставшись наедине с трупом, который лежал в большой комнате, или как называют ее у нас на селе: «в зале», клиент подумал о закуске. Поставив на газ кастрюлю с пищей, отвлекся. О еде вспомнил, когда жидкость выкипела, а из кастрюли пошел дым. Будущий пациент предпринял решительные меры по самостоятельному тушению пожара: открыл водопроводный кран на кухне с такой силой, что смеситель был оторван от стены. Две струи воды отбросили сироту к окну. Там он своим телом выбил стекла, при этом весьма основательно порезал руки и затылок. На улице подмораживало. В кухне температура при разбитых стеклах быстро опустилась ниже нуля. Вода на полу стала замерзать. Поскользнувшись на свежем ледке, ослабший от водки и от потери крови товарищ упал, конкретно приложившись головой об стену. Остатки сознания меркнут. Потоком воды залит очаг пожара и устроено короткое замыкание.

Гаснет свет.

Занавес.

Действие второе

Снизу прибегает возмущенный сосед. На его звонки дверь никто не открывает. Сосед – отставной офицер, действует четко и организованно. Выламывает дверь, увидев наводнение в квартире, бежит в подвал и перекрывает в доме воду. Зайдя в квартиру с фонариком, натыкается на лежащее на полу окровавленное тело. Попинав его в темноте, признаков жизни не замечает. Звонит в «Скорую», сообщает о том, что сосед сверху скончался. Но диспетчер успокаивает его, говорит, что все в курсе и по этому адресу уже выезжали.

– Можете сами убедиться, у телефона лежит направление в морг. – Сосед убедился, успокоился и пошел к себе ликвидировать последствия протечки. Как человек технически грамотный, он предварительно перекрыл газ в соседской

квартире, выкрутил пробки и перекрыл воду. Не оставлять же весь дом без воды в новогоднюю ночь. При этом окончательно доломал в квартире водопровод, согнув одну из труб, а во вторую намертво забил в качестве пробки деревянную ручку от стамески.

Действие третье

Труповозка приезжает ближе к утру. Санитары очень спешат. На следующую смену передавать вызов они не решились. Последствия выражений недовольства со стороны пришедших первого числа на работу могли быть весьма серьезными. Дверь в квартиру была открыта. В квартире – темнота. Пол покрыт слоем льда. Услышав мат скользящих в темноте на льду санитаров, пришел тот же сосед снизу и любезно предоставил фонарик. На кухне, в луже крови, лежало тело. Взяв направление и схватив клиента, санитары умчались на базу.

Действие четвертое

Утром хозяйка с ребенком возвращаются домой. Голова болит после бессонной ночи. Одно желание – лечь спать. Но в квартире замечает некоторый беспорядок. Разбито окно на кухне, лед на полу, следы пожара на стенах. Водопровод не работает, света нет. Из обстановки неизменным остается только труп свекра на диване в «зале». Муж пропал. Серия звонков в инстанции. В больнице ответили, что нет, такой не попадал. В милиции – тоже. Зато в морге ждала удача. Дежуривший санитар сказал, что да, привозили такого (забавно, но отца с сыном звали одинаково). Не совпадал, естественно, только возраст.

Диалог их не известен, но в результате у дежурного санитара все ж появились какие-то сомнения. Пока внезапно овдовевшая женщина мчалась в морг, он решил взглянуть на доставленного под утро клиента. Клиент был явно жив. Санитар звонит в «Скорую». Там скептически отнеслись к его рассказу об ожившем мертвеце (чего не привидится в праздник), посоветовали опохмелиться и приехать отказались. Санитар доплелся до приемного отделения больницы, где тоже был встречен со здоровым скептицизмом. Сестры даже вызвали врача, посмотреть, не горячка ли у сотрудника. Но дежуривший доктор был человек многоопытный, решил все же проверить. Ему удалось убедить «Скорую» приехать в морг. Вернее, прийти. Расстояние от их станции до морга составляло метров 100. Обнаружив, что клиент вполне еще живой, его срочно притащили в реанимацию. Даже не стали тратить время на оказание первой помощи.

Эпилог

Несчастная женщина примчалась к моргу, но дежурный санитар к этому времени уже находился по пути в астрал: с чувством выполненного долга, распираемый гордостью за свой подвиг, он продолжал праздник. Причем находился уже ближе к конечной точке путешествия. На крики жены, типа того, что зачем он ей сказал по телефону о том, что муж в морге, санитар ответил, что пошутил. Муж ее жив и лежит пока в реанимации, но не волнуйтесь, скорее всего, скоро будет. От предложений подождать его вместе и отметить наступление Нового года женщина отказалась. Окончательно осознав, что сегодня не ее день и вдовой ей сегодня, похоже, стать не суждено, она примчалась к дверям реанимации и там устроила истерику. Дежурного врача удивил ее не вполне логичный крик:

– Если он сегодня, сука, сдохнет, то я его убью своими руками.

Врач попытался поправить, что может убить лучше, если выживет, на что неудавшаяся вдова закричала еще громче, что если эта скотина выживет, то она просто не знает, что с ним сделает.

Свидания с мужем ей не разрешили. Больной был уже наголо побрит и готов к доставке в операционную. К его великому счастью оказалось, что мозгам в его черепной коробке жилось весьма просторно. То ли коробка была великовата для его мозга, то ли наоборот. Поэтому гематома, хоть и значительных размеров, сильно мозг не сдавила. Еще на операции стало понятно, что шансы выкарабкаться у больного есть. Он ими и воспользовался, хотя и не без потерь.

Пьеса шестая. Наследство

Звонок в дверь реанимации. У входа стоит мужичок.

– Здравствуйте, а что вы хотели?

– Вы знаете, у вас вчера умер мой дядя…

– Да, к сожалению. Мои соболезнования.

– Да нет, я не по этому вопросу. Доктор, вы должны, нет, просто вы обязаны сказать, что его последними словами были слова о том, что свой домик он завещает мне.

– Хорошо, я так и скажу, что свой домик он завещает мне.

* * *

Реаниматолога просят подойти в отделение. Говорят, что у

них скончалась бабушка. Хроническая больная, безнадежная парализованная старушка. Вежливый тон заведующего терапией насторожил. Понятно, что он хочет о чем-то попросить. Объясняют ситуацию:

– Понимаешь, бабка дышать перестала, мы родственникам сказали, что она умерла. Стали перекладывать на каталку, а она живая. Как нам теперь это объяснить родственникам? Они и так тут скандалят, жаловаться грозят. Может, вы ее возьмете к себе в реанимацию на часок, а родне мы скажем, что вы ее оживили.

– Уверен, что они за это спасибо скажут? Кстати, справку о смерти еще не выписали?

– Да нет, не выписали. Тут родня между собой грызется, каждый обвиняет всех остальных, что они заморили бабушку, а наследство присвоили. Без вскрытия брать отказываются. А патанатом уже уехал. Так что они придут за справкой только завтра.

Интересно, надо сходить, посмотреть на бабушку. Вдруг к завтрашнему дню справка как раз и понадобится. Но отнюдь, бабуля была в отличной форме. Ровно дышала, вела активную растительную жизнь. Так что врачи явно поторопились. У ее кровати две сестры собирали бабкино барахлишко. Пришлось прочитать им целую лекцию о том, что смерть – процесс не одномоментный, диагностика смерти чрезвычайно сложная вещь, тем более в таком возрасте. Но все это родню мало интересовало, две сестры со своими мужьями в споре сцепились между собой, даже дошло до драки. Пришлось разнимать их с помощью санитаров и вытолкать в коридор. Пусть идут, разбираются между собой, кому достанется домик в деревне. Судя по бабушкиному состоянию, времени у них еще достаточно.

Пьеса седьмая. Открытие купального сезона

На берегу озера лежит труп. Как казенно пишут в протоколах, тело молодого мужчины без признаков жизни. Рядом машина «Скорой помощи». Медикам делать нечего. Товарищ давно окоченел и явно ночевал под водой. Характерная поза «боксера». Сотруднику полиции друзья покойного рассказывают о случившемся.

Накануне они отмечали возвращение друга из армии. Того, чье тело сейчас лежит на берегу. Пьянка на даче с выходом на озеро, шашлыки, купание, ловля русалок в камышах. Отряд сначала не заметил потери бойца. На утренней перекличке, когда решался извечный утренний вопрос «а кто идет за Клинским?»,

его не досчитались. Поиски на озере не затянулись. Труп лежал у берега на глубине полметра.

К берегу подплывает конопатая девчушка, лет 12–13. Рыжие косички из-под резиновой шапочки. Родители не разрешают заплывать на глубину.

Смотрит на происходящее.

Один из друзей погибшего:

– Ну чего тебе надо? Разве интересно?

– Интересно – когда в пизде тесно, – резонно отвечает девчушка и уплывает к родителям.

Видимо, всё остальное родители девочке позволяют.

Осмотр заканчивается. Надо вывозить труп. При повороте изо рта льется зеленая жидкость. Приходится ждать, когда вытечет.

Один из фельдшеров заранее репетирует заполнение документов в морге, негромко напевая строчку из стандартного протокола осмотра трупа на мотив известной детской песни про козлика:

– С трупом доставлены:

Белые плавки.

Вот как, вот как – белые плавки…

Пьеса восьмая. Этапы большого пути. От колыбели до могилы

Недавно напомнили про пресловутую «Красную шапочку», знаменитый в 90-х напиток. На коробке конфет с коньяком, подаренной кем-то из родственников, попалась на глаза знакомая эмблема.

Есть в Питере такая фирма «Камея». Она начинала как кооператив с выпуска леденцов «Монпансье» в коробочках. Но на леденцах не разбогатеешь, и фирма стала торговать спиртом под видом кондитерских добавок. Пресловутая «Красная шапочка» – это ее продукт. Официальное название: «Экстрагент биоактивный». Поднялась на этом.

Непонятен состав напитка. Над разгадкой секрета бились все токсикологи Питера. Безуспешно, рецепт так и не расшифрован. Какой-то загадочный реактив, растворявший мозги, избирательно разрушавший миелиновые оболочки нейронов. Выпускалась она в пузырьках с красной пробкой. Отсюда и ее сказочное название. Имела «Красная шапочка» две разновидности. Одна чисто белого цвета, вторая, подороже, с голубоватым отливом. Те, кто заботился о своем здоровье, предпочитали голубоватую. Со слов знатоков, ее можно было пить неделю, а белую – не больше пяти дней подряд. После этого человек превращался в бревно. У него

при жизни коченели все мышцы, переставали сгибаться суставы, и обездвиженный товарищ помирал. Зато такие больные были крайне удобны для ручной транспортировки. Человека можно было взять за брючный ремень и нести как чемодан. Он не гнулся. Тем более что обычные потребители напитка не отличались избыточным весом. Частенько скромной закуской служил приобретенный в той же аптеке на сдачу гематоген. Я в те годы отрабатывал распределение на «Скорой» и познакомился с действием этого напитка. Почему-то запомнился случай, как целая команда полегла после встречи Нового года. В одной бомжатской квартире первого января валялось сразу восемь трупов. Все окоченели в том положении, в каком их застала смерть. Трое сидели за столом, двое лежали под ним. Один окоченел в ванной, один, которого мы за его широкополую шляпу назвали ковбоем, так в этой шляпе и поскакал в вечность верхом на унитазе. Один умер на кровати, хотя правильнее бы назвать этот предмет мебели не кроватью, а местом, где обычно в этой квартире кто-то спит. Два разнополых гоблина бродили по квартире и удивлялись:

– Вроде вчера встретили Новый год вместе, ну посидели, легли спать, да, как обычно, часов в восемь вечера, все живы были. А утром встали, они за столом сидят, не ложились, что ли?

Пришлось врачу «Скорой» заполнять восемь карт вызова и восемь направлений в морг.

Демографическая коррекция в городе была проведена с блеском. После этого фирма переключилась на похоронный бизнес. Многие знают коммерческое кладбище в поселке Кузьмолово. На месте старого песчаного карьера. Как раз эта фирма его и открыла. Помню, как в городе были развешены плакаты с рекламой нового кладбища. Мне больше всего нравилась одна из предлагаемых услуг: «Принимаем заказы на изготовление семейных склепов». Я сразу вспоминал погибшую в Новый год семью. Им как раз просто необходимо было заранее заказать семейный склеп.

Похоже, был такой замысел у учредителей. Бренд должен сопровождать человека на всех этапах жизненного пути. От колыбели до могилы, от леденцов до склепа. По слухам, была у фирмы еще какая-то связь с местной больничкой, и она пыталась закупить через нее в Германии печки для сжигания биологических отходов, которые на деле отказались печами для кремации. Причем печки оказались такой производительности, по сравнению с которыми питерский крематорий выглядел бы просто самодельной буржуйкой. Германцы в печах продвинуты, опыт накоплен. Но все это слухи, хотя похоже на правду.

Конфеты подарены родственницей одной пациентки. На всякий случай есть мы их не стали. Хотя в отсутствии злого умысла со стороны родственницы не сомневались, бабку реально удалось вытащить с того света. Но береженого, как говорится… Отдали их сантехнику за ремонт унитаза, в придачу к двумстам граммам проверенного медицинского спирта.

Пьеса девятая. Маленькая ошибка

Рассказывает врач-реаниматолог районной больницы. Лексика, не несущая смысловой нагрузки, опущена.

Вечером звонок в реанимацию.

– Скажите, как себя чувствует Трофимов?

Дежурный врач:

– Трофимов?

– Да, Николай Ильич.

– А вы кем ему приходитесь?

– Я ему законная жена.

Последняя фраза произнесена не без гордости, голосом не вполне трезвой женщины. Можно понять, у женщины горе, муж попал в реанимацию.

– Вы знаете, мы по телефону справок не даем. Вам надо прийти в дневное время, побеседовать с заведующим. Могу сказать только, что состояние тяжелое, стабильное. На всякий случай оставьте телефон для связи. Да, и ваше имя-отчество, как к вам обращаться.

Женщина диктует телефон, называет свое имя-отчество. Вешает трубку.

Но доктор допускает ошибку. Записывает ее имя и телефон на обложке истории болезни совершенно другого человека. Назовем его, например, Тютин. Вечер, врач устал к концу дня, за эту ошибку его можно простить.

Беда, но следующей ночью больной Тютин умирает. Скорбная обязанность врача сообщать родным о смерти близкого человека. Дежуривший в этот день доктор берет историю и без всякого сомнения набирает записанный на ней номер. Шесть утра. В такое время особенно тяжело приносить людям скорбную весть. После долгих гудков тот же нетрезвый женский голос грубовато отвечает:

– Алле.

– Извините, вы Татьяна Ивановна?

– Ну да, я.

– Я должен вам сообщить, что Тютин Василий Иванович час

назад скончался.

– А мне похую, – отвечает женщина и вешает трубку.

Что ж, реакция людей на смерть родственников бывает различной. Чаще всего в таких случаях говорят: «Спасибо!», вероятно, за то, что вовремя сообщили, хотя как знать… Привыкший ко всему врач садится дописывать историю болезни. Долг выполнен. К утру он забывает этот эпизод и на вопрос начмеда, сообщили ли о смерти родственникам, честно отвечает, что да, сообщили.

Часам к десяти супруга Трофимова, проснувшись или проспавшись, сама звонит в реанимацию, справиться о состоянии мужа. Трубку берет заведующий отделением. Повторяет, что ей надо прийти побеседовать лично, что состояние тяжелое. Женщина, по ходу, интересуется:

– Скажите, а кто такой Тютин Василий Иванович?

– Это был наш пациент, лежал в одной палате с вашим мужем. Он ночью скончался.

– А вы что, всем сообщаете, когда у вас кто-то умер?

– Да, мы всем сообщаем. Это наша обязанность.

– Что, всем? Всем родственникам больных, которые у вас лежат в больнице?

– Да всем. Естественно, тем, чей телефон записан.

– Вам что, делать не хуй?

– Извините, но я бы попросил…

– Да идите вы на хуй, я на вас жалобу напишу. Вместо того чтобы работать, вы на телефоне сидите, по ночам людям звоните.

– Да пишите вы сколько хотите. Нам это тоже порядком поднадоело, сами чаще своих родных навещайте.

Через пару часов мадам прилетает в больницу. Сразу бежит к начмеду.

– Мне ваши врачи, мудозвоны, звонят ночью, говорят, что он умер, а помер какой-то Тютин, а мой муж, оказывается, жив, я так не оставлю, я напишу.

Язык уже заплетается, понять, чего она хочет, трудно. Мадам крепко пьяна. Начмед начинает вспоминать, напоминает ли фамилия кого-то из врачей звукосочетание «Тютин» или это просто в глазах посетительницы собирательный образ раздолбаев, засевших в реанимации. Из женской солидарности к пьяному виду мадам относится с сочувствием, еще бы, такая произошла ошибка, любой может выпить с горя, когда ему понапрасну сообщают о смерти самого близкого человека. Звонит в отделение заведующему:

– Так, кто из ваших ночью сообщил женщине, что ее муж якобы умер. Выяснить и ко мне!

Внутри отделения недоразумение выяснилось быстро. Заведующий сам идет к начмеду. Там сидит законная жена гражданина Трофимова и ждет расправы над врачем. Заведующий упреждает:

– Скажите, вот вам лично кто-нибудь сказал, что умер ваш муж? Никто ведь не сказал, что умер именно Николай Ильич?

– Нет.

– Тогда какие у вас претензии? Вон, у нас в собесах при жизни пенсионеров в покойники определяют, а у вас муж жив, и никто его хоронить не собирается. Хотите, лично зачеркну на истории болезни ваш телефон, чтобы вам никто не звонил?

– Нет, не надо, пусть будет, если что случится – позвоните.

– Обещаю, что позвоним. Обещаю.

На этом стороны пока разошлись миром. Случай почему-то сильно развеселил публику и обсуждался целые сутки. Предлагалось ввести услугу – рассылка SMS-уведомлений родственникам о состоянии пациентов. Собрались предложить администрации установить в отделении электронное табло, как в аэропорту. Такой-то прибыл, такой-то вылетел, у кого-то вылет временно задерживается.

Пьеса десятая. Собаки

Как-то иду на работу, смотрю: на пороге больницы завывает санитарка. Если б не обилие произносимого ей мата, можно было подумать, что он громко читает молитву:

– Господи, спаси. Я иду на работу. Собака. Навстречу бежит. Огромная. В пасти нога. Человечья.

Появился интерес. Остановился выяснить причину.

Санитарка продолжает рассказывать, как ей навстречу попалась собака, несущая человеческую ногу.

– Вы не выпивали, Степановна? – на всякий случай спросил я.

– Да побойся бога, с Покрова в рот не брала. Сейчас мой зять пьет.

Не было сил задуматься над смыслом ответа. Спрашиваю:

– А собака с ошейником была?

– Вроде с ошейником. Здоровая такая. Говорила я, не хер их прикармливать. Разорвали на куски. Человека. Точно разорвали. Морда в крови. С ноги кровь капает. Конец нам всем, господи, всех разорвут. Надо на пустырь идти, там все. Там искать надо.

– Слушайте, Степановна, если собака с ошейником, значит, домашняя. Наверно, из поселка. Наши больничные без ошейников бегают. Может, хозяин в больнице у нас лежит, она и ждет,

встречает. А ее хозяина просто по частям выписывают. Вы лучше сходите в хирургию, спросите, не было ли там вчера ампутаций.

Потом подумал:

– Нет, вы лучше не ходите. Сам схожу, узнаю. А то вы еще найдете хозяина ноги, расскажете, как его ногу собаки по поселку таскают. И так человеку тяжело.

Степановна – баба простая. Вполне могла рассказать.

Поднялся в хирургическое отделение. Там в ординаторской был небольшой переполох. Уже звонили из морга и спрашивали дежурного хирурга, где его ноги. Естественная реакция человека на подобный вопрос – это послать на хуй и повесить трубку. Посылать пришлось раза три. Затем все же настойчивость патологоанатома победила, и хирург пошел узнавать, в чем дело. Оказалось, что накануне сделали две ампутации ног, но санитарка из оперблока клялась, что отнесла их в морг. Тут я и рассказал, что одну из ног утащила собака, а где вторая – пока не известно. Заведующий хирургией вздохнул, достал из шкафа три бутылки коньяка и пошел в морг на переговоры. На ходу пригрозив уволить санитарку, а остальных своих сотрудников припугнул, что в следующий раз коньяк будут покупать сами.

Но санитарка оказалась не так уж и виновата. Для мусора есть пакеты. По приказу главного санитарного врача страны они разноцветные. Черные, попрочней, – для бытовых, безопасных отходов, желтые – для опасных, а для отрезанных частей тела – красные. Только все они, кроме красных, складываются рядом на одну помойку. А утром приезжают на мусоровозе мрачные узбеки и скидывают все в один контейнер, им Онищенко не указ. А биологический отход типа отрезанных ног, положено отнести в морг, а потом отдельно сжечь в специальной печи, если хозяин, конечно, не успевает их догнать на этом свете. Догонит – похоронят вместе с ним. А печку растапливать ежедневно лень, не экономично, и частенько все это накапливается в подвале, пока крысы не разносят. Друг рассказывал, как в их больничке крысы таскали по двору уши.

Из экономии красных пакетов на 200 литров никто в больнице не закупал. Для вырезанных потрохов хватает пакетов из магазина «Пятерочка». Они тоже красные. Больше все равно из человека внутренностей не вырежешь. Можно, но обычно просто не имеет смысла. Но тащить отрезанные ноги по улице в продуктовом пакете неудобно, вот и пришлось запихнуть в черный. Санитарка, увидев запечатанный черный пакет, забыла, что там две ноги, и вынесла на помойку.

В обед пришел хозяин собаки. Она с прогулки принесла ему добычу и положила на крыльцо. Устроил скандал. Ногой,

завернутой в полиэтилен, швырнул в дежурного врача. Силами двух охранников был выброшен на улицу. Угрожал жалобой. Но тут можно не волноваться, не напишет. Остынет, поймет, что здоровья на всю жизнь ему все равно не хватит и рано или поздно к нам в больницу он попадет. А тут подумаешь, испугался, нога на крыльце валяется. К нам вот часто привозят с оторванными руками и ногами, и ничего. Привыкли. Вот к виду оторванных голов, честно говоря, так и не привык. Но, слава богу, отдельно головы или тела без голов к нам давно не привозили. Врачи на «Скорой» понимают, что фантомные головные боли мы лечить не умеем.

А вот вторую ногу пока не нашли.

Пьеса одиннадцатая. Клиническая смерть

Утром звонок из приемного в реанимацию: к вам везут клиническую смерть. Я уже считал оставшиеся минуты до конца смены и уже давно измерял шагами коридор, сравнивая полученное расстояние (75 метров) с количеством половых плиток (0,3 метра плюс 5 мм шов между ними), поэтому встретил клиента прямо у лифта. Санитары выкатывают окоченевший труп мужчины лет 45, с пятнами гипостаза на лице, но, слава богу, еще без признаков разложения. За каталкой семенил дежурный терапевт. На вопрос, где же ты тут увидел клиническую смерть, он попытался сделать пару толчков в грудь трупа, изображая массаж сердца. Моментально терапевт был послан на хуй вместе с трупом и молча уехал обратно в приемное отделение. У входа в отделение реанимации сидели удивленные родственники, два мужика и тетка. Судя по внешнему виду, люди не очень сложные, с отсутствием следов интеллекта на физиономиях. Вероятно, приезжие. Как же такое могло случиться? Только что дышал, мы спокойно спали, вдруг женщина проснулась от его храпа, позвонила брату. Тот приехал на своей машине, они его погрузили на сиденье и привезли в больницу. Всего-то прошло времени часа два, не больше. Тут же рядом, от силы час езды. Спасите. Объяснив двумя словами – он умер – бесперспективность ситуации и проводив родственников, я продолжил свои вычисления. Оставалось работать еще 108 минут.

Дежурный доктор-терапевт страдал тяжелым аутизмом, вернее страдали окружающие его люди, и поэтому никогда не задерживался подолгу на одном месте работы. Нестандартность мышления в сочетании со специфическим слабоумием не позволяли ему заниматься каким-то одним делом, и к сорока

годам он сменил несколько десятков специальностей, от кардиореаниматолога до гомеопата. В его трудовой книжке уже было 2 вкладыша. Среди его сертификатов встречались просто экзотические, типа выпускника Израильской школы фитотерапевтов, магистра гомеопатии и экстрасенсорики. Единственное, что он делал безошибочно, так это выносил диагноз «СПИД» на обложку истории болезни, причем при первом осмотре больного, без всяких анализов, и при этом никогда не ошибался в диагнозе. Как это ему удавалось, было тайной. Во всех остальных диагнозах он ошибался.

За 76 минут до конца дежурства меня посетила мысль, а что же этот шизофреник напишет в истории болезни? Если он догадается написать, что доставил в реанимацию больного в состоянии клинической смерти, а там был послан, то у меня будут большие проблемы. Надо спуститься в приемное и оставить хоть какую-нибудь запись в истории болезни.

В приемном покое утренняя суета. Перед сдачей смены всегда надо успеть сделать много дел. Терапевта на месте не оказалось. Поймав на бегу дежурную медсестру, спросил, а где история болезни умершего. «А нет истории», – ответила сестра. «Как же нет, где же труп, – удивился я, – как же он его оформил?» «А не надо, – мне отвечает, – никого оформлять». Родственники спрашивали, что же нам теперь делать, но вы его так расстроили, что он сказал им: это ваш труп, делайте с ним что хотите, можете увозить. Те погрузили тело в машину и увезли.

Способность удивляться проявлениям идиотизма была утеряна еще в институте. Но здесь ситуация была неординарная. Неизвестный труп молодого мужчины, привезенный неизвестными людьми, на машине, у которой не то что номер, даже марка не известна (кажется девятка, кажется темная.)

– А фамилию-то он хоть записал?

– Да нет, так отдал. Чего ему историю болезни заводить?

Хорошо, необходимость в записи дежурного реаниматолога отпала. Нет человека – нет проблемы. Но надо рассказать на утреннем обходе.

Оставшееся время до конца работы ушло на обсуждение ситуации. Вспоминалась известная свалка старых автомобилей из «Криминального чтива», мистер Уиткинс, решающий все проблемы, его фраза «никто его не спохватится» и прочие эпизоды. Конец дежурства прошел весело. История пересказывалась каждому приходящему на работу.

Услышав смех, в ординаторскую, заходит начмед. Чего же им так весело? Начмеду предложили повеселиться с остальными, рассказали историю. Но начмеда история не развеселила.

– Где этот мудак, убью скотину (дальше нецензурно)! Что за труп, откуда, почему даже не записана фамилия?!

Мы тоже затихли. Понять начмеда можно, если вдруг там криминал, смерть насильственная, то неприятностей у администрации мало не будет. В течение дня была оповещена вся полиция района, подключено ГУВД, даже обратились с просьбой о содействии к частным охранным структурам (попросту – к местным бандитам) в счет прошлых и будущих медицинских услуг. Тишина. Пять дней прошло, никакой труп в озере не всплывал, на обочинах дорог и в лесах не находился. Появилась надежда, что не всплывет. Сожгли в печке или глубоко закопали.

На шестой день в приемном раздался звонок. Звонили родственники умершего. У них созрел вопрос: а что же теперь делать дальше? Нельзя ли его снова привести в больницу, а то он дома лежит, стал вонять, разлагается. Было это летом.

Пьеса двенадцатая. Цыганский барон

С утра больница на осадном положении. Все входы закрыты. Впускают только по пропускам. На площади перед больницей расположился цыганский табор. Понятно. Очередной представитель их племени попал к нам. Судя по количеству людей, а собралось больше трех сотен, и наличию машин с номерами разных регионов, от Мурманска до Курска, не иначе – очередной местный барон. Разогнать эту толпу не возможно. Бессильна больничная охрана, полиция. Однажды вызывали пожарных, которые пытались смыть толпу из шлангов. Бесполезно. Мелкие цыгане лезут во все щели, женщины устраивают такой вой, что нервы не выдерживают ни у кого. Приходится вступать в переговоры с бароном. Его авторитет непререкаем. Одно слово – и вся стая исчезает в течение пары минут. Хорошо, если барон в состоянии сказать это слово.

Толпа стоит не первый день. Расставлены столы, кибитки. Зачем они всем табором стоят у больницы, непонятно никому. Даже им самим. Обычно через внешнее кольцо охраны прорывается группа человек в 10, которая умоляет дежурного врача пропустить одного из них к больному с криком:

– Я ему самый близкий родственник, я муж сестры его жены, я как узнал о таком горе, я из Москвы приехал. Пусти, брат!

Похоже, роль переговорщика опять отведена мне. Знаю несколько слов по ромейски. Кроме всем известного «Лавэ нанэ». Могу на их языке внятно послать подальше.

Самые худшие подозрения оправдываются, когда поднимаюсь

к себе в отделение. Барон лежит у нас после операции. От наркоза еще не отошел, а когда отойдет, навряд ли сможет подойти к окну и крикнуть своим, чтоб те убирались ко всем чертям. Болезнь долго не позволит ходить. У барона парапроктит.

Оказывается, цыган проглотил куриную кость, которая застряла в прямой кишке и проткнула ее стенку. Возможность обратного пути попадания в кишку куриной кости отметается. Цыгане – не тот народ. Педиков среди них нет.

Парапроктит оказался запущенным. Инфекция расползлась вокруг прямой кишки и распространилась вверх, в брюшную полость. Хирургам пришлось рассечь задницу крестом на четыре части. Для лучшего оттока гноя. Странно, но чувствовал барон себя при этом неплохо. Внешне совсем не производил впечатление умирающего. Хотя все хирурги утверждали, что выжить при таком обширном распространении инфекции невозможно. Смерть от калового перитонита неизбежна. По крайней мере, все это надолго. Придется терпеть табор под окнами и отбиваться от попыток цыган пролезть в отделение навестить больного.

Через пару дней цыган стал поправляться. Нет температуры, хороший аппетит. Глотал целиком мандарины, которые почти целыми потом находили в памперсе при перевязках. На глазах происходило маленькое чудо.

И вдруг цыган исчез. Убежал из больницы. Следом снялся табор. К обеду стало тихо.

Искать, заявлять в милицию о пропаже, естественно, не стали. В истории болезни оставили запись, что самовольно покинул больницу. Был в ясном сознании, за свои действия отвечал вполне.

Ну и слава богу. Нет человека – нет проблемы. Все равно вернется. Надо еще делать перевязки, да и еще предстояла реконструктивная операция.

Но цыган не вернулся. Вечером приходит представитель из табора. Сует под нос красную книжечку – удостоверение. В ней от руки написано, что такой-то является заместителем цыганского барона. Я сначала шутки не понял, но оказывается, что подобное удостоверение среди цыган имеет большую силу. Грамотность у них ценится, к написанному слову доверие абсолютное.

– Ну и что вам надо? – спросил я.

– Доктор, справку дай.

– Какую справку?

– О том, что Михай лежал у вас.

Надо сказать, что почти все окрестные цыгане носят фамилию Михай. Один табор.

– Я не дам справки. Канцелярия уже закрыта. Завтра приходите к лечащему врачу. Да и он не обязан справку писать. Ваш Михай без разрешения убежал.

Заместитель плохо говорил по-русски. Ушел ни с чем.

Через пару часов прибыл местный околоточный, полицейский участковый. С той же самой просьбой.

– Да не могу я сейчас дать никакой официальной справки. Нет у меня печати, мою подпись никто не заверит. Завтра приходи.

– Да ты хоть от руки напиши, пожалуйста, – умолял полицейский, – мы просто не знаем, что делать. Напиши на простом листочке, что ты такой-то – такой-то подтверждаешь, что Михай лежал у вас в больнице и у вас был прооперирован. Коньяк с меня, ты же меня знаешь. За официальной бумагой приду завтра.

С околоточным я действительно был знаком. Написал от руки то, что он просил. Довольный, полисмен умчался. Коньяк, кстати, я так и не получил. Зато узнал следующую историю. Она того стоит.

Оказалось, что Михай добрался до дома. Вывел из конюшни любимого жеребца. Вскочил на него и поскакал. Как он это умудрился сделать, с разорванной задницей, непонятно. Но задница его все же подвела. Михай не удержался в седле и свалился с коня. Разбил голову. Родня принесла его домой, где он вскоре и скончался от ушиба мозгов. Приехавшая «Скорая помощь» от греха подальше вызвала полицию. Смерть неестественная, им так положено по инструкции. Приехавшая полиция обнаружила тело с задницей, располосованной крест накрест. Решив, что совершено некое зверское ритуальное убийство, арестовали всю семью. Возможно, подумали, что в таборе завелись сатанисты, практикующие такой страшный способ убийств, как вырезание креста на заднице, или что там еще подсказала милицейская логика. Семья состояла из 29 человек. Всех затолкали в обезьянник местного отделения, куда обычно пятый посетитель запихивался с трудом. Если кто видел убитых горем цыган, поймет тот ужас, который пережили полицейские. Не зря околоточный так выпрашивал справку о том, что разрезы на заднице сделаны в больнице. А смерть наступила в результате падения с лошади. Для цыгана это смерть естественная, даже желанная.

Пьеса тринадцатая. Пока Стивен Сигал отдыхает…

У нас будет покруче. Почти готовый сценарий к фильму «В осаде – 3». Римейк фильма «Табор уходит в небо».

ДТП на трассе. Разбитые «Жигули» «классика». Внутри трое цыган. Два трупа, один живой, с переломанной ногой. «Скорая помощь» отбивается от цыганского табора, подъехавшего на место быстрее «Скорой» и автоинспекции. Цыгане требуют взять с собой трупы и отвезти их в больницу, там спасут. Живого цыгана «Скорая» привозит в приемное отделение. Врач-девушка трясется от пережитого страха. Следом цыгане сами привозят трупы на своих авто. Тут начинается движуха. Звонок из приемного покоя. В телефонной трубке крик медсестры: «Спасите!» Спускаюсь. Делать там уже нечего, на каталке лежит труп. Видно, что череп расплющен. Группа цыган, человек 30–40, требует спасти. Мужики кричат, угрожают. Десяток женщин катаются по полу. Тоже не молча. На дежурной медсестре разорван халат, санитарки разбежались. Охранник заперся изнутри в кладовке. Спорить бесполезно, качу на каталке труп к лифту, к себе в реанимацию. Обещаю сделать все возможное и попутно посылаю всех на хуй. Сестру и врача «Скорой» забираем с собой. Запираем в отделении все двери. Труп оставляем пока в стороне. Первый этаж отдается цыганам. Тактическое отступление. Но на первом остается один из грузовых лифтов.

Звоним в полицию. Видно, что это делаем не мы одни. Минут 10 постоянно занято.

Цыгане угоняют лифт со спящим в нем лифтером и вкатывают к нам еще один труп. К счастью, много их в лифт не вошло. Всего пять или шесть человек и их удается вытолкать. Цыгане – народ мелкий, а старинная каталка со съемными носилками в руках профессионалов – оружие удобное. Носилки приподнимаются вверх, снимаются с опор, человек ждет удара в лицо, а в этот момент ты ударом ноги выталкиваешь освободившуюся нижнюю часть каталки вперед. Можно сломать противнику голени. Очередной труп весь залит бензином, и держать его в нашем помещении страшно, вокруг кислородная подводка. Прячем его в кладовке. Кто-то предлагает повесить табличку с надписью «склад мертвых цыган».

Отчаявшись дозвониться в полицию, срываем печать на сейфе с наркотиками. Обычно ОМОН после этого приезжает быстрее, чем через 5 мин. Но это на учениях. Ждем.

Из-за дверей крики:

– Доктор, как мой брат? Мне-то можно сказать правду? Как он?

В карманах трупов непрерывно звонят многочисленные мобильники. Цыгане хотят справиться о самочувствии лично:

– Брат, ты как там? Уже на небе?

Звонки раздражают, но рыться в их грязной одежде неохота.

Смотрим в окно, ждем полицию. Вместо нее продолжает двигаться колонна машин с цыганами. Шлагбаум на въезде сметен, и машины загораживают всё пространство перед больницей. У входа не менее 200 человек. Половина машин якобы ломается. Начинается демонстрация ремонта и перекачивание бензина. Наряду полиции в бронежилетах приходится идти пешком от трассы. Очищают первый этаж, становятся у дверей. Толпа у входа рассасывается. Из приемного покоя исчезает телевизор – не самая дорогая цена победы. Пропадает даже цыган с переломанной ногой. Трупы прячем до темноты в подвале, чтобы ночью, если конечно, не будет вокруг цыган, увезти в морг.

Пьеса четырнадцатая

Звонок в реанимацию.

– Вас беспокоит дежурный хирург.

– Дежурные хирурги нас постоянно беспокоят. Короче, что хотите.

– Вы не могли бы к нам подойти? Знаете, у нас умерла бабушка, и мы бы хотели…

– Старенькая?

– Да. 89 лет.

– Скорбим… Только чем мы можем помочь?

– Вы знаете, мы тут сомневаемся, вдруг она еще жива.

– Зеркальце поднесите.

– Подносили, все равно сомневаемся.

– Вы что (слово «идиоты» удается не произнести вслух)? Серьезно зеркальце подносили?

– Ну да. Кажется, не потеет, но вот сомневаемся.

– Тогда пробу Дегранжа проведите.

– А что это за проба.

– Как, не знаете пробы Дегранжа? Ну хорошо, тогда приду, объясню.

Распечатал на принтере пару страничек из любимого учебника по судебной медицине тридцатых годов с описанием проб на сохранность жизни. Особенно умиляли пробы на чувствительность, носившие имена французских авторов: проба Дегранжа – инъекция кипящего масла в сосок, проба Жоза – захватывание кожи клещами, и так далее. Мсье понимали толк… Отнес, повесил в ординаторской хирургического отделения.

– Это вам, подарок. Чтобы больше не вызывали по такому

поводу.

Раньше ученые творчески подходили к процессу констатации смерти. А вы говорите, зеркальце…

Пьеса пятнадцатая. Гроб в приемном отделении

Вечером захожу в приемное отделение. Молодая женщина поступает с довольно редкой аритмией. Не мое это дело, но терапевт просит совета. Беру историю, ЭКГ, приглашаю больную в смотровую. Открываю дверь, пропускаю вперед: «Проходите, пожалуйста». Тетка делает шаг вперед и замирает на пороге:

– Я туда не пойду.

Заглядываю внутрь. Посередине комнаты стоит огромный роскошный гроб. Лакированный, с позолотой, с двойной крышка. Не гроб, а мечта. Не понимаю причину отказа.

– Да нет-нет, вам именно сюда. Смотрите, написано ведь: «Женская смотровая».

Больная стоит на пороге. Чтоб ее успокоить, подхожу к гробу, приподнимаю крышку.

– Смотрите, тут же никого нет. Не бойтесь, проходите.

– Знаете, давайте я завтра приду, у меня это не первый раз, я до утра подожду.

Вдвоем с терапевтом уговариваем больную остаться, зря не рисковать. При этом начинаем понимать, что наличие гроба в приемном отделении не вполне естественно, и человек посторонний может понять не совсем правильно. Спрашиваю у доктора, а откуда у вас этот шедевр мастера Безенчука?

– Да ты понимаешь, часов в восемь притащили из ритуального агентства, типа срочный спецзаказ, нестандартный размер, только к вечеру управились. Это для того депутата, что вчера тут зажмурился. В обычный гроб, даже двойной, туша не влезает. Морг уже закрыт, а мужикам-то по фигу. Сгрузили и уехали. Мы только уговорили его в смотровую занести, чтоб посреди холла не маячил. В кладовку не вошел, а в санитарной комнате его держать сказали нельзя, сыро. Лак еще не просох.

Пьеса шестнадцатая. Русская секционная

Довел до невроза навязчивых состояний нашего лечащего патологоанатома. Как-то напел ему при случае адаптированные куплеты Мефистофеля. Странное дело. После этого стало казаться, что он с каждым днем все больше напоминает

опереточного дьявола. Сапоги со шпорами, длинное черное пальто, широкополая шляпа. Отрастил волосы, стал заплетать их в косичку, бородка-эспаньолка. А в жизни – человек добрейшей души. Безумно любит свою профессию. Готов оставаться на работе, ждать, если кто из пока еще живых пациентов готовится в ближайшие часы к нему на прием. Часто приходит в отделения, особенно в реанимацию, знакомиться со своими будущими клиентами, еще при жизни. Кажется, готов брать работу на дом.

На днях при посещении морга застал его за работой. Нарезая на куски чью-то огромную печенку, дирижировал секционным ножом и напевал:

– Пат-ана-том правит бал, там правит бал…

В ответ на мое приветствие:

– Да пошел бы ты на, привязался, бля, мотивчик.

Повторять не заставил, ухожу куда послали. Я не большой любитель ходить в морг. Из секционной доносится:

– Парень крепко побухал, да побухал…

Пьеса семнадцатая

У входа в реанимационное отделение встревоженная родня:

– Скажите, а у вас в морге есть специалист по макияжу? А то мы можем привезти из города.

Не понимаю, о чем речь.

– Ну нам этот нужен, визажист, ну тот, который трупы в порядок приводит. Нам сказали, что наша мама у вас, что она в очень тяжелом состоянии. Понимаете, она в молодости была красавицей, в кино снималась, кстати, Екатерину вторую играла, вы должны помнить. Она бы не хотела плохо выглядеть на похоронах.

– Эта профессия называется «ретушер». Он есть у нас, профессионал. Можете не волноваться. Только ваша мама хоть и на искусственной вентиляции легких, но в сознании. Могу разрешить пройти на несколько минут, сами спросите, как ее одеть на похороны. Говорить, конечно, не может, но может написать. Халат наденьте.

Выходя через пару минут из палаты, дочка интересуется диагнозом, перспективами. Предлагает достать любые лекарства.

Бабушка пролежала 2 месяца на ИВЛ, еще месяц провела в палате с трахеостомой. Удалось выходить, выписалась домой. Через 3 месяца ее насмерть сбило машиной. От судьбы не уйдешь.

Пьеса восемнадцатая. Любовь к жизни (Почти по Джеку

Лондону)

Подтверждается одна из известных наших теорий: если человек хочет жить, убить его практически невозможно. На днях выписали товарища. История болезни в трех томах. Вот краткое резюме. Поступил пациент, назовем этот процесс – «лечиться», еще в начале октября. Смертельно пьяным. Полежал в изоляторе на полу до утра, проснулся – начал буянить, каких-то червей из волос доставать. Нормальное дело – белая горячка. Наши чудотворцы его связали. Успокоили так, что пару дней мужик провел в глубоком наркозе. Кто ж знал, что он не только пьяный, но еще и жестоко избитый. Били, видимо, ногами в живот. В результате через два дня тело еще в полной релаксации, на ИВЛ, только вот живот почему-то раздувается. Пытаемся разбудить – буйствует. До вечера требуем от заведующего хирургическим отделением: посмотри на клиента, ну не нравится нам его живот, явно болит. Ну а тому, понятное дело, связываться не хочется. Не его пациент, зачем ему проблемы. Помрет еще, так пусть лучше за терапевтами числится. Только ночью уговорили дежурного хирурга посмотреть. Да, говорит, тут что-то не так, давайте на стол.

Разрез, из живота вываливаются черные кишки. Тромбоз мезентериальных сосудов. Ладно, решают хирурги, давайте сделаем резекцию, но исключительно для патологоанатома, пусть ему будет красиво, а товарищ все одно не выживет.

Нашли кусочек тонкой кишки, сантиметров 30, по цвету вроде более-менее жизнеспособный, подшили к сигмовидной, остальное все вывалили в тазик. Зашили. Сижу в операционной, жду: перекладывать на кровать или сразу свалить на железную каталку и отвести в подвал. Септический шок, адреналин льется в каких-то невероятных дозах. Но организм живет. Позвал дежуривших в тот день студентов, посмотрите, вот как человек выглядит в терминальной фазе септического шока, некрасиво выглядит, весь в черных пятнах. Ну раз те пришли, давайте переложим на кровать, пусть в реанимации лежит, сидеть в операционной ночью и ждать неохота. До утра, скорее всего, не дотянет.

Утром смотрим, а он живой. И даже давление есть без всякого адреналина. И просыпаться начинает. Ну нет, милый, ты поспи, нечего тебе в сознании на своих похоронах делать. Три дня прошло – все нормально. Остатки кишочков работают, будто мужику не весь кишечник вырезали, а какой-нибудь аппендикс. Тут уже заведующий хирургией заинтересовался, давай возьмемка его в операционную еще раз, проверим. Снова в живот залезли:

все там чисто, только просторно стало внутри, не тесно. Ладно, посмотрим, что будет, пусть просыпается.

По ошибке жене о смерти товарища сообщили, та скандал устроила, а он все живой.

Когда проснулся, стал есть. Ел забавно. Наши исследователи стояли с секундомером, отмечали, сколько времени занимает пассаж пищи по остаткам кишечника. Интересно. После глотка пища через 30–40 секунд оказывалась в памперсе. Практически в неизмененном виде. Но мужик стал поглощать еду в таком количестве, что что-то успевало всасываться, только санитарке приходилось после него выносить экскремент ведрами. Похудел, конечно, килограммов на 40. Зато переворачивать его стало удобнее.

Но это еще не беда. В придачу оказался еще ушиб легкого. Началась пневмония, абсцесс. Пришел торакальный хирург, посмотрел. Да, говорит, тут без резекции легкого не обойтись. Но только мы его не возьмем, не перенесет. Попробуйте так, переворачивайте его почаще, пусть откашливает. Объяснили мужику задачу: ложись на бок и кашляй, мокроту не глотай, ты откашливай, откашливай. А мокрота из него льется литрами, и откашливает он ее сразу с двух сторон. Пришлось кровать боком поставить к стенке, чтоб хоть сзади откашливал не на середину палаты. И ведь откашлял почти целиком одно легкое, снова поправляться начал. Предложили ему еще раз в кишочках покопаться, анастомоз переделать. Для того чтобы после еды до толчка добежать успевал, но мужик сказал спасибо, я как-нибудь с этим справлюсь. Поблагодарил за помощь, коньяк притащил, закуску. Молодец, не конфет принес, а колбасы, копченых изделий. Понял, что пища должна быть сытной и ее должно быть много.

Пьеса девятнадцатая. Маленькая трагедия

Поздний вечер, зима. Мороз за минус 20. С отделения неврологии звонит медсестра, просит дежурного врача подойти. Говорит, что у нас дедушка скончался, надо бы оформить. А неврология в соседнем здании, метров за 200. Неохота дежурному врачу тащиться по морозу, посмотреть на труп. Спрашивает:

– А точно умер? Слышит в ответ:

– Точно, давно уже не дышит, да он уже совсем плохой был, еще на прошлой неделе должен был. Хорошо, сейчас санитаров пришлем с каталкой. Нашли санитаров, разбудили, отправили за

телом. Прошло время. Снова санитары понадобились, а на привычном месте, на их лежбище, никого нет. Где? Пошли по их следам, искать. Не доходя до морга, услышали стон, смотрят, в сугробе лежит дедушка и стонет, а санитары спят на снегу. Дедушка сломал ногу. Погрузили дедушку на каталку, отвезли на травму, а санитаров в тепло.

Утром пришла родня, навестить дедушку, а им объясняют, на неврологии его нет, что его перевели на травму, потому что дедушка бедро сломал. Как сломал? Он же не встает несколько лет, как он мог бедро сломать? Ну как, просто сломал. По пути на травму и сломал.

Пьеса двадцатая. Сицилианская защита

На четвертый день пребывания в больнице дедушка стал вести себя совершенно адекватно, как и положено жителю деревни Лупполово при долгом воздержании от спиртного. Стал ловить чертей. На груди одной из медсестер разорвал халат, кофту и лифчик, укусил за грудь, другую повалил на пол, пытаясь овладеть прямо в палате, но был отброшен и, падая, ударился головой о стену. После этого, казалось, успокоился, долго спал, а проснувшись, написал расписку, что отказывается лечиться в больнице и настаивает на выписке. Это было уже слишком, и деда перевели в отделение реанимации, где его сознание постепенно стало угасать. Когда стали разбираться в причинах угасания, оказалось, что у деда в трех местах сломан череп, наверняка есть внутричерепная гематома. Радость переполнила заведующего терапией. Сейчас больной будет прооперирован и, что вероятнее всего и случится при такой травме, умрет, числясь за хирургическим отделением. Борьба за процент снижения летальных исходов. Но радость была преждевременной. На операции было сразу видно, что гематоме в голове сроку от силы 2–3 дня и получить ее до поступления в больницу дед просто никак не мог. От судмедэкспертов такого не скрыть не удастся. Видимо, сестры защищались слишком активно.

Пьеса двадцать первая. Старый холодильник

Выкинул старый холодильник на даче, слава богу, отработал свое. Вспомнилась история, связанная с его приобретением. Начало 90-х, заря рыночных отношений. Дежурил я в те годы на «Скорой». Ночь, часа три. Едем с вызова по Садовой улице. С

тротуара срываются несколько мужичков, машут руками, бегут навстречу. Смотрим – на тротуаре стоит вполне себе новый гарнитурчик, шкаф, пара кресел, стулья, стол. Явно недостает дивана или кровати. Рядом холодильник, телевизор, что-то еще из бытовой техники, посуда. Кухонная мебель не новая, в стороне. Странное время граждане выбрали для переезда. Притормозили узнать, вдруг что случилось. Но мужики понимают, что ошиблись:

– Извините, мы решили, что вы – труповозка.

– Да нет, не совсем. Мы «Скорая помощь».

– А, «Скорая» у нас уже была, мы труповозку ждем.

– А что случилось?

– Да у нас бабушка умерла… А, кстати, вам мебель не нужна? Берите, недорого отдадим.

– Ну холодильник-то я бы купил, странно только, а он не паленый?

– Да не, он наш, вот документы есть, гарантия. Недорого, забирайте. А если водка есть, то за две бутылки.

Водки с собой не было, пришлось расплатиться деньгами, дать на две бутылки по ночной цене у спекулянтов. Погрузили мужички холодильник, говорю водиле:

– Давай пока отвезем на станцию, завтра на своей машине приеду, заберу. Бутылка, сам понимаешь, с меня.

В подарок мужики всучили старенький телевизор «Рекорд» как приз первому покупателю.

– А мебель не хотите? Может, кому из ваших нужна? Только если нужен диван, подождите, на нем еще бабка лежит. Мы вот и ждем труповозку. Если диван нужен, то попозже приезжайте.

День святого Валентина

Уже давно, не помню, сколько лет прошло, с тех самых пор, когда наша страна стала отмечать доселе неизвестный праздник, «День святого Валентина», каждый раз перед ним друзья просят: «А расскажи-ка ты нам какую-нибудь историю о любви. У тебя же наверняка они есть». Да, у меня они не только есть, их у меня много. Только надо разобраться, откуда пошел сам праздник, откуда взялись эти открыточки-валентинки в виде сердечка с незатейливыми любовными стишками.

А еще интересно, почему его отмечают только в нашей стране и только в нашей же стране с ним борются, аргументируя борьбу тем, что, дескать, Валентин не наш святой, католический, и нам, православным, со своими несгибаемыми духовными скрепами, его отмечать не пристало. Есть у нас и свои святые, покровители семьи и брака. Вытащили откуда-то на свет божий никому доселе не известных Петра и Февронию из Мурома, святых районного масштаба, ну пусть не районного, областного. Которым еще далеко до федерального уровня. В общем, день Любви, семьи и верности никак не приживается в православной стране. Сторонники Валентина отвечают, ну и что, что римский святой, апостол Павел тоже римлянин, да и все остальные апостолы далеко не славяне. Канонизирован он до раскола церквей? До раскола. Потому должен признаваться и православными. А кто не верит в его существование, легко может убедиться сам, пусть даже говорят о том, что Валентинов было если не трое, то двое наверняка. Для этого достаточно зайти в Риме в церковь Санта-Мария-ин-Космедин. Там, в левом нефе, под полотном, изображающим святого в компании с ангелочком, стоит маленькая прозрачная коробочка. А в коробочке, тоже маленький, – череп. А чтобы не было сомнений ни у кого, на лобной кости черепа наклеена сигнатурка, где написано, что этот череп не чей-нибудь, не подобрали первый попавшийся, да мало ли там черепов валялось в те времена вдоль Аппиевой дороги, а принадлежал он именно святому Валентину. Не совсем понятно, за совершением какого обряда запечатлен святой, то ли причастия, то ли крещения, хотя, по преданию, святой Валентин прославился тем, что тайно венчал легионеров, которым закон строго-настрого запрещал вступать в брак, за что и поплатился своей головой. Поскольку он был гражданином Рима, то ему, как и положено, голову отрубили. Неграждан и прочих космополитов в те времена отправляли на крест.

Жестокие были времена, ну подумаешь, тайно венчал. Стоит

за это голову рубить? Вот у меня есть приятель священник, так он быстро любого обвенчает. А ежели у него при этом нет денег опохмелиться, и паспорта не спросит. Пусть там у тебя хоть штамп стоит, что ты давно женат. Пусть даже на другой. А невеста твоя замужем была раз пять. А свидетельств о браке он вообще и не спрашивает. Верит людям. И никто его в святые определять пока не собирается. Наоборот, постоянно с работы выгнать грозят, но не за тайно проводимый обряд венчания, а за алкоголизм. Но пока терпят, настоятелю никакого интереса нет своими руками лепить из него очередного преподобного мученика. Настоятель – человек с понятиями, сам вышел из братков.

Но трудно сказать, помогает ли влюбленным святой Валентин. Проверить трудно, в какой-то год зашел в эту базилику не просто так, а именно четырнадцатого февраля, в Валентинов день, и что увидел? Ожидал увидеть толпы паломников или просто желающих прийти к покровителю влюбленных, а увидел, как всегда, полупустую церковь. И никого в Риме этот Валентин не интересует, да и сама церковь тоже. Никому не интересно, что это одна из самых старых церквей Рима, шестой век, что в ее названии слово «Космедиум» означает «прекрасная», что по тем временам она действительно считалась верхом совершенства, никто не потратит монетку в одно евро, купить свечку и поставить у изображения святого. Нет, все, как обычно, толпятся у входа, поглядеть и сфоткаться у изделия под названием «Уста истины». Модная туристическая достопримечательность, кусок камня, формой и размером напоминающий мельничный жернов, с изображенным на нем лицом. Между отполированных до блеска губ – дырка, в которую каждый норовит сунуть свою ручонку. Якобы в былые времена к этим устам приводили неверных жен и заставляли их засовывать туда руки. И если жена действительно была неверной, то рука отрубалась. Верные жены оставались с руками. Потом стали говорить, что якобы этим занимался специально подготовленный палач, сидевший ссади, и рубил он руки по своему усмотрению. И тут уж никакой Валентин помочь не мог. Матроны, правда, приспособились проходить испытание на верность: в руке, просунутой в щель, зажималась некое количество золотых монет. Что якобы отсюда и пошло выражение «позолотить ручку». Рубить руку, приносящую деньги, палачу не было смысла, он прекрасно понимал, что эту матрону приведут еще, и, скорее всего, не один раз. И она в кулачке принесет еще монет.

Но, думается мне, каменный диск оказался там случайно, а

вся эта легенда придумана исключительно с целью привлечения туристов. И служили эти уста вполне утилитарной цели, были крышкой выходившего неподалеку главного канализационного коллектора древнего Рима, носившего название Cloaca Maxima, то есть Большая, или Великая, клоака.

Скорее всего, римским девушкам просто нет нужды кого-то просить помочь им выйти замуж. Все просто, по непонятной причине мужчин в Италии больше, чем женщин. И каждая синьорина живет со спокойной уверенностью, что рано или поздно, но своего Буратину она найдет. А когда найдет и обвенчается, то никуда этот Буратино не денется. Развод в католической Италии – вещь практически невозможная, а при наличии детей просто невозможная. Потому не удивляйтесь, встречая в Риме такое количество русских теток, причем таких, про которых у нас говорят: «Мне столько не выпить», иногда добавляя: «А если и выпью, то не смогу». Тех, которые дома свой шанс выйти замуж давно упустили, даже если он и был. Вот им-то наверняка святой Валентин помогает. Возможно, есть и другая причина, дело в традициях, давно было принято у римлян жениться на женщинах из чужого народа. Еще со времен той братвы, которая собралась на Палантине вокруг полного отморозка Ромула, замочившего своего брательника со словами: «Так да погибнет всякий, нарушивший границу моего города». Первым границу нарушил брат, и тут ничего не поделаешь, за базар надо отвечать. В общем, пацан сказал – пацан сделал. В каком только только музее не встретишь картины под названием «Похищение сабинянок», везде, от папской Пинакотеки до Эрмитажа. И кто только не изображал, как будущие римляне, обитатели Палатина, увели их у соседей, сабинян, живущих на соседнем холме, Квиринале. Одно только не понятно, чего обитатели Квиринала так долго собирались дать ответку, не могли собраться устроить разборку с римлянами? Только через год добрались до соседнего холма и вломили бригаде Ромула. Хотя кажется, далеко ли, всего-то пара остановок на автобусе. Правда, если ехать на метро, то придется делать пересадку. Но так долго ребята собирались, что сабинянки привыкли к своим мужьям и отказались возвращаться домой.

Так что проверить, на самом деле помогает святой Валентин влюбленным или нет, не удалось в связи с отсутствием желающих этой помощи попросить. Сколько я ни уговаривал одного своего знакомого, имевшего большое желание жениться, что хватит возить свою подругу по окрестным монастырям в надежде на взаимность, трястись в автобусах с полубезумными

православными паломниками, а тащи ее сразу, в Рим, к святому Валентину. Погуляй с ней весной по цветущему городу, посиди в садах Боргезе или на Авентине, где голова закружится от запаха созревших апельсинов, а там, глядишь, после такой прогулки и случится у вас любовь. А еще лучше – купи себе новые трусы, а то, когда ты свои бросаешь на отделении в общую стиральную машину, сестра-хозяйка каждый раз кричит, что выкинет твою рвань. Надоело ей потом белье перестирывать. И еще совет: дезодорант купи. Но не послушался меня знакомый, не сделал ни того, ни другого, ни третьего, а поехал с подругой в Муром, поклониться мощам Петра и Февронии, что тоже не помогло. Отказала ему подруга, хотя ни до этого, ни после не отказывала никому. А парень до сих пор не женат. Так что и Петр с Февронией не очень-то помогают решить вопросы удачного брака.

Хотя в отношении моего товарища что-то однозначно утверждать не приходится. Как пишут в научных статьях, тут нет чистоты эксперимента. Кроме высоких чувств, питаемых ко своей возлюбленной, мой знакомый еще невероятной исполнительностью и беззаветной любовью к руководству любого уровня. От заведующего отделением до главврача. Любовь, конечно, распространялась и выше, но там она была уже сродни религиозному чувству, объект почитания был неосязаем. А поскольку ближе всего находился заведующий отделением, то основные потоки любви изливались на него. Причем совершенно бескорыстно, от восхваления всех действий и решений заведующего до постоянных попыток оказать малейшую услугу. Сбегать за сигаретами, остаться на второе дежурство.

Надо сказать, что одно время его заведующим был алкоголиком, со всеми характерными для алкаша изменениями личности. Напиваясь до скотства, ползал в палате по полу и, сняв штаны, пытался овладеть медсестрами. А уж в своем кабинете просто валялся в луже мочи. Но главврачу подобный тип был угоден, поскольку не пытался ничего просить и никогда не смел ни о чем спорить. К тому же уволить его можно было в любую минуту. Хотя уволить – значит признаться в собственной глупости, так как сам взял его на работу. А поскольку признаться в этом может только умный человек, то главврач после каждой пьянки ограничивался последним китайским предупреждением.

В кабинет к заведующему врачи категорически отказывались заходить. Он насквозь провонял запахом спиртного, мочи и экскрементов. Никто не соглашался остаться за него, когда тот уходил в отпуск или в длительный запой. Кроме моего знакомого. Тот с радостью оставался в качестве исполняющего обязанности заведующего, при этом весь переполнялся гордостью и сиял от

счастья. И как-то было замечено, что он не только заходит в отсутствие начальничка в его кабинет, но и во время дежурств старается прилечь на его диванчик, который был проссан насквозь, несмотря на обшивку из кожзаменителя. Было слышно, как он, вспотев во сне от счастья, утром отклеивается от этого дивана. Иногда даже оставался после работы поспать там пару часиков. Сорокин просто обязан встретиться со своим персонажем. Все говноеды писателя Виктора Сорокина, персонажи, скорей всего, вымышленные, а тут перед тобой был реальный человек. Я думаю, это случайность, но почему-то сборник рассказов Сорокина часто оказывался на столе у моего знакомого и, что тоже случайно, открытый на странице с рассказом «Первый субботник».

Зачем мой знакомый это делал – не понятно. Материальных выгод от этого не имел. Зато все сотрудники сначала стали держаться в стороне, затем перестали здороваться за руку, все, у кого были машины, под любым предлогом стали отказываться подвезти его с работы до метро, а в конце концов пометили его посуду в буфете. Чтоб не пользоваться самим. Но товарища это не остановило, а только подогрело его беззаветное чувство. Интересно, существует ли в нашей христианской вере покровитель таких влюбленных? У каких-нибудь древних греков наверняка был, а есть ли у нас святой, специализирующийся на защите подхалимов и прочих любителей лизать задницу руководству?

Даже был такой пример, что наши покровители семьи и брака скорее вредят, чем помогают. Помнится, один товарищ решил в день своего пятидесятилетия зарегистрировать свои отношения с подругой, прожив с ней до этого пару десятков лет. И решил воспользоваться чудесным совпадением, его день рождения совпадал с днем Петра и Февронии. Прекрасная погода, свадьба отмечалась за городом, на открытом воздухе. Красота. Плохо одно – у товарища страшная аллергия на укус пчел. Пчела не заставила себя ждать, прилетела на запах фруктов. До регистрации еще пара часов, можно немного закусить. И только он собрался закусить виноградинкой, пчела ужалила его в лицо. Тут-то и началось самое интересное, но уже для меня: анафилактический шок. Рожу жениха раздуло до невероятных размеров. Отекла шея, гортань. Стал задыхаться товарищ. Каким-то чудом удалось ему в трахею запихать трубку без всякого наркоза. Сопротивляться процедуре у него сил уже не было, как не было у него давления, сознания и прочих нужных человеку вещей. Так до вечера и пролежал в реанимации, а злая невеста

весь день просидела у входа. Даже спасибо не сказала, решив, что ее жених подстроил все это нарочно, просто хотел в очередной раз сорвать регистрацию.

И потом, почему именно Петр с Февронией пиарятся как покровители брака? Мало ли у нас своих домашних святых, подаривших миру пример беззаветной любви? Ну, например, взять хотя бы Варлаама Керетского. В наших северных краях, в Карелии, святой очень даже почитаемый, авторитетный. Тоже священник. Любил жену так, что убил из ревности. Якобы приревновав ее к кому-то, а дьявол был тут как тут, искусил. Видать, та еще была попадья. И так любил он ее, что погрузил труп в лодку и плавал с ним, с трупом, по Белому морю. А была в те времена на море такая напасть: морской червь. И прогрызал этот червь деревянные лодки насквозь, так, что не успевали они даже причалить к берегу. А особенно лютовал червь в районе мыса Святой нос, обойти который не удавалось никому. Но Варлаам смело носился на своей лодочке мимо этого мыса, пока труп его жены не истлел. Даже жители северной Норвегии помнят его подвиг, хотя, казалось бы, им должно хватать своих троллей и прочей нечисти, но до сих пор считают туман на море результатом деятельности нашего святого. И случилось чудо, не только отец сам остался невредим, но и с тех пор морской червь пропал навсегда, и можно стало плавать смело. Ну пусть не навсегда, не так и давно сам пробовал на него ловить треску, но теперешним металлическим лодкам он не страшен. И в благодарность Варлааму простили все грехи и сделали святым, который силой своей любви к усопшей избавил всех мореплавателей от страшной беды, от морского червя. Хотя, думается, дело тут не только в любви. Мог червя просто на пару веков отпугнуть запах разлагающейся попадьи. Но местные поверили в чудо, построили в честь него храм, на месте которого сейчас стоит часовенка. Даже обрели его мощи, в поселке Лоухи. А проверить, помогает он или нет, трудно, часовенка в его честь стоит в тайге, в полузабытой деревне, до которой сотня верст по грунтовке. А новые храмы в его честь, в Чупе и в Коле, построенные уже в XXI веке, еще не прославились чудесами, хотя один из них, в Чупе, деревянный, уже успел сгореть до основания на майские праздники, в День весны и труда.

Но мы отвлеклись, вопросы теологии не для нас, давайте вернемся к нашим влюбленным. История первая.

* * *

Читаю историю болезни. Плакать не плачу, но порой протираю глаза чистой салфеткой. История с отделения гинекологии. Бабушка, душа ангельская. 86 лет. В историю болезни вклеен листок бумаги, собственноручно нацарапанная расписка:

«Я, такая-то, не возражаю против проведения исследования, в ходе которого произойдет дефлорация».

Дата, подпись

Вторая расписка оставлена по моей просьбе:

«*От анестезии во время проведения исследования категорически отказываюсь. О возможных последствиях предупреждена…»*

Все равно придется быть рядом, вдруг не сможет вытерпеть процедуру. Ждала бабушка принца, ждала и не дождалась. Зря ты отказалась от наркоза. Больно ведь будет. Все равно уже не наверстаешь упущенное.

Кошмар в Дранишниках (святочный рассказ)

Совершенные средства при неясных целях – характерный признак нашего времени.

Альберт Эйнштейн

Под новый год поступает в реанимацию бабушка 86 лет с острым психозом. Бабуля несет полный полный бред про черта, метровый член, открытое окно и равнодушие соседей. Проживает бабушка в деревне, где из коренных жителей осталось 2–3 семьи. Остальные коттеджи построили приезжие горожане. Живет вдвоем с дедушкой, внуки и правнуки давно разъехались. В придачу к психозу у бабушки тяжелая пневмония, буйствует, лежит привязанная к кровати, лечится.

Привыкшие к чудесам врачи реанимации решили на всякий случай показать бабушку гинекологу. Та, осмотрев ее, следов насилия не нашла. Ни человеком, ни нечистой силой. Однако несколько насторожила легкость, с которой влагалищное зеркало внедрилось в половые пути бабушки.

– Не все еще потеряно, бабуля, – подумали доктора, но свои сомнения в истории болезни отражать не стали. А когда бабка начинала совсем уже громко кричать, успокаивали седуксеном.

Тайна раскрылась к вечеру. Бабушку пришли навестить соседи. На вид приличные люди, вполне заслуживающие доверия. Они рассказали историю, как дед задумал сделать бабушке подарок на Рождество. Купил в секс-шопе метровый резиновый

член с фиксацией на поясе. Поначалу ходил с ним по деревне в вывернутом тулупе. Со слов соседей, член свисал из-под полушубка ниже колен. Дедушка кричал, что сейчас поимеет всю деревню, но поддержки у односельчан не встретил и решил начать с бабушки. Та от страха и удивления громко кричала, открыла окно, пытаясь позвать на помощь соседей, но на крики из соседних домов, естественно, никто не вышел, само собой, все думали, что бабушку убивают. Так, наглотавшись холодного воздуха, бабушка и подхватила пневмонию.

На утреннем обходе о данном клиническом случае докладывается начмеду. Докладывается монотонным голосом, быстро, пока не начался очередной приступ смеха. Возмущению начмеда нет предела:

– Да надо срочно вызывать милицию, экспертизу провести! Да за это деда в тюрьму надо!

– Зачем в тюрьму? – спрашиваем, – вы представьте, первый раз в зону попасть в 85 лет, да по такой гиблой статье. Опетушат там дедушку. Скажут ведь, взломал дед мохнатый сейф, сам теперь петушком запоешь. Может еще помирятся? А пневмонию мы вылечим.

Прошло несколько дней. Пневмонию мы вылечили. И сохранили семью, наблюдая идиллию, как дедушка все вечера просиживал у бабушки в палате.

* * *

Начмед:

– Вы знаете, сегодня я вами очень недовольна.

В очередной раз забыл написать по ее мнению главную фразу, злоупотребляет ли женский организм алкоголем. Почему об этом не спросил?

– А какая разница? Ну не спросил, по ее роже видно, что употребляет.

– А почему не спросили?

– Боюсь, что восприняла бы как предложение.

Очередная попытка

До Дня святого Валентина еще далеко, но хочу рассказать одну историю любви, пока она еще не стерлась в памяти.

Вскоре после новогодних праздников в реанимацию доставили молодую женщину. Не сказать что очень уж молодую,

но все еще мечтавшую выйти замуж. Жених за несколько дней до свадьбы проломил ей череп бутылкой из-под шампанского «Князь Голицын». Как потом будет сухо написано в милицейском проколе, во время внезапно вспыхнувшей ссоры, последовавшей вслед за совместным распитием спиртных напитков. Три дня невеста пролежала дома, пока жениха не насторожил ее слишком долгий и глубокий сон. На четвертый день он вызвал «Скорую» и отправил невесту одну в свадебное путешествие. В реанимацию. Свадьба должна была состояться на следующий день.

Вместо свадебного лимузина – карета «Скорой помощи», вместо фаты – шапочка Гиппократа. В качестве свадебного подарка – трепанация черепа. Три дня глубокой комы. Просыпается. Озирается по сторонам. Видно, как в мозгах начинается аналитический процесс. На пятый день невеста заговорила. Неожиданно здоровается со мной, обращаясь по имени:

– Здравствуйте, доктор. А вы меня не помните? Я что, опять у вас в реанимации?

Если честно, не помню. Но поддержать позитивный настрой нужно.

– Ну как же, прекрасно вас помню. Вы же у нас лежали.

На животе – грубый рубец от лапаротомии. Поэтому продолжаю смелее:

– Помню, вам же еще тогда операцию делали.

Больная в восторге, что осталась в моей памяти. Приходится подыгрывать:

– Только, если честно, забыл, что за операция была. Помню, что-то серьезное с вами было.

– Ну конечно, доктор, ведь два года уже прошло. Как же вы всех нас помнить можете. Меня тогда жених избил, вам пришлось мне кишку зашивать. И селезенку удалили. Я ведь чуть не умерла.

Тут я действительно стал вспоминать. Была история. Жениха, кажется, посадили. Спрашиваю:

– А сейчас-то как вас угораздило? Чего-то не везет вам с женихами? Тогда, кажется, тоже перед свадьбой?

– Да нет, это все тот же. Он недавно из тюрьмы вышел. Мы вот заявление подали. А когда меня выпишут? Мой не приходил?

Приходится разочаровать:

– Говорят, вашего жениха полиция сразу задержала. Сейчас, наверное, в КПЗ.

– Ну это ничего. Я напишу заявление, что сама упала. Свидетели найдутся, что с крыши снег счищала. Поскользнулась. Главное, чтоб он не сознавался. А там адвоката найдем, вытащим.

* * *

Интересный способ расстроить свадьбу. Знакомство по брачному объявлению, девушка приезжает из провинции к новому жениху. Будущая свекровь изображает радость и делает молодым шикарный свадебный подарок: ведет невесту в салон тату. Якобы ее сынок обожает татуировки на девушках. Сколько она там выкладывает, не известно, но результат того стоит. Все тело покрыто сплошной синевой. В подробностях: со знанием анатомии на теле нарисован скелет, из которого между ребер вылезают какие-то монстры, гады обвиваются вокруг костей, фантастические птицы сидят на ключицах. На животе изображен кишечник со всеми прочими потрохами, и в кишечнике тоже живет какая-то тварь, высовывая наружу зубастую пасть. В общем, парень, увидев такую красоту, приходит в ужас. Получив отказ, невеста напивается до комы. Денег вывести татуировку у нее нет.

В очередной раз страна отмечает День святого Валентина, придется отметиться и мне. Сижу, вспоминаю какой-нибудь пример беззаветной любви. Долго искать не пришлось, пример нашелся быстро.

Попадает ко мне летом один из местных алкашей, которому по пьянке снесло полголовы электричкой. Часть мозгов осталась на платформе. Ловить было нечего, но не пропадать же добру. На том свете потроха не нужны. А тело, как ни странно, оказалось здоровым. Не было ни СПИДа, ни гепатита, что в наше время – редкость. Жило это тело примерно с неделю, пока им не заинтересовались друзья-трансплантологи. Печеночка, конечно у парня пошаливала, сказывался многолетний запой, но почки работали очень даже неплохо. И с большим удовольствием отправили его в областной центр трансплантологии. Переведенный больной – спасенный больной. Хоть на процент, но летальность в больничке уменьшается.

Всю неделю супруга плакала под дверями реанимации, отлучаясь только на пару минут. До ларька и обратно. Хотя она и сама пила по-черному, догадалась, зачем его перевели в город, но против изъятия органов после смерти не возражала. Да юридически и не могла, брак формально зарегистрирован не был. Как она сама представлялась: «Я его гражданская жена». Зато был повод запить еще сильнее. И допилась до того, что попала сама к нам с такой травмой черепа, за которой последовала смерть мозга. Уехала на разборку вслед за любимым. Тело тоже оказалось здоровым, даже печень не особо страдала. Мы все были потрясены глубиной чувств. А вдруг в ее планах было такое, что

их отдельным органам удастся объединяться в чьем-нибудь теле? Жаль, что полицию наша версия не удовлетворила. Долго они еще выясняли, как травма была получена и почему полуживое тело с проломленным черепом нашли на пустыре недалеко от больницы. По-моему, до сих пор дело не закрыто.

* * *

Докладываю с утра:

– Бабушка 86 лет после операции Гартмана явно идет на поправку. Кишечник работает, проснулись забытые эротические фантазии. Меня почему-то называет Лешей и просит помочь ей расстегнуть пуговицы на бюстгальтере. Неужели она думает, что я близко подойду к женщине, которая носит бюстгальтер с пуговицами?

Отелло

В нашей глубинке такие страсти кипят, что Шекспиру и не снилось. Если он и существовал, то явно поторопился с рождением. Вспоминается один эпизод.

Работал я как-то в одной из ЦРБ. Поступает пациент. Мужик обгорел так, что от копоти стал черным, как мавр. Когда смог говорить, рассказал о своей беде. Дошел до него слух, что новый сожитель плохо относится к его бывшей жене. Заявился он к ним учинять разборку. Но на этом деле сильно погорел. Только открыл дверь в их избу, как сожитель плеснул в него ведро бензина и бросил спичку. Мужик превратился в огненный шар, который с криками метался по двору. Когда он собой поджег соседский сарай, соседи вызвали пожарных, а те – «Скорую». До этого соседи просто наблюдали. Чужие разборки никого не касаются. По счастью, бензин был хороший, к коже не приставал. Обгорел мужик не сильно. Лежал в реанимации. Был очень горд собой.

– Да, – говорил, – хорошая женщина у меня была, за такую можно и сгореть заживо.

Как потом выяснилось, причиной расставания с женой было то, что он по пьянке свернул ей рожу набок. Приходила она его как-то навестить, очень своеобразное лицо. Кончик носа почти касался мочки уха. Естественно, фамилию больного уже никто больше никогда не вспоминал. Весь месяц его звали Отелло.

* * *

Заехал по делам в областной ожоговый центр. В холле негромко звучит мелодия, успокаивая посетителей. Звучит саундтрек из фильма «Кочегар». Очень даже в тему. А еще говорят, что в доме висельника не принято говорить о веревке.

Две половинки

Интересная пара появилась зимой в поселке. Даже издали заметна какая-то трогательная нежность в их отношениях, когда они, поддерживая друг друга, преодолевали ступеньки поселкового маркета.

– Смотри, – говорю своему приятелю из ожогового отделения, – как трогательно. Какая забота о своей второй половике.

Тот парень, малочувствительный к нежности, начинает дико ржать.

– Слушай, это ты насчет второй половинки хорошо сказал.

– А ты их знаешь?

– Конечно же, знаю, это наши люди. Пошли, посмотришь на их ебальнички. Заодно возьмем еще по пиву.

Да… Насчет половинки я явно погорячился. Семья, действительно, интересная. Одно лицо на двоих. Вернее, у каждого только одна половинка лица. Жаль, что у обоих левая. У женщины вместо правой – грубый рубец от ожога, у мужчины справа вообще непонятно что. Кажется, что каким-то странным образом затылок начинается сразу от переносицы. Уха нет. Требую от товарища подробностей.

– Так там ничего интересного. Это еще где-то в конце осени было. Обычное дело. Мужик, сожитель ейный, облил голову любимой бензином, ну и поджог. А она, пока горела, схватила топор и ему по черепу заехала. Харю вот ему разрубила. А потом на улицу, в снег. Там погасла. Все у нас кричала, что засадит этого ублюдка, который ей лицо навсегда испортил. А этот урод у вас лежал, как выписался, все приходил, каялся. Ну вот, похоже, помирились. Говорят, даже поженились. Мы ей собирались рожу-то подправить, но этот черт шмурдяк притащил, они нажрались, так мы ее выписали за пьянку. Может, еще соберется, придет. Ну, давай, по последней.

* * *

Показываю студентам пример тяжелой дизартрии:

– Видите, это совсем плохо, когда больной очень старается произнести слово «п…а», но не может.

Об опасности красивых жестов

Такие люди украшают нашу жизнь. Внушают веру в великое будущее. Такие, как вчерашний пациент Вова. Гоблин высшей пробы с головы до ног. В 50 лет во рту три зуба. Один гнилой, два сломаны. Тело покрыто неавторитетными наколками. Заштрихованные перстни, кандалы, надписи типа INRI. Явно начал с малолетки. На днях в очередной раз освободился из зоны. Позавчера вечером решил нанести визит даме. Естественно выпил. Без этого нельзя. По пути во дворе наломал букет сирени. Без этого можно, но букет цветов для любимой – тоже естественно. Обточив для удобства черенки, пару веточек воткнул себе в мочеиспускательный канал. Засунул аккуратно, не поцарапав кожу и не повредив уретру. Опыт. Хотел поразить и обезоружить даму прямо с порога. Это тебе, любимая!

Но любимая не оценила красоты жеста. Не растаяла от восторга, не отдалась прямо у дверей. Скорее наоборот. Женщина оказалась с твердым характером, без сантиментов. А может, просто не любила сирень. Жизнь научила ее жесткому обращению с нетрезвыми представителями сильного пола. Сильный пол в лице Вовы получает зверских звездюлей. Сломан нос, ребра, лицо превращено в сплошной синяк. Упавший Вова добивается ногами в живот. На полу разбивается его оригинальная ваза с цветами, ломаются ветки сирени. Полуживой Вова выбрасывается в окно с первого этажа и затихает под окнами.

Соседи вызывают «Скорую» только под утро, их не удивило, что кто-то выпал из окна, из него выпадали часто, но очередной посетитель известной квартиры почему-то долго не просыпается. Врач приемного отделения слегка удивлен, когда в обоссанных и окровавленных трусах обнаруживает осыпавшиеся цветки сирени. Но всякое бывает. Протрезвеет – сам расскажет. Но, когда Вова слегка протрезвел, стало ясно, что очень ему плохо. И не от обиды плохо, и не от похмелья. Повреждено легкое, и наверняка разорван кишечник.

Везут Вову в операционную. Разрез. Брюшная полость, полная мочи из разорванного пузыря. В ней плавают щепки, обломки веточек. В кишках множество мелких отверстий. Напоминает выстрел картечи в живот, только без следов снаружи. Местами разорвана брыжейка, множество кровоподтеков.

Очень не терпелось услышать версию случившегося от самого Вовы, когда он проснется после наркоза. Хотелось правды. Собственная версия катастрофы была уже разработана за четыре часа операции. И она оказалась очень близка к истине. Чтоб подогреть интерес Вовы к беседе, ему было предложено полежать до следующего утра с трубкой в трахее или ответить честно на несколько вопросов. Только да или нет. Вова заморгал – согласен.

– А скажи, Вова, тебя женщина била?

– Да, да, – Вова снова заморгал.

– Скажи, Вова, ты сам эти ветки себе в член засунул?

Перед носом помахали пакетиком с извлеченными щепками. Вова подтвердил.

– Хотел сделать красиво? Хорошо, сейчас трубку вытащим, откашляйся. Теперь можешь говорить.

– Бля, – сказал Вова, – ведь цветы суке подарить хотел, а она, скотина… Никогда больше…

– Правильно, Вова, не надо цветы дарить тем, кто это не ценит.

Хотелось добавить, что тебе, похоже, и не придется больше дарить цветов. После такой травмы ты сначала попробуй выжить, а выживешь – женский пол тебя уже не будет интересовать никогда.

* * *

Женщине далеко за семьдесят, несчастная тетка: сахарный диабет, гангрена, ампутация бедра. Как она ни сопротивлялась, но пришлось на время перевести с таблеток на инсулин. И тут в ее организме происходит непонятный гормональный сдвиг, и даже не сдвиг, а взрыв. Навещает ее супруг, дедушка лет восьмидесяти. Из палаты слышен бабкин крик:

– Ну ты чего, пришел, пень старый? Короче, дед, делай что хочешь, но сегодня ты мне нужен как мужчина! Как это сделаешь – твои проблемы, но если ты прямо сейчас, вот тут, меня не вы…, то домой лучше не приходи. Тут все свои, все понимают. Я попрошу – выйдут.

Надо сказать, что бабка всю свою жизнь проработала акушеркой и привыкла говорить громче, чем кричат роженицы. Разговаривала исключительно матом, невзирая на возраст и должность собеседника.

Деду неудобно ударить лицом в грязь, да еще при посторонних, хотя одному богу известно, сколько лет никаких шевелений у него в штанах не было. Слышно, как он начинает

скулить:

– Да ты что, да как я могу! С инвалидом…

Бабка:

– А меня это не еб…! Подумаешь, нет ноги. П… у меня пока еще не инвалид!

Непроверенная информация

Одна из центральных газет сообщила на всю страну о вопиющем случае изнасилования в одной сельской больнице. Якобы бабушка, поправлявшаяся в тишине уютной палаты после тяжелого инсульта, была ночью зверски изнасилована одним из пациентов. Утром пришли заботливые родственники и, услышав эту историю, тут же забрали ее в другой стационар. По пути завезли к гинекологу, который якобы подтвердил факт насилия. Это официальная версия.

В реальности все это выглядело так. Бабушка была вовсе не бабушкой, а женщиной лет 50 умудрившейся в свои годы перенести 4 или 5 инсультов. Причем в первую очередь они отражались на мыслительной функции головного мозга, не затрагивая способность к движениям. Тетка, лежа в реанимации, кричала целыми сутками, собственными экскрементами наводила макияж на лице. Родня скандалила на тему того, что она лежит уже неделю, а не умнеет. Никакие объяснения о том, что при органической патологии шансов на восстановление интеллекта практически нет, на них не действовали. Никак не могли понять, что у нас не Изумрудный Город, где волшебник Гудвин подарит немного ума.

Наконец, обманом, сославшись на отсутствие мест в реанимации, дежурный врач перевел ее на терапевтическое отделение. Естественно, мест не было и там, и тетку положили вечером в коридоре. Койка – полулюкс, рядом с мужским туалетом. Впрочем, пахло от больной не лучше. Ночью в одной из палат парализованному дедушке захотелось выйти по нужде. Он долго звал на помощь, но сестринский пост был глух. Тогда дед решился на самостоятельный вояж до туалета. Выйдя из палаты, упал на кровать, на которой лежала тетка. Встать самостоятельно уже не смог. Трое санитаров переложили обоссавшегося насильника на каталку. Это пробудило в пациентке эротические фантазии, о которых она утром и поведала родне.

Брать насильника полицейские приехали всем отделением, еще бы, каждому хотелось поучаствовать в раскрытии особотяжкого злодеяния. Насильника брать пришлось на руки.

Дед самостоятельно стоять на ногах не мог и даже сидел с трудом. Менты, поржав, укатили. Под стражу деда брать не стали, убежать он все равно не сможет.

Газета так и не напечатала опровержение. Позор с больницы смыт не был. Больничная администрация не собиралась подавать в суд, хотя получить с общероссийского печатного органа несколько миллионов за моральный вред не составило бы труда. Деньги могли пригодиться, хотя бы ходунки купить тому же дедушке, чтоб не падал на чужие кровати.

Следствием инцидента явилась очередь на плановую госпитализацию в терапевтическое отделение, чего раньше никогда не было. Ну какому идиоту придет в голову по своей воле ложиться в терапевтическое отделение сельской больницы? На обследование? Сделать ЭКГ и измерить температуру? Это можно сделать и дома. Заведующий терапией до этого постоянно имел неприятности из-за отсутствия плановой госпитализации. А теперь отбоя от стареющих одиноких женщин не было. Условие ставилось одно – никаких палат, только коридор. Есть тому подтверждающий документ: «Журнал плановых госпитализаций», где очередь была расписана на месяц вперед. После этого ему пришлось отвечать на жалобы населения, связанные со слишком длинной очередью на госпитализацию.

Жених

На днях задумался над несовершенством нашего законодательства, особенно в вопросах семьи и брака, о его несовершенстве и необходимости коренной переработки. Будь я депутатом, нашел бы коллегам работы на целую сессию, чтобы никто не обвинил законодателей в бессмысленном просиживании штанов и напрасном получении своих немалых зарплат. Было так.

Часто обвиняют врачей, что мы не любим больных, не сострадаем, не прольем ни капли слез, сочувствуя их беде. Это все вранье. Иногда мы плачем, как плакали после очередного дежурства.

Обычно перед самой свадьбой в реанимацию попадают невесты, но на этот раз случилось исключение. Сегодняшний герой дня, жених по имени Ваня, ночью перед свадьбой неожиданно вспоминает, что водки-то маловато и для гостей не хватит, потому что сам выпил накануне уже почти всю. И пошел во втором часу ночи ее искать, и попал под самосвал. В общем, последнюю ночь своей холостой жизни провел на операционном столе. Разорваны потроха, селезенка. Просыпаться поехали в

реанимацию.

К утру у дверей реанимационного отделения нарисовалась женщина, лет так на десять постарше Вани. Представилась невестой, но вместо обычных вопросов о состоянии здоровья близкого недалекого человека, вопросов о том, не нужна ли какая помощь, может быть лекарства, невеста принялась кричать, что у них сегодня свадьба и ей нужно с ним срочно брак зарегистрировать. Видимо, опасалась, что жених может и передумать. Судя по ее виду, опасается не зря. Технические сложности при проведении обряда бракосочетания в условиях реанимации ее не волновали:

– А я сейчас из ЗАГСа человека приведу, пусть распишет, ерунда, что он пока после операции спит. И подпись его нотариально заверим, а свидетелей я сама приведу.

– Со свидетелями, – говорю, – и у нас проблем нет, вон рядом лежат две вегетативные старушки, только пока он сам не распишется и даже «да» не скажет, то есть внятно своего согласия не выразит. По крайней мере, до вечера. И не поклянется любить вас до гроба, хотя, тут вопрос спорный, еще не известно, чем разрывы его потрохов закончатся. Может, до гроба и не успеет разлюбить…

Претензии на тему: «А зачем вы ему такой наркоз вкатили, что он проснуться не может», отметаются, спит больше от алкоголя, чем от наркоза. А если вечером он проснется и откажется?

Невеста кричит:

– Ну так а как же вы его тогда оперировали, без его согласия?

– Ну как, как обычно это делается, если операция по жизненным показаниям, а больной без сознания, мы собрали консилиум, вот смотрите, в истории три подписи врачей.

– Так, может, и тут так можно?

Предлагает собрать некое подобие консилиума и женить Ваню, пока он спит. Убедившись, что ее идеи не одобряются, начинает угрожать.

– Да мне ничего не стоит через суд доказать его намерения! Мы сегодня пожениться собрались.

– Не, – говорю, – скорей всего, не проканает. Тут никакой, даже наш самый гуманный суд в мире вам не поможет, нет у суда такого приговора – женить ответчика. Может, еще и сроки женитьбы определять, в смысле, продолжительность семейной жизни? И режим семейной жизни? Строгий, общий или усиленный? Женитьба строгого режима – неплохо звучит. Не, наше государство со своими гражданами может сделать практически все, кроме одного: не может оно насильно своего

гражданина женить. Пусть это даже серьезная недоработка законодательства, несовершенство семейного кодекса.

Ну вот как тут не плакать? Не жалко даже ночи, проведенной в операционной ради спасения человеческой жизни. Плакали с утра почти все, представляя свадьбу в реанимации. Предлагали даже пригласить священника и устроить обряд венчанья, потому что вот уж чего у нас не было никогда, так это венчания. У нас чаще происходят иные обряды.

Ежик

В день, когда все россияне слушали по телевизору диалог президента с народом, мой народ в палате беседует с ежиком. Ежик пришел навестить одну из пациенток, одну из тех, на кого невозможно смотреть без слез. Глаза начинают слезиться от ярко-желтого цвета ее кожи. Цирроз печени. Спрашиваю:

– Вы с кем разговариваете?

– С мужем. Вот он, на подоконнике сидит, ежик.

– Ваш муж, что ёж?

– Да, ёж.

Ну ёж так ёж, пусть беседуют. Ежик-муж сообщал ей новости из дома, рассказывал о детях. Через час в диалог вступили остальные. Пытались ежа прогнать, разговоры мешали заснуть. От зависти, наверное, потому что никто их не навещал.

* * *

Куда приятнее, чем все дежурство провести лежа на диване, заниматься своими, родными пациентами. Травматолог просит посмотреть очередную больную:

– Понимаешь, есть у нее в голове гематома, но по виду старая и небольшая. По идее, мешать она ей не должна, но я не пойму, чего это она какую-то хрень несет?

Тетенька, лет так далеко за сорок, лежит на каталке в приемном отделении, смеется и издает странные звуки. Что-то вроде: «Ту-ту-ти-ту, ту-ту-ту-ту». Спрашиваю:

– Простите, уважаемая, а с кем это вы так, если не секрет, разговариваете?

– Со своим ежиком.

Рядом сидит супруг, мужчина рассудительный, хотя по лицу понятно, что пил не меньше. Сразу видно, что он мужчина серьезный, рассудительный, одет с запасом. Хотя еще тепло,

ранняя осень, но на нем уже надета телогреечка, ватные штаны заправлены в валенки. Валенки с галошами. Все правильно, ночь может застать в самом неожиданном месте, и не известно, где ты проснешься, дома или на улице, может быть, совсем не там, где проснуться ожидал. Да будет ли возможность раздеться перед сном, чтобы лечь в постель.

Обращаюсь к нему:

– У вас что, дома ежик живет?

Тот даже как-то удивлен:

– А как же? Обязательно. Конечно, живет. Зовут Иосифом, ну для нас он Ёсик.

– И давно она с ним разговаривает?

– Месяца два. Сначала по-нашему с ним говорила, ну по-русски, но он плохо понимал, а теперь вот выучила его язык и разговаривает с ним по-ежиному. Тут же все понятно: ти-ти-ту – так ежик здоровается, ту-ту-ти-ту – это он говорит, что он нас любит.

Жаль разлучать даже на время такую гармоничную семью, но приходится. Тетенька едет разговаривать с ежиком в реанимацию, а у нас, как известно, даже стены лечат, и в реанимации мадам заговорила на простом понятном людям языке:

– Да вы меня за…! Идите вы все на х…! Чего вы мне в п… суете, пидоры вонючие. На, режь меня, паталогоанатом хуев!

Скорее всего, ежик у них дома действительно живет, но вот почему я паталогоанатом, не понятно.

* * *

Терапевт не лишен литературного дара. Задумался над его фразой: «Вздохнул с облегчением». Хорошо это или плохо? То есть по его описанию получается, что вздохнул и облегчился. А если не облегчился? Обычно последний вдох, вернее последний выдох сопровождается облегчением. Иногда поражаюсь его наблюдательности. Описывается неврологический статус: «Анизокория. Зрачки D > S, правый глаз искусственный». Порой получаешь невероятно ценную информацию. Речь о бабушке 88 лет: «В детстве росла и развивалась нормально». Это важно. Бабушка лежит в уголке, до сих пор продолжает развиваться. Открываешь новое в терминологии: «Жалобы на нарушение ходильного аппарата». Поражаешься жестокости врача: «Кома 2». Неврологический статус: «… В позе Ромберга не устойчива…» Странно, если бы была устойчива. Интересно, пытался ставить или нет? Завтра спрошу.

Простая история

Давно подозреваю, что иные истории болезни пишутся исключительно для меня. Я люблю читать художественную прозу. Читаю сопроводительный талончик «Скорой помощи». Графа: «Обстоятельства травмы». Со слов больной, во сне случайно ударил кулаком муж. Уже становится интересно, хочется в ситуации разобраться, в 60 лет уже можно спать с мужем на разных кроватях, особенно если он во сне такой тревожный, руками размахивает. Тем более что результатом случайного удара стал перелом теменной кости, субдуральная гематома. При трепанации черепа удалено около 150 мл крови. Жаль, после такого выжить у тетеньки шансов маловато, к своим неприятностям тетенька еще хворает лимфомой, пусть даже в состоянии ремиссии после химиотерапии. С иммунитетом проблемы. Насчет лимфомы рассказала дочь, принесла справки. Интересуюсь у дочери, чего это ваш папа во сне так руки распускает?

– Это не папа, – отвечает. – Папа ушел от нас три года, когда ей диагноз поставили, это ее новый муж.

– А сколько ему, если не секрет, лет? Новому-то мужу.

– 21.

– И чего, они с ним, извиняюсь, совместно живут?

– Ну да, ему интим нужен, а ей просто поговорить. Вот и терпит его, хотя сама еще очень даже этим делом интересуется.

Хотелось бы посмотреть на супруга, вдруг придет навестить, хотя и видел я всяких извращенцев. Но вместо него за выпиской приходят из полиции. Нам, говорят, возбудиться надо, а без справки никак. С сожалением выдаю им справку, жаль, муж теперь точно не навестит, наверняка задержат. Но вечером те же уже знакомые полицейские приехали с ним на «Скорой». Парень оказался слабоват. Черепно-мозговая травма после первого допроса. Это тебе не старушек трахать. В сопроводительном листочке тот же доктор «Скорой помощи» пишет:

– Со слов, три раза упал в камере, ударился головой об стол.

Ситуация вызвала особый интерес у незамужней женской части коллектива. Смотрите, девчонки, никогда не надо терять надежду. Не переживайте, может ваши мужья еще не родились.

* * *

Жалуется супруга пациента, спрашивает совета:

– Слушайте, ну просто не знаю, что с мужем делать. Дурак

дураком. Ничего не помнит.

У ее мужа какое-то странное заболевание, нечто среднее между болезнью Альцгеймера и Паркинсона. А может, одновременно то и другое. Не знаю, что и посоветовать.

– Ловите позитив. Радуйтесь, что пока ходит без памперсов.

– Стараюсь, но мне-то что делать. Я ему говорю, отдыхай, Вова, вечером от тебя потребуется подвиг.

– Ну и как, справляется?

– Да куда там, утром спрашивает, а как я был вчера? Тебе понравилось? Отвечаю, ты был хорош, ты был орел! Счастливый такой, улыбается. А я-то помню, что вчера вечером ничего не было.

– Как это ничего не было? Футбол показывали.

Пастораль

Когда к Дню святого Валентина не находится ни одного примера верности и любви, порой вспоминаешь истории старые. Вот например.

В знакомой деревеньке, в которой моим родственникам достался по наследству домик, когда-то местные жители держали скотину. В те далекие времена, когда частное предпринимательство и любая инициатива душились на корню, когда держатель козы считался опасным для общества как классово чуждый элемент, как собственник, как пережиток капитализма, коров в деревне было целое стадо. И целое стадо скота мелкого, но тоже рогатого, коз и овец. Это сейчас, в эпоху свободного предпринимательства, когда поощряется любое занятие сельским хозяйством, в деревне не осталось ни одной козы, не говоря уже о коровах. Да и держать их некому, из всех жителей в деревеньке зимует от силы два-три человека, остальные приезжают на лето как дачники.

Жили тогда в деревне два персонаже: Сашка и Валька. Это были, пожалуй, единственные люди в деревне, которые не гнали самогон. Остальные гнали все гнали в основном, в своих банях, стоящих на берегу местного озера. Интересная картина: идешь по берегу в выходной, смотришь, все бани закрыты, на дверях замки, а из печных труб валит дым. А хозяева в это время уходили в лес, собирать грибы-ягоды. Зачем так? Все просто, приедут из райцентра милиционеры, с облавой на самогонщиков, а хозяин вроде как не при делах:

– А я тут при чем? Я в лесу был. А кто там, какой паразит, чего в моей бане делал, я без понятия. Вот уж я до него доберусь,

он уж у меня узнает, как в чужой бане такое творить.

Обилие самогонщиков отчасти объяснялось близостью стекольного завода, где выпускалась лабораторная посуда. Мастера там работали замечательные, кроме пробирок и колбочек, запросто могли тебе выдуть сервиз такой, что не отличишь от богемского стекла. А создать змеевик для самогонного аппарата, для них было вообще не проблемой, раз плюнуть. Строились змеевики самых затейливых форм, в виде графинов с петушками внутри, маскировались под аквариумы, в общем, сразу не догадаешься, что перед тобой главный элемент самогонного аппарата. Стоило минут 10–20 постоять у магазина в поселке, где находился стекольный завод, к тебе обязательно подходил человек и предлагал купить самогонный аппарат. Признаюсь, однажды купил за трешку компактный аппаратик затейливой конструкции, решил подарить другу. Да и пожалел мужиков, явно трубы у них полыхали огнем. Мужики поблагодарили, купили за 2–70 бутылку портвейна в сельмаге. Я не понял зачем? С помощью проданной конструкции они бы часа за три, за те же деньги получили бы литра три чистейшего первача, а не бутылку портвейна «Кавказ», если б на эту трешку купили три кило сахара по 92 копейки и палочку дрожжей за шесть копеек. Еще бы осталось на папиросы, чтоб скрасить досуг в ожидании напитка. Странно…

Впрочем, не занималась самогоноварением еще одна жительница, старая одинокая финка по имени Хильда, но та хотя бы пыталась. Но не выдерживала и выпивала брагу. А Вальке с Сашкой такое не приходило даже в голову, чтоб потратить заработанное на сахар и дрожжи. Да никогда, только на готовый продукт.

Сашка зарабатывал тем, что пас деревенских коров, а Валька пасла коз. Идиллия, пастух и пастушка. Деревенские не могли нарадоваться, когда пастухом был Сашка. Выгнав коров за деревню, Сашка падал посередине дороги и спал до вечера. Коровы разбредались кто куда, в основном на совхозные поля, засеянные овсом с горохом, на силос, где наедались калорийной сочной еды. Росли надои. Претензии совхозников к местным жителям отметались:

– Все вопросы к пастуху. А к нему какие вопросы? Пастух вон там, спит. Попробуйте разбудить. К вечеру коровы были приучены собираться в стадо при звуке пионерского горна, который Сашка носил с собой. Проснется – погудит. Не проснется – кто-нибудь найдет спящего пастуха, возьмет горн, подует, и коровы приходили домой сами. Валька обычно спала в тени, в кустах у дороги. На шее она носила огромный будильник, заведенный на

пять часов. Не проснется от будильника – ерунда. Козы тоже знали дорогу домой.

Зимой оба пропали. Сразу никто не заметил, коров зимой не пасут. Но весной, когда приближалась пора выгонять скотину на пастбище, забеспокоились. Стали искать, залезли в Сашкин дом. Оказалось, в морозную зиму 87 года Санек упал в очко своего сортира. Там он и встретил свою смерть. Скорее всего, просто замерз или утонул. А Валька как спала у него, так и замерзла в нетопленом доме. А потом и коров в деревне держать перестали, и хозяева потихоньку прибрались на погост, и пасти скотину стало некому.

* * *

Когда, не разобравшись в сути вопроса, вступишь в диалог, не всегда как-то получается хорошо, даже некрасиво.

С утра в оперблоке эмоциональный спор двух отделений, девчонки из оперблока беседуют с анестезистками.

– Петровна, блядь! Я тебе еще раз повторяю, закрой свой отсос. Все тут провоняла.

Петровна вяло возражает:

– Да сами вы пошли на х…! Залили ночью тут все дерьмом, кто аппарат отмывать будет?

Прохожу мимо с чашкой кофе, операционные сестры обращаются за помощью:

– Ну скажите хоть вы ей, чтоб свой вонючий отсос закрыла, или пусть уе…т отсюда на х…!

– А что я ей скажу? Чтобы зубы почистила? Или таблетку мятную пососала?

– Да мы не о том…

– Ну не знаю, вас послушать, так о чем еще нормальный человек подумает?

Циркумцизия[1]

Порадовал очередной случай. Порадовал тем, что не перевелись еще герои на русской земле.

Один товарищ по совету своих товарищей старших решил закатать шары. Куда – понятно. Якобы способствует успеху. Товарищи технику операции объяснили, но помочь не решились. Наркоз планировался народный, он же и был применен. Ну, то есть водка. Она же послужила антисептиком для обработки

операционного поля. Мудила положил свой конец на разделочную доску, взял нож, попытался разрезать кожу. Но больно. Старшие товарищи опять дают совет:

– А ты порезче!

И приколотил мудила ножом свое хозяйство к доске. Вытащить нож не может, а покачать в стороны – больно и страшно. Так и преподнес нам его на деревянном подносе с торчащим ножичком. Тут уж мы от души. Первым делом – фотосессия. Объяснили, что исключительно для учебного процесса, потому имеем право. Да и тебе пригодится, на память. Для фотогеничности предлагаем послать в отделение за одной из медсестер. От ее вида даже у коматозников в памперсах наблюдается шевеление.

Нож вытащить из доски труда не составило. Без всякого наркоза. Остатки крайней плоти иссечены. Заглянул пожилой терапевт, услышав смех в перевязочной. С деланным акцентом:

– Ви шо, думаете, шо теперь это наш человек?

– Нет, Лев Наумович, это наш русский, родной. Не отдадим.

При одной психиатрической ВТЭК в городе создали неофициальную службу знакомств. Помогают людям создавать гармоничные семьи. Подбор пар, вероятно, по психическому статусу. Один возмущенный клиент бьет своей палкой по столу секретаря с криками:

– Вы мне дали телефон женщины, почему не предупредили, что она сейчас в сумасшедшем доме? Дайте другой телефон, или верните деньги!

Ролевая игра

Не успевает затихнуть обсуждение оригинального поступка гражданина, засунувшего себе в зад круг краковской колбасы, как поступает новый чудак. Дедушка на восьмом десятке лет играл с бабушкой в какую-то, по всей видимости, ролевую игру. Назовем ее «Строгая кухарка». В качестве интимной игрушки использовался бюджетный вариант фаллоимитатора, а именно – деревянная толкушка для приготовления картофельного пюре. В домах пожилых людей еще хранится такой архаичный предмет кухонной утвари. Предмет, оказывается, при правильном использовании удобен для любовных утех. Но тут вышла ошибка. В чем заключался сценарий игры, мы не поняли. Не поняли и то, как толкушка оказалась целиком засунута в задницу дедушки. За что, за какие нарушения правил – не понятно, понятно одно, что

провалилась она за сфинктер прямой кишки. Даже поначалу не поверили, когда дедушка начал говорить, что у него в заднице деревянная толкушка, решили, какой-то старческий бред. Все-таки возраст. Но при осмотре палец доктора сразу наткнулся на деревянное основание, и достать ее оттуда возможности не было. Попытка вкрутить в деревяшку штопор и попытаться откупорить дедушку не удалась. Старое изделие, качественная древесина. Да и навыки работы со штопором давно утеряны, чаще приходится открывать винтовые пробки. Один мой знакомый очень ловко открывал винные бутылки с помощью книг, с размаха ударяя днищем бутылки об источник знаний. Научил меня, но мое предложение вспомнить старый навык, и выбить пробку ударом об днище дедушки были отвергнуты.

Пришлось оперировать. Пожилой хирург, приехав из дома, ничуть не удивился. Поворчав для порядка:

– Сами, понимаешь, не могут справиться. Вот я и не такое доставал, потом расскажу, – пошел мыться.

Пока шла операция, рассказал свою историю. Почему у него вместо вешалки в кабинете висит на стене бычий рог. Это, говорит, мой первый охотничий трофей. Был извлечен им более полувека назад из брюшной полости. В пациента рог внедрился через прямую кишку, повредив печень и прорвав изнутри переднюю брюшную стенку. Как рассказывает хирург, это была его первая самостоятельная операция в жизни. За пару дней до этого он сразу после института приехал проходить интернатуру в сельскую участковую больницу. И оказался единственным хирургом на весь район. Молодой доктор поверил в историю, рассказанную потерпевшим. А потерпевший был редкостный отброс, большую часть жизни проведший в зонах. И рассказал, как на дороге встретил стадо коров во главе с быком. Ну не скрывал, да, был выпивши, решил быка подразнить. Бык на него пошел. Мужик пытался перепрыгнуть через забор, но матерый бычара так поддел его рогами, что один рог воткнулся ему в задницу и поднял в воздух. Тут бывалый гражданин не растерялся и, вильнув задницей, своим очком обломал быку рога. Как ни странно, хирург верит до сих пор в эту сказку. Клянется, что потом в совхозном стаде своими глазами видел быка со сломанным рогом. Мы, конечно, слушали внимательно, но со здоровым скептицизмом. Не разубеждая. Людям надо верить, и прекрасно, когда эта вера сохраняется на всю жизнь.

Болезнь Пейрони[2]

Утренний обход. В кресле согнувшись, дремлет дежурный хирург. Устал за ночь. Сам не спал и не давал спать другим. Начмед с сочувствием:

– Вы, наверное, устали?

Отвечаю за хирурга:

– Да нет, просто у него болезнь Пейрони.

Начмед, снова забыв о болезни, проникаясь состраданием:

– Понятно. Извините. Ну хорошо, хорошо отдыхайте.

Тихо начинает трястись от смеха уролог. На вопрос начмеда о причине смеха, успокоившись, пытается сказать, что при болезни Пейрони у мужчин искривляется иное место.

– Какое? – пытается уточнить начмед.

– Так он целиком и представляет из себя это самое место, которое искривляется при болезни Пейрони.

Болезнь Пейрони – не повод попасть в реанимацию. Ничем жизни не грозит, ничего опасного, кроме интимных проблем. Но в жизни нет ничего, что не может стать поводом, поводом как выпить, так и поводом попасть в реанимацию. А в данном случае причинно-следственная связь налицо.

Корпоративная вечеринка. После окончания пара сотрудников, дама и месье, решили продолжить у нее дома, в интимной обстановке. Обстановка располагала, партнер был готов, только имел вот такую, даже не сказать, что болезнь, а просто некоторую особенность формы своего достоинства. Подруга, видно, стала иронизировать по поводу этого несколько легкомысленного и вздорного вида, за что получила удар в пятак. Но женщина она была горячая и неслабая и так оттолкнула мужичка, что тот приложился головой о стену и затих. Как потом оказалось, случился у него перелом височной кости и ушиб мозгов. Подруга испугалась, сама вызвала «Скорую», приехала вместе с ним и в приемном отделении подробно рассказала о ситуации дежурному врачу. Травматолог в приемном отделении выносит на обложку истории диагноз. Все правильно, все как учили. На первом месте основное заболевание, далее – его осложнения. В конце – сопутствующая патология. Думаю, что он пошутил. Возможно, даже был трезв. Хотя логика тут несомненная. И на первое место выносится: «Болезнь Пейрони». Травма черепа шла следом, в осложнениях.

Нам один хрен, что написано на истории болезни, тактика лечения от этого не меняется. Стандартный набор процедур: медикаментозная кома, ИВЛ. Вызов нейрохирурга.

Утренний обход. Начмеда, тетка средних лет, читает историю. Признаться, что о болезни она Пейрони не слышала, ей

как-то не удобно. Вдруг это такая серьезная хворь, от которой крошатся черепа.

– Напомните, просто с утра вылетело из головы, что-то такое, до боли знакомое.

Пытаюсь сохранить серьезный вид:

– Так это часто встречается в среднем возрасте.

– Да я помню, не раз сталкивалась. Только вот как-то забыла, что там происходит.

Один из хирургов пытается сквозь смех сложить фразу типа:

– Скажите, вам что, до боли знакомо это заболевание?

Минут через пять удается объяснить начмеду, что же это такое на самом деле. И что там происходит. И почему это может быть знакомо до боли обоим партнерам. Та начинает понимать, в чем дело, и открыто посылает всех нас на то место, которое поражается болезнью Пейрони. Но под конец добавляет:

– И чтобы в истории болезни была запись о консультации уролога!

Новый взрыв хохота.

Приказ есть, надо выполнять. Звоню урологу, приходи, проконсультируй. Понимая, что и он меня сейчас пошлет туда же, ссылаюсь на приказ начмеда.

– А чего, говорит, я там увижу. Он же у него встать должен. Вот и передай начмеду, что ежели на нее у него встанет, тогда приду и посмотрю. А так чего смотреть, мало я концов видел? Я болезнь Пейрони все равно не лечу.

– А чего так. Вон реклама идет. «ОН-клиник». Говорят, оперируют. Деньги хорошие.

– Полезешь там оперировать. На хую славы не найдешь. Так хоть кривенько, но стоит. А так вообще мужика импотентом сделаешь.

Вечером уролог все же зашел. Посмеялся вместе с нами над историей. Но записи так и не оставил. Так что основное заболевание осталось не охвачено. Жаль, если мужик помрет, как бы расхождения диагнозов не было.

* * *

Молоденькая медсестра объясняет бабушке:

– Это маска, надо дышать кислородом.

Бабушке 93 года.

– Ой, дочка, раньше со мной такого не было.

– Не волнуйтесь, бабушка, все когда-то бывает в первый раз.

Безногий бомж

Поселился в больничке бомж. Еще в начале зимы он остался без ног, обоссавшись в сапоги и уснув на морозе. Отмороженные ноги отпиливали по частям. Бомж так привык к этой процедуре, что предлагал сам наточить пилу, комментировал по ходу операции действия хирургов:

– О, сегодня у вас хорошая пила, я по звуку слышу. Я разбираюсь, я плотник.

Выписать его было некуда, в какой-нибудь приют для инвалидов без документов не берут, вот и прятали полгода от проверяющих комиссий. Спрятать несложно, обычно его ставили в кладовке, за ведрами. И с ногами-то он был не велик ростом, а стал еще ниже. Понимает, что заведующий отделением рискует, пряча его, стоит тихо, не шумит. Мужичок оказался рукастым. Смастерил тележку, катается по вечерам по коридору, всем старается помогать. Постоянно что-то чинит или читает книжки.

Бедняга мучается, что в душевой не может дотянуться до кранов. Но руки сильные. Подставляет стул, забирается в старую железную раковину и под смесителем раковины устраивает себе душ. Зрелище для сильных: кажется, что человек вылезает из сливного отверстия.

Наконец удалось ему выправить документы и отправить в приют. Попрощались, привыкли. Расстались, думали, навсегда. Но нет. Познакомившись с одной из наших медсестер, женился. Та взяла его к себе жить. Смотрим – возит его в кресле-каталке по поселку. Любовь…

* * *

С утра занесло в институтскую клинику. Встречаю в коридоре старую знакомую, вернее, не очень старую, давнюю. Лицо в красных пятнах, и явно не рада встрече:

– Ой, не смотрите на меня, представляете, никогда аллергии не было.

– Представляю. Ботокс? Ничего, это бывает, пройдет.

– Нет, ну вы всегда сумеете сказать что-то приятное. Ну ботокс, ботокс, но ведь хочется…

Укрощение строптивой

Смотришь, как растет культурный уровень народонаселения.

На календаре день рождения Шекспира, а в поселковом семейном драматическом театре уже состоялась постановка по мотивам пьесы «Укрощение строптивой». Краткое содержание:

– Ты зачем столько таблеток сожрала? Сдохнуть хочешь?

– Хочу! Меня муж сегодня избил!

– А за что?

На лице сплошной синяк. Распухшие губы говорят слова:

– Потому что я сука! Я – блядь!

– Самокритично. Только где ты таких таблеток столько набрала? Они же по рецепту?

– Мужу нарколог с психиатром выписывают. Он у них на учете…

– Так убьет когда-нибудь. В прошлый раз когда у нас была, так это он тебе нож в спину воткнул?

– Он, он, а как воткнул-то! Аккурат между лопаток. Хер он меня убьет! Я и сама могу. Разве не помните, он у вас лежал с проломленным черепом? Моя работа!

– А так это твой муж был? Помню, фамилия редкая. Так брось его, пока вы не поубивали друг друга. Хотя конечно, гармоничная у вас семья. Какие страсти кипят.

– Точно, Шекспир у нас дома отдыхает. А что, все так живут. Где я другого найду? Этот хоть хороший, когда не пьет – не дерется. Трезвый он супермужик. Сейчас вещи принесет – и я домой.

– Жди, принесет. Звонил он вчера, лыка не вяжет.

– А детей кто сегодня в город отвезет? Я их обещала на выставку сводить? Убью, скотину.

– Когда обещала? В воскресенье? А сегодня? Сегодня уже вторник. Ты тут уже три дня проспала.

– Бля… Ну я и сука!

* * *

Плохо, что на работе много детей, когда ты уже подзабыл, как работать с детишками. Привыкаешь, учишься заново. После операции просыпается мальчишечка лет девяти, хороший такой мальчонка, из приличной семьи. Рассказывал про свою кошечку, как он по ней скучает и она по нему тоже. Анестезистка слегка придерживает его на столе. Привязывать не стали, все-таки ребенок. Слышишь первые его слова после наркоза:

– Слезь, блядь!

Все, значит сознание ясное, можно отвозить в палату.

Наболело

Пожилой профессор, доктор наук, физик. Всю жизнь проработал в одном из НИИ. НИИ, как и многое в перестройку, накрылось известным местом. Но старичок бодрый и на пенсии решил подзаработать. Устроился гардеробщиком во дворец бракосочетания. По традиции каждый брачующийся должен после церемонии отблагодарить гардеробщика. В советские времена, помнится, давали рубль. Сейчас – не знаю. У гардеробщиков была своя традиция. В конце смены скинуться и выпить за новую ячейку. Традиция, несмотря на ту же перестройку, сохранилась и окрепла. Дедушка не пил, но в коллектив влиться пришлось. До дома доехал на автопилоте. С порога послал бабушку подальше и уснул. Супруга перепугалась и вызвала «Скорую». Дед под 80, лежит на полу в луже мочи и в рвотной массе. Молодежь со «Скорой», не зная силы традиций, приволокла дедушку в больницу с диагнозом «инсульт». Дедушка начинает приходит в рассудок, причем ведет себя совершенно адекватно. Пытается встать, падает, матерится. Наложил в штаны. Спрашиваю жену, ну и кто здесь увидел инсульт. Обычный пьяный мужик. В ответ крик:

– Вы с ума сошли! Он в жизни никогда больше рюмки не выпил, мы почти 60 лет вместе прожили, ни разу, никогда пьяным его не видела. Как вы не смеете!

Обращаясь к мужу:

– Коля, тебе плохо? Скажи, Коля!

Коля совершенно внятно:

– Пошла ты на х… сука. Как ты, блядь, мне остоп…

– Доктор, что с ним, скажите правду, с ним очень плохо?

– Не думаю, что сейчас ему очень плохо. Завтра да, завтра будет нехорошо. Просто наболело. Накопилось за 60 лет, это нормально.

* * *

Мир окончательно перевернулся, восточная женщина должна сидеть дома, а не изгибаться на полу приемного отделения, изображая эпилептический припадок.

– Фарида, прекрати, можешь не стараться, я все равно тебе не верю. Ты хоть спину сломай.

Брат, выполняет роль переводчика:

– Доктор, это у нее от нервов, да?

– От нервов. Это истерика.

– Она переживат сильно. У нее дома, в Узбекистан, ребенок, маленькая, шесть месяц. Мать звониль, сказаль – болеет.

– А почему тогда она здесь, а не дома, с ребенком?

– Как почему? Тут муж ее, мы работаем.

– А, ну тогда правильно. Надо в первую очередь о муже заботиться. Будет муж, будут и дети. Может быть, даже здоровые. Завтра зайди, заберешь ее, к завтрашнему дню поправится.

Современная семья

Наши старые знакомые, постоянные посетители клиники, про которых надо писать ко дню любви и верности, как пример редкой в наши гармонии во все годы совместной жизни. Семья в ноябре отмечает серебряную свадьбу. Как-то незаметно семейный юбилей переходит в празднование Нового года, начиная с католического Рождества до православного, пока идиллия не перешла в драку. Он ее бил ремнем, она отбивалась бытовыми предметами типа электромясорубки. Он ее за блядство, она его за то, что у него не встал. То, что он ко всему прочему педик, об этом речи не шло, к этому она привыкла. Гармоничной семейной жизни это не мешало, зато помогало в бизнесе. С его профессией без этого было нельзя. Пили дальше, пока на Крещение не подожгли квартиру. Пожарные, милиция, родственники. Семью принудительно отправляют лечиться от алкоголизма. Отказаться они уже не могут. Забавно, лежат рядом в палате, привязанные к койкам. Скучают.

Слышу голос супруги:

– Саша, а Саша, что я тебе скажу. Сбегай-ка ты в магазин и купи самой-самой дешевой водочки. Я тебе двести рублей дам.

– Откуда у тебя двести рублей, в приемном все забрали?

– А ты отвернись, я достану.

Со своей койки подает голос супруг:

– Спрятал она. Ей бы, суке, только ноги раздвигать.

Просьбу о покупке водочки не удовлетворили, и мадам ушла в глубокий психоз. Казалось ей, что она рожает, кричала, как при родах, тужилась, комментируя этапы родового процесса:

– Ой-ей-ей! Ой, головка пошла!

А супруг затосковал, у супруга заскучала прямая кишка. Начал жаловаться на запор, вечером просить клизму. Естественно, был послан подальше. Тогда стал скулить, что в прошлый раз у него запор кончился печально, разрывом сигмовидной кишки. Пришлось объяснить, что грузить мне не надо, что я знаю, от чего рвутся прямые и сигмовидные кишки,

особенно у таких заднеприводных мачо, как он, с накрашенными ногтями. Поняв, что с клизмой у него не получится, стал просить хотя бы ректальных свечек.

– Свечку я тебе дам. Тебе сколько, одну или две?

– Доктор, ну что вам, жалко? Дайте лучше сразу пять или семь.

– А пердак твой не треснет? Мне не жалко, держи.

– Да что же вы такое говорите, – и начал начал запихивать свечки, как патроны в обойму.

– Это ж, – говорю, – сколько пальцев у тебя туда входит? Вся кисть?

– Да вы что, только три пальчика, и то если один из них мизинчик, а я видел таких, у которых вся руку по локоть легко входит.

– Ну таким опытом я похвастать не могу, только смотри, очко не порви. А так развлекайся, если хочешь, главное – не мешай работать.

– А у меня почему-то кровь на пальце.

Пришлось привязать, а анальное либидо лечить аминазином. А после аминазина семейка с утра передвигалась как на шарнирах, походкой Буратино, бережно поддерживая друг друга в пути до толчка. Медсестра перепутала листы назначений, фамилия-то одна, и вкатила аминазин сначала супруге, а потом, поняв ошибку, ему. Лежат рядом, фамилия одна.

Утром начмед в претензии:

– Ты это чего с ними сделал? Почему они у тебя ходят как клоуны?

– Да ничего, вы лучше посмотрите, как они стульчак оборудовали, не унитаз, а какое-то гнездо.

Специально просил санитарку не убирать. Сиденье для мягкости супруг в несколько слоев обернул пеленками, это понятно, самое дорогое надо беречь. На этом обход закончился, все присутствующие пошли ржать в коридор.

Интересные люди

Работаю давно, приходилось в разных местах. И все годы слышу от руководства одну фразу: «Не нравится – увольняйтесь». На ваше место очередь стоит в шляпах.

Странно, почему именно в шляпах? Было время, я и сам шляпу носил, но к шляпе полагается соответствующий гардероб, пальто, ботинки, а не привычная куртка с кроссовками. И за все время только один человек приходил устраиваться на работу действительно в шляпе. Даже в таком несколько старомодном котелке. Наверняка Рене Магритт бы позавидовал. Только у нашего соискателя вместо носа было не яблоко, как на известной картине, а слива ярко-вишневого цвета. Пришлось отказать, человек неустойчиво стоял на ногах, хотя еще и не опохмелился. Так что не взяли его даже на мое место.

Трудно быть главным врачом

Смотрю на новую историческую общность людей и не перестаю удивляться, хотя давно уже пора прекратить.

Трудно быть главным врачом. Нагрузка нечеловеческая, отвечать приходится за все, постоянно быть в курсе, вникать во все проблемы. Оперативно принимать меры. Вот последнее распоряжение: в приемном отделении, в мужском туалете для посетителей, убрать писсуар. Сантехник матерится, но приказ есть приказ. Уборщица недовольна. Вопросов нет, мужикам удобнее отлить в него, чем целиться в унитаз, заливая пол вокруг. А все потому, что одна несложная гражданка решила им воспользоваться. Женский сортир, как обычно, был занят. По виду полученной травмы похоже, что женщина попробовала воспользоваться писуаром именно так. Уцепившись за вертикально идущую водопроводную трубу, мадам закинула ноги на стену на уровень головы, и маневрируя своей немалой задницей пыталась направить струю в нужном направлении. Другой способ представить трудно. Труба в результате не выдерживает, и тетка с размаху падает на кафельный пол. Перелом седалищной кости. Вдобавок ее накрывает поток воды из оторванной трубы. Тетка пишет жалобу по поводу причиненного ущерба. Дойдет ведь если до суда, может, и выиграет. Спросят, а почему не предупредили, не объяснили? Почему не написано, как пользоваться.

Подумал, а ведь ни в одном туалете не видел надписи о том,

что женщинам пользоваться писсуаром запрещено, опасно.

* * *

Серьезно у нас подходят к медосмотру при приеме на работу. Приходится отстоять полчаса – час в очереди, только чтобы тебе поставили штампик: «Здоров» и написали, что противопоказаний к работе нет. Ни глистов не нашли, ни кишечной палочки. Теперь у меня в санитарной книжке стоит штамп, что в мазке из влагалища не нашли даже гонококков. Как чувствовал, что докторица в СЭС, лет так 80, сослепу перепутает печати, но все равно забыл проверить. Придется идти еще раз, стоять в очереди. Зато сэкономил время. На инструктаже по гражданской обороне и противопожарной безопасности. На этот инструктаж надо ходить с раннего утра, когда заместителей по ГО, отставных подполковников, еще потряхивает. В итоге вместо 2 часов лекции, которую слушают пришедшие после обеда, инструктировался ровно 7 минут, из которых пять ушло на поиски журналов.

* * *

Перед праздником на дежурстве удалось побриться только в женском туалете, где на стене сохранилось маленькое зеркальце. В мужском туалете зеркала никогда не было.

В свое время вышел приказ главврача снять все зеркала со стен. Не подумайте, что из-за суеверий. Отражения покойников мы не боимся. Все проще и реальней. Пару лет назад одна мадам решила посмотреть в зеркало, как ей сделали пластику, как бы сказать, интимных мест. Что-то там ее не устраивало. Зачем она ей понадобилась, не понятно. Вес 110 кг. Чего там можно у нее было рассмотреть под складками жира? И главное – кто бы это стал рассматривать? Но видимо, что-то такое было неаккуратное в ее конструкции. Лично не интересовался, хотя простоял в качестве анестезиолога почти два часа на операции, мысли обойти вокруг стола, заглянуть, что там делают гинекологи, не возникало. Только-только очнувшись от наркоза, мадам, решив посмотреть, как теперь выглядит ее конструкция, сняла со стены зеркало, положила на кровать, присела над ним и не удержалась… Села на зеркало. Располосовала себе всю задницу, промежность. Повторно брали на операцию с массивной кровопотерей, уже было не до эстетики. После этого мадам еще пыталась жаловаться, требовала вернуть деньги, заплаченные за

первую операцию.

Портвейн

На днях звонок в реанимацию. Терапевт:

– Нам привезли мужчину, его надо в реанимацию. Он неадекватен.

– Ну а в чем его неадекватность?

– Он на улице портвейн пил.

– Не еби мне мозги! Какой портвейн?

– 72-й…

– Ну и что? Нормально. Народная марка. Грезы шофера. Все пьют.

– Так он его через соломинку пил.

– …….!

– Короче, хватит, придите посмотреть.

Спускаюсь. Да… Картина: бутылка портвейна примотана к голове скотчем, трубочка во рту. Сидит, посасывает. Удобно, руки свободны. Терапевт:

– Ну и что, по-вашему, он нормален? Говорит, так пить интереснее. Портвейн, говорит, с одной стороны черепа плавно через трубочку переливается внутрь.

– Логично излагает, слушай, позавидуешь. Мужик-то трезвый, выпил всего граммов 150–200. Пусть допивает и идет домой. Допьет – бутылку снимите, а то упадет, порежется. Или найдутся желающие попробовать. Жаль, сам портвейн не пью.

* * *

Когда нечем заняться ночью на работе, всегда найдешь занимательное чтиво. Читаю документ, паспорт гражданки республики Точикистон, или как он у них называется паспорт: шиноснома. Шиноснома вся в штампах о пересечении границ республик бывшего СССР. Где только за эту осень не побывала его хозяйка: дважды Украина и Белоруссия, Азербайджан и Казахстан. Как та курица, которая мотается по огороду, когда не знает, где снести свое яйцо. И почему же ты, мотаясь по всему СНГ, снесла свое яичко в нашем роддоме? Утром родила маленького таджика, вечером ушла домой, а ночью привезла свой синий комочек уже не в роддом, а нам, в больницу. Синеет ребетенок, когда плачет. Бывает, говорю, покорми, может, плакать перестанет. Покормила, плакать перестал, но пойми,

какой там цвет лица его головы, когда оно почему-то все покрыто черными волосами, как у известного волосатого человека Евстихеева. И что мне теперь с ним делать?

Еще интересный документ вложен в паспорт: миграционная карта. Сведения о принимающей стороне скупы, написано одно слово: Санкт-Петербург. Тогда почему, если тебя приглашал город Санкт-Петербург, ты оказалась у нас в деревне? И чего теперь делать с твоим детенышем во взрослой реанимации? Иностранца в тот же Санкт-Петербург от нас в областную детскую больницу не перевезти. К счастью, умирать таджик вроде не собирается, поел, заулыбался и уснул. Пусть останется до утра, а утром домой.

Атака клонов

История рассказана приятелем, реаниматологом одной из областных ЦРБ. Не счел за труд записать. История правдива, сочинять товарищу нет смысла, иной раз он рассказывает истории и более фантастические.

Поначалу из его рассказа я понял только то, что один пациент, обратившись в местную поликлинику с какой-то ерундой, попадает к нему в реанимацию. Доктор, начиная вспоминать, как это было, икает от смеха. Постепенно картинка начинает проясняться.

В их больнице работают два хирурга, сестры-близнецы. Видел я их однажды, действительно неотличимы и абсолютно взаимозаменяемы. Вдобавок одинаково одеваются и обе имеют одинаковый, небольшой, но забавный дефект речи. Сразу понять трудно. Со стороны их разговор больше напоминает щебетание воробьев, чем человеческую речь. Но друг друга они понимают, и им этого достаточно. Живут втроем с одним ребенком на двоих, чей он – так никто в больнице точно и не знает.

По утрам обе сидят на приеме в поликлинике. Одна – в центральной, вторая – в филиале, в соседнем поселке. По вечерам приходят дежурить в больницу.

И вот один селянин решает обратиться к хирургу. С какой-то мелочью, типа панариция. Приходит в поликлинику на прием к одной из сестер. Чем-то ему девушка не внушила доверия, или мужик просто не понял, о чем она говорит, он извиняется и едет на своей машине в центральную поликлинику. В кабинете хирурга застает ее же. «Странно, – думает мужик, – ну никак не могла она доехать быстрее меня». Пока еще только удивляется и едет в больницу. И в приемном покое видит следующее.

Оказалось, что первая, закончив прием, приехала в больницу на дежурство и уже сидит в приемном отделении. Но деваться мужику уже некуда, вечер. Соглашается лечь в больницу. Оформляется история болезни, и товарищ поднимается по лестнице в хирургическое отделение. И там он видит… Ну понятно кого. Доктор из центральной поликлиники тоже закончила прием и пришла на дежурство. Мужик пытается уйти, но поздно. Он уже пациент, и он уже не полностью принадлежит себе, теперь за него несут ответственность врачи. А врачам его поведение показалось не совсем адекватным: «Ну куда же ты собрался, милый, поздним вечером на улицу, без одежды? Не лето ведь. А не пил ли ты часом?» Спишь хорошо? И едет мужичок уже без всякой одежды в реанимацию лечить нервишки.

Одно не спросил: панариций-то ему вылечили или нет?

Строгая мать

В приемном отделении знакомый пациент. Мужичок лет под 60. Не пьян, но с запахом. Впервые познакомился с ним лет пять назад, когда его матушка, старушка лет 80, проломила ему череп своим костылем. С тех пор знакомство поддерживаем, поскольку поступает он к нам регулярно. После трепанации черепа восстановился почти полностью, смог даже работать таксистом. После операции больной признался, что это мама его так, не любит она, когда от сына попахивает спиртным. Но просил в милицию не сообщать. Правоохранители все равно интересовались, но сын маму не сдал. Сказал, что упал сам. Пару лет назад поступал с ножевым ранением в живот. Тогда мужику снова повезло, отделался потерей селезенки, метра кишечника и двух качающихся передних зубов, выбитых анестезиологом при интубации трахеи. Тут на бытовую травму все свалить не удалось, правоохранители возбудили дело и посадили злодейку.

– Ну и что на этот раз?

– Да вот, доктор, посмотри. На этот раз ерунда.

Показывает перебинтованную руку.

– Чего, опять мать?

– Да она, только она хотела ножом в шею, я прикрылся.

Предплечье проткнуто насквозь.

– Не слабая у тебя старушка, сколько ж ей сейчас?

– 86.

– Так слушай, она же должна еще в тюрьме сидеть.

– Это после того как она мне печень ножом проткнула? В позапрошлом году? Так ей тогда три года дали, а через год выпустили. Кто ж такую старуху в тюрьме держать будет. На днях

отпустили.

– Слушай, ну ведь убьет она тебя, сдай ты ее в дурдом.

– Не могу. Мать ведь все-таки. И жена против этого, сука, а мне дома даже пива не выпить.

– Ну тогда не плачь, поехали в операционную.

Безопасность шин Nokian толкает людей на экстремальное поведение[3]

Следующий поступок не поддается иному объяснению. Гражданин засунул себе в задницу целый круг полукопченой колбасы. Сказал, что так посоветовали товарищи на работе. Что у него за работа и какие на ней товарищи – не пояснил. Можно понять, если бы работал в колбасном цеху и таким способом выносил продукт с производства. Но трудился он слесарем на металлическом заводе. Был трезв. Предположить, что друзья заливали в задницу водку (есть такой способ употребления спиртосодержащих смесей у экономных людей, алкоголь, введенный в прямую кишку, действует гораздо быстрее и эффективнее) и соответствующим образом закусывали, тоже не получалось. Такое раньше практиковалось только в психушках и тюрьмах при большом дефиците продукта. Сейчас не те времена. Поначалу товарищ вообще скрывал, что в его кишечнике инородное тело, но что-то твердое прощупывалось до самого селезеночного угла толстой кишки, а при осмотре из задницы аппетитно пахло копченой колбасой. Кусочки колбасы отрывались при попытке достать ее с помощью зажима. Эндоскопическая техника тоже оказалась бессильна. Эндоскоп фирмы «Олимпус» не имеет соответствующих насадок и не предусмотрен для извлечения из задницы краковской колбасы. Все могло закончиться травмой сфинктера.

Делать нечего, надо оперировать. Пациент соглашается, перед операцией получает очистительную клизму и просится, даже не просится, а скачет в туалет. Через пару минут со счастливым лицом выскакивает в коридор, хватает пальто и с криком: «Спасибо, ребята!», – исчезает. Все сразу поспешили в санитарную комнату, к унитазу, посмотреть на новорожденный продукт. Но странно, колбасы в туалете не было. Наверное, унес с собой.

Путь самурая, или Бусидо по-русски

Хороший человек благодарен судьбе за всё. Спрашиваю:

– Вот тебе 40. Говоришь, что с 14 лет на игле. И ты мне будешь втирать, что у тебя ни ВИЧ, ни гепатитов?

– Да нет, доктор, бог миловал. Меня тюрьма спасла. Вышел на свободу, укололся и в тюрьму. Только ты мне сделай, чтоб я спал, чтоб ваших разговоров не слышал. И чтоб больно не было. Спину не надо колоть.

– Уколю. Прикинь, какая польза, сразу после операции сможешь опохмелиться. Никакого отходняка после наркоза.

– У меня не бывает похмелья.

– Отсутствие похмелья – еще не повод не опохмеляться по утрам.

– Но главное, чтоб я спал.

– Будешь спать, обещаю.

* * *

Перебирая и выкидывая лишние бумаги из ординаторской, наткнулся на старую амбулаторную карту в трех томах, каждый размером почти с том БСЭ. Человека уже почти десять лет нет в живых, но кто-то сохранил историю его жизни. Выбросить не поднялась рука. Оставлю и я.

Интересно, почему иногда отдельные граждане, выйдя после травмы черепа на вегетативное состояние и превратившись в овощ, внешне производят впечатление абсолютно счастливых людей. Кажется, что они достигли вершины своего развития и наконец-то обрели покой. Особенно те, кто шел к этому всю свою нелегкую жизнь.

Такой выдающийся пример абсолютного счастья продемонстрировал некий Вова, постоянный клиент нашей фабрики здоровья. Редкостный отброс, чудом умудрившийся дожить почти до сорока. По малолетке сел. Зона на всю жизнь расплющила психику. Выйдя на волю, сделал себе стальные пластины в виде зубных протезов, только с острыми краями. Типично зоновский вариант. Кто встречался, знает. Оружие в умелых руках, вернее в умелом рту, страшное. При наличии навыков можно легко откусить противнику ухо, палец, нос и другие выступающие части тела. По пьяни любил Вова надеть свои челюсти и пройтись по улице. Сам он был маленького роста, щуплый, но при этом ужасно заводной. Весь поселок знал о Вове и его зубах, поэтому на расстояние укуса его никто не подпускал. Встречали ударом в табло, часто используя подручные предметы. В результате Вова раз 20 лежал у нас с ушибами мозгов и

переломами черепа. Иногда пинком под задницу ему в дополнении к голове ломали тазовые кости и позвоночник. Всю жизнь его били, а он все пил и продолжал искать приключения. В короткие промежутки трезвости лечился от диплопии в глазной клинике на Моховой. Прицел у башни был сбит, в глазах двоилось. Когда очередная травма головы закончилась переходом в вегетативное состояние, более счастливого человека мне лично наблюдать не приходилось. Спокойствие, умиротворенность и улыбка на лице. Кажется, что он достиг своего совершенства. Вел активную растительную жизнь. Усваивал пищу, испражнялся, выделял мочу. Как говорили, тело живет и побеждает.

Жил он у нас овощем месяцев пять. Затем его удалось переправить в отделение сестринского ухода. Есть в поселке Невская дубровка такая богадельня. Типа хосписа. У нас это называется: заказать такси на Дубровку. Уход там был хороший, самое главное – быстрый. Вова продержался неделю. Установил своего рода рекорд продолжительности жизни в хосписе в вегетативном состоянии.

Вызов ньютоновской вселенной

– Доктор! Зачем меня привязали?

– А ты зачем в одном носке гулял по городу?

– Грибов поел.

– Ну и как, расширил сознание? А второй носок чего не надел? Надел бы два, никто б на тебя и внимания не обратил. Так бы и гулял дальше, эка невидаль.

– Понимаете, доктор, я каждый год в сезон по 20 грибков съедаю, ежедневно, это моя норма. А в этом году грибы какие-то странные, удались. Как обычно я вчера 20 штук скушал и вот перебор.

– Теперь думай, как домой пойдешь. Телефон хоть помнишь, кому позвонить?

– А что, на мне ничего больше не было?

– Не веришь, сам смотри. Вот список твоих вещей: носок один. При выписке не забудь расписаться в получении. А то потом скажешь, что второй в больнице украли.

* * *

В приемном отделении лежит пожилая женщина 70 лет. Кома. Непонятно, инсульт, травма, отравление. Короче, привезли

очередную загадку. Думать лень. Со слов внука, бабка для своего возраста вполне здорова, работает в НИИ, химик, кандидат наук. Весьма продвинутая старуха, катается на горных лыжах, слушает рэп, поет под караоке. Вдруг после ужина стала нести какую-то чепуху и потеряла сознание. На всякий случай был задан вопрос, чем она ужинала. Да, соседи говорят, днем на даче за грибами ходила, грибов поела, она вообще грибы очень любит. Собирает сама, правда чистит без лорнета. Факт отложился в голове, но не как решающий. Привезли в реанимацию. Бабка по-прежнему в глубокой коме, зрачки точечные. Но странно, дышит хорошо, ровно, давление, пульс, все в норме. Мысль об отравлении стала доминировать. Вдруг суицид. На всякий случай промыт желудок. В помойное ведро выплеснулась кучка плохо пережеванных грибов, на вид – мелких сыроежек. На этом курс лечения был приостановлен, дыхание ровное, пусть лежит, поправляется. Время лечит. Если и грибы, то не страшно, судя по анализам, печень не пострадала.

Часа через два бабка заморгала. На свое имя открыла глаза, звонко сказала: «Да!» Еще с час, и стала также кратко отвечать на все вопросы. Вскоре заговорила. Заговорила много, громко и внятно. Это было шоу.

– Люди, я только что пережила такое, о чем раньше могла только мечтать! Я наконец поняла, что такое настоящая жизнь. Я шла к этому долгие годы. И, наконец, поняла, что вся моя жизнь раньше была просто серым пятном на карте вселенной. Теперь я начинаю жить по-настоящему!

Мелькнула мысль, а случайно ли попали в жаркое галлюциногенные грибы, и был деликатно задан вопрос:

– А вы специально решили расширить сознание?

– Да, конечно, я увидела границы вселенной, но дальше еще много непознанных галактик. У меня еще все впереди! Я написала об этом книгу, ее должны прочесть все!

– Вам что, не дает покоя слава Станислава Грофа или вы просто начитались его книг?

– Гроф, Грофа, Грофе, – бабушка копалась в памяти, – не слышала. Кто такой? Опередил? Не потерплю. Я первая открыла этот путь.

– Ну как же не слышали, рекомендую. Если вы всерьез решили заняться расширением сознания, надо почитать классиков.

– Хорошо, напишите список на бумажке. Это потом. Итак, я сейчас в прямом эфире?

– Естественно.

– Тогда я должна сказать всему человечеству: «Люди! Я была

лесбиянкой! До того момента, пока не встретила юношу своей мечты. Я поняла, что рождена для него. Я вступила на территорию непрерывного оргазма. Жаль, что у меня осталось не так много времени, но теперь я должна попробовать все остальное».

– Что конкретно вы хотите попробовать?

– Все, абсолютно все!

Шоу начинало надоедать.

– Вы хоть понимаете, где вы сейчас находитесь? Реанимация, вокруг больные люди. Если будете так громко кричать, снимете пробу с аминазина.

– Я у себя дома! Я в центре мегагалактики, вокруг еще много непознанных миров, но я уже скоро познаю все.

На самом деле границы сознания оказались узковаты, бабушка начала повторяться.

Пришли ее родственники. Чтобы посмотреть, как она отреагирует на их появление, в отделение пропущен внук.

Из любопытства.

Бабка долго смотрела на внука, не обращая внимания на его всхлипывания:

– Бабушка, что с тобой случилось, как ты себя чувствуешь?

– Я чувствую себя прекрасно. Ты зачем пришел? Доктор! Давайте перемотаем все назад и начнем заново с того момента, когда я познакомилась с дедушкой этого пидора. С того момента, когда я села с ним в одну электричку, в 62 году.

Далее вновь пошел монолог, обращенный ко всему населению земли. Слушать уже надоело. Из дежурного персонала всего двоих интересовали разные проявления человеческого безумия. Второй дежуривший врач был болезненно обделен чувством юмора. Бабушка получила порцию галоперидола и затихла. Что-то у нее в голове по-прежнему происходило, но наружу продукция не выдавалась.

Утром сознание вернулось в привычные бытовые рамки, частично вернулась самокритика. Спрашивает у врачей:

– Скажите, а все это было на самом или мне только снилось?

– Снилось, снилось, – успокоили ее.

– Значит, это были грибы. Жаль. Очень жаль. Придется повторить.

Похоже, еще один человек решил бросить вызов ньютоновской вселенной. Уезжая в отделение, бабушка сердечно прощалась с персоналом реанимации, благодарила за терпение и заботу. Ей так же вежливо отвечали:

– До свидания, не прощаемся, до встреч.

Тяжелое ДТП. В автомобиле двое, муж и жена. Жена на девятом месяце беременности. Муж погибает на месте, жену выбрасывает из автомобиля. Ушиб мозга, субдуральная гематома. Две бригады работают одновременно, травматологи делают трепанацию черепа, гинекологи – кесарево сечение. Ребенок, к счастью, жив. Через два дня приходит в сознание в реанимации. Первый вопрос:

– Где мой муж?

Медсестра:

– Вам сейчас надо отдыхать. Не думайте о всяких пустяках, лучше подумайте, как одна будете ребенка воспитывать.

Глава

Глава одной из местных районных администраций попадает с сельскую больницу. После ДТП. За рулем ночью был сам. Естественно, пьяным. Ногу зажало кузовом так, что спасти ее не удалось и проснулся человек после операции без ноги. Сразу слетелись коллеги, главы администраций разных уровней, сочувствие выразить, предложить помощь. Приходили целые делегации от избирателей с цветами. Главный врач больницы не отходит от койки, пытается утешить. Слова утешения нашлись:

– Ты, пожалуйста, будь осторожней, так больше не гоняй.

Дежурные врачи долго размышляли над логикой этих слов. Ведь именно так, как вчера, погонять можно еще только один раз, да и то на машине с автоматической коробкой передач или с ручным управлением. Вторая нога еще осталась. Если в следующей аварии потерять руку, то это будет уже несколько по-другому.

На вопросы начальства о том, каково его настроение, так сказать, эмоциональный фон, ответить было трудно. Тяжело представить эмоциональный фон человека, проснувшегося после пьянки без ноги. Лично я бы умер от удивления.

Надо отдать должное больному. Лежал тихо, пальцы не гнул. Персональной заботы не требовал. Еще бы, скоро выборы, а вокруг бродит местный электорат. К тому же больничное начальство обещало замять факт наличия в крови спиртного. Вдруг права еще пригодятся. Ближе к народу быть не хочется. Прыгать по автобусам на костылях несолидно.

* * *

Бабуля на девятом десятке лет решила свести счеты с жизнью. Попыталась повеситься, но неудачно. Когда лет пять не встаешь с кровати, сделать это затруднительно. Ничего страшного с бабкой не произошло. Обыкновенный старческий маразм, несет какую-то чепуху, но быть осмотренной психиатром ей положено. Поскольку имеет стойкие суицидные намерения. Как сказали родственники, бабка постоянно угрожает повеситься последние полвека.

Психиатр ласково спрашивает:

– А как вас зовут, какое сегодня число?

Тишина.

– Ну посмотрите вокруг. Где вы находитесь?

Беседа явно утомила бабулю:

– Где-где..? В п…де!

На этом беседа закончилась. Обиженный доктор пошел в ординаторскую, оставить запись в истории болезни, недовольно бормоча себе под нос:

– И зачем только меня вызвали к этой сумасшедшей старухе?

На двух страницах – подробнейшее описание психического статуса. Уровень сознания, эмоциональный фон, снижение интеллектуально-мнестических функций. Запомнилась фраза: «В окружающей обстановке ориентирована правильно».

Спрашиваю врача:

– Это вы так тонко выразили свое отношение к нашему отделению? Помнится, бабка сказала, что находится в другом месте.

Заботливый сын

Поздно вечером переругались с дежурным хирургом. Дело едва не дошло до драки. Он настаивал, чтобы я забрал к себе в реанимацию больного. С его слов, тот был неадекватен – начинался психоз и оставлять его в общей палате на ночь было страшно.

Поднялся к пациенту в отделение. Решил сам поговорить с ним.

Мужик, лет 35, поступил накануне вечером. Ножевое ранение. Был слегка пьян. Живет в соседнем поселке. Работает в юридической конторе адвокатом. Кто и зачем выпустил ему кишки, мне было неинтересно. Там в поселке повод выпустить кишки соседу не нужен, нужен нож. Вечером срочно был прооперирован. Ушиты ранения кишечника, зашита брюшная стенка. Получился не очень косметический шов на животе от

груди до лобка. Ночь провел у нас в реанимации, а с утра его перевели в хирургическое отделение. Разрешено вставать с кровати только на третий день, и то если принесут хороший бандаж. Больной был полностью со всем согласен, а учитывая его не самый низкий интеллект и социальный статус, опасений в том, что он не будет соблюдать рекомендаций, не было. К тому же свободных мест в реанимации не хватало.

И вот поздно вечером захожу к нему в палату. Сидит на кровати. Абсолютно трезв. Живот туго обмотан простыней. Своего рода самодельный бандаж, кстати, весьма эффективный, надежней купленного в аптеке.

– Доктор, мне срочно нужно домой. Я согласен написать любую расписку, только, пожалуйста, отпустите меня. Обещаю, что завтра утром я вернусь.

– Так, ну вы поймите, вам сейчас не то что домой, вам с кровати вставать нельзя. Ведь чуть нагрузка – кишки наружу вылезут.

– Доктор, я все понимаю. Но у меня безвыходное положение. У меня дома мама одна. Она парализована, до магазина не дойдет.

– Нет, ну и вы поймите. Сейчас до дома вы просто не доберетесь. Тем более ночью, без одежды. На улице минус тридцать. – Одежду не успели днем получить в приемном, да и получать особо было нечего. В мешке лежал окровавленный комок тряпок. – Что, мама ваша от голода умрет?

– Да нет, от голода она не умрет. Еды дома много, и до кухни она доберется.

Но дома нет портвейна. Мама без портвейна не уснет. Она привыкла по вечерам портвейн пить. Я это серьезно. Я ведь юрист по образованию. Я напишу расписку, и вам ничего не будет, даже если со мной что случится. Но я обещаю, что утром буду на месте.

– Слушай не говорите ерунды, не могу. В таком состоянии после операции вы не вполне оцениваете свое состояние. Ваша расписка ничего не стоит. Лежим до утра. Ничего с вашей мамой за один день не случится.

– Ну хорошо, – с грустью соглашается больной, – только, конечно, мама спать сегодня не будет.

Послав про себя на хер его маму с ее портвейном, чтоб она без него сдохла, иду в ординаторскую. Хирург встречает вопросом:

– Ну чего, берешь к себе?

– Да с какой стати? У меня и так ни одного свободного места.

– Ну так он же неадекватный! Еще в окно выпрыгнет!

– Слушай, с каких пор забота о маме стала признаком безумия? Вполне здраво рассуждает. Ну пьянь его мама, ну и хер с ней.

– Я тебе говорю, он из окна может выпрыгнуть.

– Никуда он не собирается прыгать. Захочет убежать – его охранник ночью не выпустит.

На наши крики прибежала дежурная медсестра. Узнав о причине спора, пообещала, что с поста она всю ночь никуда не отойдет. Пост напротив палаты. Если он только попытается высунуться, сразу позовет на помощь.

– Ну смотри, я предупредил, – пригрозил хирург, – тебе отвечать придется.

Остаток ночи нам вместе пришлось провести в операционной. К утру мы о нашей ссоре почти забыли.

Утром, перед сменой, решил проведать любящего сына. Захожу в палату, но его там нет. Я к медсестре:

– Где?!

Та клянется, что из палаты он не выходил. Спрашиваю соседей, куда делся. Соседи по палате рассудительно отвечают:

– А он из простыней веревку связал, с окна спустился и домой пошел. Ему же домой надо было. Вы ж сами ему простыней много дали.

Хирургическое отделение на четвертом этаже.

Действительно, несколько простыней было выдано для изготовления временного бандажа.

– А в чем же он пошел?

– А мы ему вот, это, одеяло сбросили. Шерстяное. Ну так он завернулся в него и побежал.

– Босиком?

– Ну да, ты скажешь, босиком. Тапки ему дали, вон – стояли там. Кожаные. От соседа остались.

– Мудаки!!!! Вы хоть подумали, как он до дома доберется? Он же в соседнем поселке живет!

Народ отвечал:

– Ну а мы чего, мы не знали, где он живет. Он сказал, что ему домой надо. Вот мы ему спуститься помогли, да. Подстраховали. А одеяло вниз скинули. Он и побежал домой.

Известная истина: толпа иррациональна, и объяснить массе, что она есть простое скопление мудаков, невозможно.

До его поселка по местным меркам было сравнительно недалеко. Километров пятнадцать. И то, если знаешь короткую дорогу через лес. Ночью, в феврале, пройти пешком этот путь не сможет ни один здоровый. В этом не было никаких сомнений. Ни одна попутная машина не остановится. Увидев такое чудо на

дороге, завернутое в одеяло, только прибавят газу.

На пустой кровати лежала расписка:

– Я, такой-то, от лечения отказываюсь. Требую выписать… Предупрежден… Претензий не имею. Дата. Подпись. Все грамотно, но расписка утешала мало. Надвигалась катастрофа. Надо идти, докладывать начмеду. До конференции оставалось несколько минут, и по пути зашел в приемник. Пусть отметят в сводке, что с хирургии один выписан под расписку. Бумаги оформим потом.

В приемном покое сидит наш адвокат. В одежде его не пускают наверх в отделение.

– Сука! Ты где был? Мы тут поседели из-за тебя! Козел!

– Так доктор, я же вам говорил. Мне домой надо было. У меня дома мама одна. Я ей портвейна купил, вот и вернулся. Теперь ей на неделю хватит.

Как он смог голым пешком ночью добраться до дома, я представить не мог. А дома он был точно, как потом оказалось, его ночью видели в местном сельмаге.

– Пойдем со мной, поговорить надо.

Притащил его в ординаторскую. Сидевший там дежурный хирург перед обходом для храбрости допивал второй стакан водки. Он тоже был предельно ласков:

– Вернулся, родной? Ну так теперь лечись. Поправляйся скорее. А вот когда поправишься, мы с доктором тебе таких п…й дадим, что ты про маму свою навсегда забудешь. А теперь иди на х…

0,7 водки было допито вместе, но уже в радостном настроении. Обход прошел весело, от начмеда инцидент скрыли. По счастью, все обошлось. Больной даже не простудился. Через неделю поправился и был выписан. При его ранении – маленькое чудо. Правда, перед выпиской попрощаться не зашел. Ушел вечером накануне. За больничным приходила его жена.

* * *

Рассказывает знакомый из клинической больницы:

– А чего, не пойму, вы тут с делириками мучаетесь? У нас с ними не церемонятся, если кто-то только начинает путаться, его сразу в реанимацию, на трубу, и дня на три на ИВЛ.

Спрашиваю, как так? У вас же больница по «Скорой» не работает, все операции плановые. Откуда белая горячка? Товарищ объясняет:

– Ну так область у нас большая. С иных мест, если не на

машине, со всеми пересадками будешь почти 2 дня добираться. А по пути еще к какому-нибудь шурину завернут. Сам понимаешь, перед операцией для храбрости надо принять. Вот пока едут на плановую операцию, протрезвеют, еще денек у нас полежат, не в этот же день сразу их брать, вот и все, здравствуй, белая горячка. Нет, ну конечно, если там на сердце какая-то операция, или сосудистая, мы их не берем, ждем, когда в себя придут. А мениски, эндопротезы, это запросто, пока спят, заодно и прооперируются.

Гений и безумие

Встречаю старого знакомого. В свое время он был широко известен в кругу питерских психиатров, имея яркую форму параноидной шизофрении. Носил в себе бред галактического размаха. Обидно, что за последний десяток лет превратился в жалкое слабоумное существо, совершенно безобидное, с тяжелым дефектом личности. Нет ни бреда, ни голосов. Даже таблеток не требует. Раз в год районный психиатр определяет его отдохнуть на месяц в санаторий имени Кащенко, но и то больше из жалости, когда у пациента кончаются деньги и элементарно не хватает на еду. На пенсию по инвалидности прожить трудно, а подзаработать удается редко. Хоть в прошлом он отсутствием интеллекта не страдал, работал инженером, отлично зная несколько языков, неплохо зарабатывал как переводчик. Но иногда у него все-таки появляются какие-то деньги, и тогда он банально запивает.

Вот и на днях, выпив бутылку водки, за второй шагнул с четвертого этажа. Так было быстрее. Испуганная родня притащила его в больницу. На первый взгляд травм никаких не было. Приземлился удачно. Но пришлось оставить до утра. Пусть свое слово скажет его лечащий доктор из психоневрологического диспансера.

Утром знакомый врач-психиатр отвечает по телефону сонным голосом:

– Понимаешь, это нет, это не шизня. Он должен был понимать, что делает. У него уже лет десять никакой продукции. Просто по пьяни свалился в окно. У вас чего, мало таких? Если травм нет, гони его домой, а родне скажи, чтоб денег ему не давали.

Травм видимых не было, но почему-то у пациента стал раздуваться живот. Урчание кишок стало слышно на расстоянии. Вдобавок оба конца пищеварительной трубки извергали

зловонные газы. Появилась мысль, а не разорвана ли при падении кишка? Тогда придется брать в операционную, на стол, чего страшно не хотелось.

Сомнениями поделился с районным психиатром. Тот начал мне читать лекцию о том, что при шизофрении тотального слабоумия нет, слабоумие специфическое. Личность при этом способна на необычные поступки и решения.

– Да ты слушай, это я и так знаю. Ты бы лучше объяснил, отчего у него живот раздувается.

– Ну так когда он пьет, то начинает одним горохом питаться. Суп, там, гарнир.

– Ну а на какой хрен?

– А ты чего, не понимаешь? По той же причине, что и из окна выпрыгнул.

Я начал чувствовать себя полным идиотом. Я действительно ничего не понимал. Никакой логики.

– Говорит, что за водкой торопился. Так быстрее, чем спускаться по лестнице.

– Так и тут то же самое. Вот ты в вашем поселке хоть раз в магазин заходил?

– Естественно, заходил.

– А ты хоть раз там видел, чтоб в водочный отдел очереди не было.

Честно признаюсь, что, пожалуй, не видел. Даже ночью.

– А вот если тебе срочно выпить надо, ты как поступишь?

– Попрошусь без очереди. Типа, мужики, спасите, трубы горят.

– И чего тебе ответят?

– Скорее всего, просто пошлют подальше. И то в лучшем случае.

– Правильно! Потому что у всех трубы горят, у всех жены рожают и все на поезд опаздывают. А вот он подойдет к отделу со своим раздутым животом и скажет, что если не пустите без очереди, то я сейчас так пердну, что всем плохо будет. Живот свой покажет. И веришь, всегда пускают. Все ж его в поселке знают. А кто сомневается – так он так подпустит сытности, что просто пипец. Вообще в отделе никого не останется. Теперь понял? Ну ладно, я вечерком зайду, оставлю запись.

Теперь я понял. Понял, что таких вершин интеллекта мне никогда не достигнуть. Осталось только склонить голову перед величием человеческого разума.

История, правда, имела трагический финал. Не успел я выгнать шизофреника. Больного взяли в операционную с подозрением на травму кишок и кишечную непроходимость.

Стереотипность мышления хирургов-материалистов не позволила им поверить в подобное объяснение. Распоров живот ничего не нашли. Хватило бы простой клизмы. Зашили. Но организм, ослабленный долгим запоем и строгой бобовой диетой, не выдержал. Жаль, загубили такую яркую личность. Так гаснут звезды.

Русская Кармен

На днях оказался случайным свидетелем разговора в сельском магазине. У прилавка встречаются две соседки.

– Матвеевна, е…ть тебя в рот! Ты чего, жива, что ль? Мы уж тебя похоронить успели, думали, все, пропала. Ты где ж это была?

– Ой, Любаша, я была просто в раю.

Подслушивать нехорошо, но согласитесь, интересно узнать, где находится рай. Да и одежда женщины привлекала внимание. Зимнее пальто не застегнуто, под ним что-то типа ночной рубашки. Шерстяная кофта обернута вокруг головы. На ногах резиновые боты.

Матвеевна продолжает:

– Ты не представляешь, там как санаторий. Даже стены все покрашены. Цветочки в горшках. А уж кормят там… Я вон даже поправилась, кофта мала стала.

– Опять, что ль, ты в КПЗ напросилась?

– Ну да, специально в район ездила, у нас-то ментовку давно закрыли.

– Ох смотри, Матвеевна, достанешь ты ментов. Отхерачат они тебя там. Ты уже туда какой раз попадаешь?

Речь Матвеевны выдавала в ней женщину интеллигентную.

– Тронуть не посмеют! У них рука не поднимется на своего учителя! И законов я не нарушаю. Полежу там часок на площади, обосраться, правда, приходится, ну ничего. Долго мне там валяться не дают, общественность протестует! Электорат! Где видано, чтоб бывший директор школы в говне валялся? Да еще на центральной площади? Третий раз всего-то за месяц попадаю. Жаль только, суток пять дают, больше не держат. А мне только б до пенсии продержаться.

Подходит очередь подруг. Матвеевна:

– Ты какой портвейн будешь? Щас возьму, погоди только, мне тут с долгами рассчитаться надо. Я в поездку с собой спирта тут в долг брала.

От знакомых узнал историю Матвеевны. Личность в поселке известная, среди полицейских и врачей – особенно. Драматичная

судьба. Действительно, работала в школе директором. Первый муж бросил, когда стала попивать. Второй муж пил сильнее её. Его она бросила сама, поговаривали, что в прямом смысле, в погреб, якобы закрыв там до весны. Почему-то не посадили, сочли несчастным случаем.

Профессиональный спор

Наблюдаю профессиональный спор в приемном отделении. Врач «Скорой помощи» пытается всучить дежурному терапевту направление. В графе «Диагноз» написано: Геморрагический инсульт в области левой ягодицы. Терапевт удивлен:

– Доктор, а как вы это себе представляете?

Врач «Скорой», что интересно, по специальности «невропатолог», доказывает:

– Ну как же, кровоизлияние в мозг называется инсультом. Так? Так. А у нее кровоизлияние в ягодицу? Правильно? Вероятно, в бассейне верхней ягодичной артерии. Но тут уж я это уточнять в диагнозе не буду, не думаю, что вы разбираетесь в топической диагностике. Так как это еще назвать? Инсультом ягодицы это называется, коллега.

Пациентка, получившая пинок тяжелым сапогом в свою задницу, участия в споре о своей судьбе не принимает. Продемонстрировав всем желающим зону, пораженную инсультом, спит на кушетке. Топическая диагностика сложностей не вызывает. На ягодице четкий кровоподтек в виде подошвы.

– Ну доктор, я понимаю, если у вас жопа вместо головы, то тогда соглашусь, вас бы я положил к себе на отделение с инсультом. А тут уж нет, увольте. Пожалуйста, это к травматологу.

Дальнейший спор принял уже совсем чисто теоретический характер, зазвучали такие слова, как «мудак», «козел», «да пошел ты на…». Вмешиваться не стал, пусть разберутся сами, кто прав. В теории мы не сильны, наше дело практика.

* * *

Вся больничная лаборатория заставлена баночками с анализами мочи. Удивился количеству, откуда столько? Обычно стоит десятка два-три. Лаборантка в слезах:

– Не пойму, взбесились, что ли? Вся больница свое ссанье сюда снесла. Они чего, все святой воды сегодня напились,

проверяют? Чего я с этим буду делать?

– А ты возьми бланк анализа.

– Ну?

– Чего там сверху написано? Написано: ОБЩИЙ АНАЛИЗ МОЧИ. Вот слей все в одно ведро, размешай и сделай. И получится один общий анализ.

Старая история

Давно замечаю одну любопытную вещь. Есть истории, которые постоянно повторяются, и ты слышишь их много лет подряд от разных источников. И ничего бы странного тут не было, если бы каждый из рассказчиков клятвенно не заверял, что все это было, все это происходило в жизни, и он клянется, что лично был свидетелем, сам принимал во всем этом участие. А если не сам, то его знакомые, которым он доверяет на все сто. Самый, наверное, типичный пример – это рассказ про одинокую женщину, использовавшую для утех кота. Известное место намазывалось сметаной, а кот слизывая ее, доставлял хозяйке радость. Историю слышу уже лет так более 30, еще со времен института, в основном от врачей «Скорой помощи». Разнятся только детали, иногда в качестве приманки используется настойка валерьянки, иногда в качестве затейника выступает мужчина. Ну и, естественно, отличаются характеры получаемых при этом травм, от откушенного клитора до разорванного члена. При всем том каждый утверждает, что именно он ездил на этот вызов. А еще, если верить всем рассказам, в городе не было ни одной бригады «Скорой помощи», которая бы не отвозила в больницу спорщика, засунувшего свои яйца в боковое отверстие 200-литровой бочки. Действительно, по одному засунуть можно, а обратно вытащить разом – увы, никак. Опять-таки разнятся только детали. Кто-то из пытливых граждан нес бочку перед собой, кого-то несли на носилках. Поверить во все это можно, даже можно согласиться с наличием такого количества идиотов. Но вот что заставляет сомневаться: почему мне не приходилось видеть подобного? Хотя я, кажется, притягиваю к себе всех окружающих придурков и идиотов. Отдельные истории конечно хороши, хороши для воспитательного примера, для привлечения молодежи на работу врачами «Скорой помощи». Дух романтики, встречи с интересными людьми… Но иногда надо знать меру.

А на днях в курилке один недавний студент рассказывает историю про пьяного фигуриста, как якобы они придумали эту шутку. И тут почему-то я не выдержал, пришлось уличить

товарища в плагиате. Первым такую шутку придумал я. Может быть, и не я, может, кто-то так развлекался и раньше, но все это было задолго до того, как этот студент появился на свет.

Предыстория случая такая. Наша станция «Скорой помощи» базировалась в старом доме. Ремонта там не было больше века. И вот при проведении небольшой перепланировки между двумя помещениями обнаружена кладовка, размером с приличную комнату. Дверь в нее была замурована еще в довоенные годы, и про кладовку забыли. И чего там только не было… Знамена, музыкальные инструменты, бюсты вождей, спортинвентарь, лыжи, коньки. Патефон с мешком грампластинок. Вполне можно было открыть небольшой винтажный бутик.

Первым пошел в дело патефон. С утра заводилась пластинка, чаще «Рио-Рита» или «Моя красавица». После этого пару минут стояла тишина. Затем звучал вопрос: «А кто пойдет в магазин?» Сразу одновременно у всех появлялось желание выпить. Идешь утром на работу, слышишь звуки патефона, понимаешь, на станции ураган. Заведующая терпела долго, но в конце концов приказала патефон убрать. Один врач взял его себе домой. Из дома был выгнан через пару недель, вместе с патефоном. Передал мне. Результат был практически тот же. Так патефон кочевал по квартирам сотрудников, пока где-то не затерялся. Бюсты вождей пошли в дело. Это отдельная история. В знамена заворачивали замерзших бомжей. К пионерскому горну прикрепили грушу от спринцовки и устроили клаксон на машине. А вот десяток пар коньков долго не находили применения. Из одной пары я наделал циклевок для паркета, а одну всегда возил с собой, постоянно думая об интересном использовании.

И вот однажды пришлось подбирать некое тело с набережной Фонтанки. Зима. Тело не мычало, и шансов, что уйдет само, ну хотя бы вспомнит свой адрес, не было. Как не было на нем никакой травмы. Разве что мужичок был весь мокрый, явно обоссался или побывал в воде реки Фонтанки, что, собственно, практически одно и то же. И тогда решили снять с него мокрые ботинки и надеть сухие, гораздо лучше, но с коньками. Рассудив, что ботинки у коньков прекрасные, производства артели «Красный трудовик», 22-й год, сейчас таких и не делают, натуральная кожа. А коньки при желании можно и оторвать от подошвы. Так что мужик в обиде быть не должен. И в коньках его бросили на пол в спецприемном отделении, в пьяной травме. Там слегка удивились, но пришлось объяснить, что мужик, да тысяча тому свидетелей, катался на коньках по Фонтанке, и при исполнении очередного акселя или двойного тулупа со всей дури звезданулся затылком об лед. Да так, что лед раскололся, и

фигурист стал тонуть. Прохожие спасли, из воды достали, передали нам. Внешне да, ничего не видно, но при таком ударе, сами понимаете. По меньшей мере сотрясение, и то это в самом удачном случае. Да, алкоголем попахивает, согласны, но ведь на коньках еще стоял, катался, значит, не до смерти пьян был. Там ребята работали привычные ко всему, сказали ладно, пусть протрезвеет, понаблюдаем, и отнесли его в «палату». Палата там представляла из себя комнату метров сорока, с рядами низких топчанов вдоль стен, чтобы избежать дополнительных травм при падении на кафельный пол. Из удобств, за перегородочкой, были две дырки в полу, как в старых привокзальных сортирах.

Под утро пришлось снова навестить спецприемник. Санитары там меня встретили громким матом:

– Блядь, ты бы видел, как он, проснувшись, пытался встать и дойти до сортира. Ползал тут по полу. Смешно… Ну а как ушел? Коньки-то помогли оторвать от подошвы? Да нет, так в коньках и ушел, он так довольно ловко на них покатился к метро. Прям как спортсмен, даже с номерочком на спине, с тем, что мы им мелом рисуем. Он был семьдесят восьмым. Может, и правду говорите – действительно катался.

Первопроходец космоса

Диалог врача с пациентом. Врач:

– Коль, а ты чего такой желтый? Сколько уже дней не просыхаешь?

– Неделю.

– Может отравился? Дерьма какого выпил?

– Нет, только водку пили. Хорошую. В магазине покупали. И название у нее правильное – «Путинка».

* * *

– Доктор, я сдохну? Чего-то ноги немеют.

– А чего пил?

– Незамерзайку пил.

– Много?

– 3 глотка выпил.

– Ты хоть ее состав знаешь? Иную-то можно пить. В смысле, что большого вреда не будет, только стоит она дороже водяры.

– Да нет, это дерьмо какое-то, солярой пахнет, нам на автобазе выдают, вот пол-литра в бачок-то не вошло, я выпил.

Нам разве дорогую-то выдадут…

– Ну а были случаи, кто пил? Что с ними было?

– Никто раньше не пил.

– Значит, ты первый? Смелый? Или тебя на прорыв бросили, попробовать? Может, случайно выпил, перепутал с чем?

– Ага, случайно, конечно, с простоквашей перепутал, вы, доктор, тоже скажете. Чего делать-то мне?

– Короче, если там метиловый спирт есть, то дело серьезное. Сейчас берем на анализ кровь, там пусть следы метанола будут, три дня лежишь у нас, лечишься. Почки откажут – переведем в токсикологию. Ну и пока ответ придет, тоже лечишься для профилактики.

– А как лечиться-то?

– Ну тебя ждет много интересных процедур. 4 раза в день промывание желудка, ну а в награду – по соточке водяры каждый час. Это чтоб в крови постоянно был алкоголь, примерно 1,5 промилле, это так, типа слегка поддатый.

– Во! Так я и дома могу так лечиться, чего мне тут лежать? Давай расписку напишу. Тоже мне, лечение.

– Пиши, если ослепнуть не боишься. Дома-то водка есть? 150 сейчас налью, а там уж извини, с собой не дам.

– Да откуда дома водка?

Дурацкий вопрос, действительно – откуда?

– Сейчас куплю.

– Ты на часы посмотри, 2 часа ночи. Где ты сейчас купишь? А если купишь чего, так оно не лучше твоей незамерзайки.

– Так как, в магазин вон зайду, круглосуточный, продадут там. Вы ж мне рецепт выпишете?

– Конечно, сейчас выпишу, рецепт в гастроном. Вот только, извини, забыл, как бутылка по-латински.

* * *

Начмед возмущается:

– Почему у вас больной ухудшился по сознанию? Вчера по команде язык высовывал, а сегодня он меня послал, извините, на три букву?

– Не знаю, в истории болезни написано: «Динамика положительная. Сознание ясное».

Спецназ

Очередная победа демократов в борьбе за права человека: в стране закрыли вытрезвители. Ведь вытрезвитель – это своего рода незаконный арест, а права человека для нас дело святое. Казалось бы, все довольны, демократия торжествует. Но от этого пьяных на улицах меньше не стало, и встал вопрос: «А куда их девать?» Вот и отдали всех пьяных, подобранных на улице на попечение медицине, в заботливые и ласковые руки врачей. Тоже не выход, но другого ничего не придумали. Врачи, понятное дело, не довольны, но что самое странное, больше всего недовольны те, кто был постоянным посетителем вытрезвителей. В вытрезвителе хорошо, проспишься в тепле, на чистой кровати, а в больнице? Пролежишь ночь в каком-нибудь изоляторе на полу, в мокрой одежде, и это еще не самое страшное. Может произойти всякое.

На днях привезли одного из местных алкашей. Обычный гопник, лет 50, но по социальному статусу еще не бомж. Имеет адрес, прописку. Уснул в паре шагов от своего дома. В былые времена родная хмелеуборочная отвезла бы в любимый вытрезвитель. Или домой, если при себе есть паспорт. Пусть даже обобрав до нитки. Но теперь с этим произволом покончено. Вызывается «Скорая помощь». А у «Скорой помощи» инструкция жесткая: всех, кого подобрали на улице, отвозить в больницу.

Дотошный хирург осматривает алкаша. Мужик замерз, даже не мычит. Рожа расцарапана. А нет ли у него черепно-мозговой травмы? Из диагностических средств в больнице только неврологический молоточек и старый рентгеновский аппарат. Если травму пропустить, хирурга накажут. Строго. На помощь призывается из области дежурный нейрохирург. Тот тоже несильно молоточком владеет.

К этому времени анестезиологи почти разбудили товарища-алкоголика. Тот сказал, что зовут его Санек, пытался сформулировать свой адрес. Но хирурги решили не рисковать. А вдруг в голове гематома? Второй раз нейрохирургу ночью приезжать совсем не хотелось. И пошли они искать гематому методом наложения диагностических фрезевых отверстий в черепе. Как в каменном веке. Там, правда, показания к трепанации черепа были немного другие, тогда из головы изгоняли злых духов.

В итоге пробили в голове четыре дырки и увидели здоровые мозги, пусть и слегка опухшие от пьянки. Зато теперь все спокойны. Теперь все убедились, что внутричерепной гематомы нет.

Мужик проснулся. Пусть и дня на три позже, чем ожидал. Озирается по сторонам в незнакомой обстановке. Чисто вокруг, кафель. Это особо не удивило. К пробуждениям в новых местах он

привык. Удивила головная боль. Даже не сама боль, а несколько иной ее характер. Не такой, как привычный. На голове повязка. Судя по старым рубцам на черепе, такое, видно, тоже бывало. Но, ощупав свою больную голову, человек обнаружил какие-то дырки в костях. И тут он от удивления стал кричать. Начал буйствовать. Пять человек с трудом удержали его на кровати. К счастью, обошлось без серьезных дополнительных травм. Вывих плеча не в счет, его тут же вправили. Пришлось мужичку поспать еще пару дней. Теперь уже будили постепенно, держа наготове шприц с добрыми лекарствами.

Когда человек стал думать, откуда у него в голове дырки, ему пытались объяснить, что это теперь такой способ кодирования от пьянства. Каждая дырка – на год. Хотя в этом он засомневался, но доказывать неэффективность метода не решился. Сказал, бля, да лучше б я в трезвяке оказался. Посмотрим, поможет ли такой способ кодирования. Главное, чтоб супругу не обвинил в сговоре с врачами, а то еще ненароком прибьет любимую, после чего ей реально придется делать трепанацию черепа. Такие случаи бывали.

Когда же мужик окончательно пришел в себя, смирился с дырками в голове. Ходил по отделению, недовольно бурча себе под нос:

– Я же из спецназа. Профессиональный разведчик. Нас учили выживать в любой ситуации. Оставили бы в сугробе. Выжил бы.

И, на наше счастье, в то, что дырки в голове – это наша работа, и сделаны исключительно для диагностики, он так и не поверил:

– Да вы чё, мужики? Вам делать нечего, как кому-то дырки в черепе сверлить? Да это я сам, по пьянке на ветку в лесу напоролся.

Так и живет до сих пор, с уверенностью, что пробил себе череп, наткнувшись на сучок.

* * *

Две санитарки в буфете смотрят ТВ-3. Сериал «Нюхач». Одна, армянка:

– Умный, да! Ходит тут все, нюхает, все вынюхает.

Вторая:

– Ладно, хорош сидеть, пошли работать. Там на тринадцатой койке козел, чувствую, опять обосрался.

– Нэ может он. Вот только час как у него целый ведро выгребла. Это двенадцатый.

– Не, тринадцатый, точно. Я уже за два дня его по запаху чую.

Профессионалки.

Геворкян

Заходим вечером в операционную. Полумрак, лампы еще не включены. На столе лежит мужик, голый по пояс, но почему-то в черных брюках, типа советских тренировочных портков. Причем от пациента конкретно пованивает. Санитарка ворчит, какого черта с него не сняли штаны:

– Вот, доктор, смотри, стыда нет. Уже в своих вонючих портках сюда приезжают.

Беру со стола историю. Читаю. Паспортные данные, диагноз. Пациент, ну назовем его Геворкян, диагноз – «парапроктит». Один вопрос решен. Почему воняет – понятно. Но почему в штанах? Вроде такое место оперировать собрались, при котором штаны снять надо по-любому.

– Слушай, земляк, какого черта ты портки свои не снял. Скидывай.

Тут Геворкян поворачивается ко мне спиной, стучит себя ладошкой по заднице и кричит:

– На, смотри, я бэз штанов! Это нэ штаны!

На заднице огромная дыра, в которую выступают белые, лишенные волос ягодицы. И тут мы видим, что не в штанах он вовсе, а в волосах. Неудобно как-то становится. Быстро усыпляем пациента, есть надежда, что он наш разговор не вспомнит.

Клиент засыпает, а я, как экскурсовод в зоопарке, объясняю студентам:

– Обратите внимание, как интересно устроена задница у данных представителей семейства гоминид. Ягодицы у них лишены растительности. Как у макак.

Заходит хирург, тетенька. Делюсь наблюдением и с ней.

– Смотрите, как у товарища жопа оформлена. Весьма удобно.

Хирург:

– А это я побрила.

Твою мать. Превратила человека в макаку. Понятно, почему Геворкян такой злой был.

* * *

Коллега приходит с утра с красными, от бессонницы глазами. Наблюдательный начмед обращает внимание:

– Вы что, вчера пили? Или не спали ночью?

– Не спал…

– А что случилось?

– Так я же за городом живу, в деревне, все ко мне, по любым вопросам. Кому в драке череп проломят, у кого жена рожает. И никого не волнует, что ты не хирург, не акушер.

– А вчера у вас что случилось?

– А ничего. Соседи-гоблины, до полуночи в соседнем доме орали, только удалось заснуть – стучат в окно:

– Слышь, у тебя стерильная марля есть?

– А вам зачем? Повязку сделать? Бинт есть, сейчас принесу.

– Не, бинт нам не надо, нам марля нужна. Стерильная. Мы бражку поставили, а в ней крыса утонула. Процедить надо.

– А стерильная вам зачем, отжать?

Мыловаренный завод

Случай настолько фантастичен, что когда рассказывал о нем, большинство не верили в возможность подобного. Ну тут уж как хотите. 90-й год. По талонам всё. Но самый острейший дефицит – сигареты и мыло. Комбинат имени Карпова, ныне зовущийся «Аист», питерский мыловаренный завод на Лиговке. Воняет на всю округу. Раньше выпускал мыло, наше черное, хозяйственное, если попадал на вызов по «Скорой помощи» на этот завод, говорили, бери его сколько влезет. Кому оно нужно, цена копейки. И стиральный порошок был всюду, который, правда, ни хрена не отстирывал. Но в 90-м мыло потащили. На входе поставили охрану, устраивали обыски. Не пронесешь. Что делать? Как мне потом объяснили технологи с этого завода, при производстве порошка стирального у них использовался некий полуфабрикат, что-то типа жидкого мыла. И наш народ нашел выход. Два глотка этой жидкости перед проходной, быстро пролетаешь охрану, а если случайно проглотил, не страшно – на улице пальцы в рот и блевать в приготовленную посуду. Гениально. Жидкое мыло можно использовать. Но у одного носителя не сработал рвотный рефлекс. Видимо, давно уже был потерян. А жидкость на чистом спирту…

В результате прямо у проходной «несуна» вырубило. Лежит на асфальте, изо рта течет пена. Вызвали «Скорую». Я поначалу решил, что у человека припадок, судороги, но охрана рассказала, в чем дело – не первый случай. Растолкали, дали глоток воды. Изо рта вырвалась струя пены метра на 3, только успели отскочить. Огнетушитель-пеногон фирмы «Эклер». И так

несколько раз, после каждого глотка воды. Смотрю, вроде пена закончилась, решили зондом промыть желудок. Неизвестно, что там за состав. Засунули зонд, водички влили, из зонда струя пены снова бьет на несколько метров. Машина рядом стоит, водила был с юмором, а чего, говорит, добру пропадать, давай струю направляй на машину, хоть с мылом ее помоем. Швабру вытащил. Картина: лежит на земле мужик, изо рта торчит резиновый шланг, из шланга на машину бьет струя пены, а водила шваброй ее по машине размазывает. Охрана просто от смеха согнулась, я тоже, но дело делать надо. И так почти час, вода холодная, третье ведро, мужик от холода стал икать, с каждым иком снова пенная струя бьет. Сами замерзли, осень. Говорю клиенту, терпи, будешь знать, как мыло тащить с завода. А он в ответ:

– Ик, – струя, – я же не воровал, ик, – струя, – я же его выпил.

Логично, выпитое на производстве не считается украденным. Такой вот был случай. И это было очень смешно.

* * *

Короткий диалог в приемном отделении. Молодая девушка требует положить в больницу своего папашу, у которого нет ничего, кроме разбитой в очередной раз рожи. Спрашиваю:

– Зачем его в больницу?

– Да вы что? Он же сколько крови потерял!

– Сколько?

– До хуя!

– Не знаю я такой шкалы измерения кровопотери. Это примерно сколько в литрах или в процентах от ОЦК?

– Это до хуя!

– Не знаю, гемоглобин у него на данный момент нормальный.

– Ну так, а хули вы тут вообще чего знаете? Если человек бухал всю неделю, что, его теперь в больницу нельзя положить?

– Можно, только заметьте, про то, что бухал, вы сказали первая.

– Знаю я вас, была бы на его месте женщина, вы бы ее положили. Буду жаловаться.

Ну, к обвинениям в некомпетентности давно привык, а вот обвинений в сексизме в жалобах еще не было. Даже интересно. Идите, говорю, жалуйтесь.

Полет орла

Рассказываю приятелю историю. Как профессионального юриста его наверняка заинтересует случай, имеющий не только медицинские, но и юридические последствия. Началось так.

В очередной раз иду с утра на работу и по привычке смотрю на окна своего отделения. Давно задаю себе вопрос: откуда такая привычка и что ты там хочешь увидеть? Надеешься увидеть пожар, взрыв, наводнение? Как всегда, в окнах ничего интересного, но что странно, по стене больницы от четвертого этажа, от наших окон вниз, до самой отмостки тянется какой-то зелено-коричневый след, будто бы кто-то опрокинул с подоконника ведро с краской. Интересно, вроде ремонта в отделении никакого не предвиделось, да и цвет краски какой-то очень неэстетичный, глаз не радует. Подойдя ближе, понимаешь, что это не совсем краска, а больничная пища, совершившая пассаж через кишечник. В том, что изначально это пища больничная, сомневаться не приходится, тут я разбираюсь, запах у нее и так не очень, а прохождение через не здоровый кишечник органолептику не улучшает совсем. Это уже становится очень интересно, стены реанимации изнутри дерьмом заливали не раз, но так, чтобы снаружи, это впервые. Это от души. Поэтому на четвертый этаж забегаешь быстрее, чем обычно, торопишься узнать подробности. Как это сделано?

Оказалось все просто. Напротив окна седьмой день лежит человек, мужчина средних лет, с частым в наших краях сочетанием болезней: пневмония и белая горячка. Все радовались положительной динамике, к пятому дню он начал дышать самостоятельно, на шестой научился применять столовые приборы (миска и ложка), активно пользовался судном и уткой. Показалось, что все, расчет с белой горячкой завершен, и привязывать выздоравливающий организм больше не стали. Но на седьмой день организм пожелал справить большую нужду на свободе, на травке, приняв за газон верхушки деревьев под окнами. Стянув памперс до колен и приняв позу орла, вылетел в окошко. Очевидцы говорят, что, так сгруппировавшись, и летел вниз, как птица, при этом махал крыльями и делал все то, что частенько делает птица в полете. Кто паркует свой автомобиль под старыми деревьями, прекрасно осведомлен. Причем свою ошибку он понял сразу, и как рассказывал потом:

– Я лечу, а земли все нет. В результате от страха кишечник заработал еще быстрей, заливая струей всю стену. Хорошо, начались дожди, и вечером инсталляцию со стены смыло, иначе все выглядело как-то не очень красиво. Какая бы ни была больничка, но чтоб еще и стены были измазаны дерьмом, это перебор.

Какие последствия случились от падения? Обе голени товарищ сломал и теперь лежит в гипсе, до окошка доползти не сможет. Это плюс. Когда белочка окончательно отступит, травматологи обещали прооперировать. Тоже плюс. Минус: маманя пациента разослала жалобы во все органы, угрожая, что уж она-то доведет дело до суда. За то, что не уберегли ее орленка, довели до того, что пришлось прыгать в окошко, что по нашей вине ноги переломал. Сомневаемся, что у нее выгорит, но всевозможные проверки уже достали.

* * *

Обсуждаем с пожилым невропатологом вопрос: – Как можно проверить чувствительность у слепого парализованного пациента. Доктор излагает способы.

– Что-то, – говорю, – ваши способы напоминают отдельные факты из биографии Сергея Лазо.

– Согласен, коллега, согласен. На ранних этапах, подчеркиваю, на *ранних* этапах, пребывания в паровозной топке.

Коля

Завис под Новый год у меня в отделении один пациент. Уже два месяца лежит, и каждый день ломаю голову, не знаю, что с ним делать. Местный алкаш, которому еще в День народного единства и согласия проломили череп. До утра пролежал в луже напротив магазина, на своем обычном месте. К этому все привыкли, что каждый день он лежит у магазина. Утром, по идее, должен был бы встать, но не смог. Только тогда продавщица вызвала «Скорую». Известно о нем только то, что зовут его Коля. Документов нет. Кажется, весь поселок его почти каждый день видит, каждый день он на площади валяется, а вот как его фамилия, где живет, на что – ни один человек не знает.

Оказалось, что у Коли внутричерепная гематома. Сделали трепанацию черепа. Только вот поздновато уже. Парализован Коля. Из всех движений, доступных человеку, Коля может только открыть-закрыть глаза и поднять вверх правую руку. Но по глазам видно, что все слышит и понимает. Большего мы добиться не смогли. Это для него пик формы. Хорошо, что хоть самостоятельно дышит. Через трахеостому.

В богадельню его не сдать по простой причине: документов нет. Да и жалко. Там ему быстрый уход на тот свет обеспечат. А

мы к нему уже привыкли. Почти как родной. Никто Колей не интересуется. Попытался местных депутатов привлечь к участию в его судьбе, но выборы прошли, когда Коля еще балансировал на грани жизни и смерти, а сейчас и пытаться бесполезно. Правда, перед Новым годом зашел представитель местного депутатского корпуса. С праздником поздравил. Пожелал, выразил, пообещал. Пакет апельсинов зачем-то принес. Я попытался с ним поговорить о Коле. Убедить его в том, что это идеальная электоральная единица. На то, что ему не нравится, он по команде глаза прикроет, а надо выразить согласие – правую руку поднимет, проголосует. Кажется, что еще депутату нужно. Но единоросс шутки не понял, хотя какие тут шутки. Пообещал помочь и скрылся.

Перед праздником вижу: Коля на маленькую новогоднюю елочку смотрит, на столе у медсестры. Говорю ему, Новый год, Коля, а мы как-то не очень весело его с тобой его встречаем. Давай по сто пятьдесят? Коля заморгал. А я серьезно говорю, не шучу, если хочешь, давай с тобой в честь праздника. Тебе не повредит, если в меру. Коля поднял вверх правую руку. Согласен. Разбавил спирта, налил ему граммов 100–150 в пакет для зондового питания. Коля смотрит на меня удивленными глазами. Не пьешь в одиночку? Ну давай, говорю, и я с тобой за компанию. Чисто символически. Я на работе. Плеснул себе чуть-чуть на донышко стакана, чокнулся с пластиковым пакетом. Давай, Коля. Выпил молча. Так и не придумал за что. За здоровье, за счастье, за удачу? Что можно пожелать Коле, когда он лежит парализованный, без всякой надежды хоть немного начать шевелиться.

Показалось, что зондовое питание со спиртом быстрее обычного влилось Коле в желудок. Всосалось. Странно. Глотать он не умеет. Ну что, говорю, Коля, повторим? Коля отказался. Часто-часто заморгал глазами. По щеке текла слеза из правого глаза.

Приходилось мне пить от тоски. Одному пить и на пару с собакой. Мой старый пес любил армянский коньяк, но такой случай был в первый раз. Пообщались. Зато теперь Коля, как меня видит, сразу руку вверх тянет. Приветствует. Говорят, что даже ждет, когда я приду. Друг.

* * *

Прошу как-то невропатолога оставить запись в истории болезни. Бабушка в глубоком маразме, никакого инсульта у нее

нет, но формальная запись специалиста об этом нужна.

– Нет проблем, – говорит невропатолог и подходит к бабушке.

– Здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

Бабка в ответ коротко:

– Пошел бы ты на х…!

– А, ну хорошо, поправляйтесь, – говорит доктор и идет в ординаторскую.

В истории оставлена запись на двух страницах с подробнейшим описанием неврологического статуса бабули и её полным диагнозом. Профессионал. А мог бы написать три слова: отказ от осмотра.

Пришествие психиатра

Наконец-то в нашей родной сельской богадельне появился свой собственный прирученный психиатр. Его появления все ждали очень давно, надеясь, что он сильно облегчит нашу жизнь. Избавит от трудностей перевода наших безумцев в психбольницу. Дураков у нас, слава богу, в избытке. А вот для того, чтобы отправить кого ни будь из них в дурдом, приходилось упрашивать «Скорую» отвезти его на консультацию в город, показать врачу в диспансере. При этом уговорить по телефону районного психиатра, чтобы тот принял без очереди. А вот если в диспансере его признают психом, то везти его почти на другой конец области в поселок под названием Дружноселье, в котором главным градообразующим предприятием является сумасшедший дом, областная психбольница под номером один. После этого остается молиться, чтобы его из Дружноселья не завернули обратно. При этом, если псих проявляет агрессию, приходилось еще договариваться с милицией, чтобы они выделили сопровождающего. Допустим, больной с белой горячкой – наш профиль, а если попадался настоящий сумасшедший, то просто беда. Ставка психиатра была всегда, даже полторы, но реального человека заманить на работу никак не удавалось. Изредка появлялись совместители, да и то они приходили только в стационар, один-два раза в неделю. Обычно к этому времени уже все случалось, либо безумец совершал прыжок в окошко, либо черти переставали донимать и огонь в душе затихал. О появлении нового доктора сотрудникам не сообщалось, врачу перед официальным представлением коллективу дали пару дней на обустройство. Выделили кабинет в поликлинике на втором этаже. Психиатр оказался щупленькой невзрачной девушкой, лет 25–27, видимо, сразу после интернатуры. Вид доктора несколько

разочаровал, для работы с нашей публикой хотелось бы видеть матерого бойца, волкодава, но, как говорится, на бесптичье и жопа – соловей. Врачи узнали о ее появлении только к обеду, да и то неофициальным путем. Но в первый ее рабочий день в 9.20 на прием уже явился посетитель. Здоровенный амбал, лет тридцати, в самом рассвете своих физических и психических сил. Товарищ был давно известен в районе своей одержимостью, своей сверхценной идеей: прооперировать какого-нибудь хирурга. Чем его обидели хирурги, не знал никто, и какую операцию он собирается сделать тоже. Непонятливым он при этом внятно объяснял, что показания к операции возникнут сразу же после ее начала, а в процессе будут определяться объем операции и дальнейшая тактика лечения. Нас, как анестезиологов, его идеи не касались. Тема анестезии при операции его не заботила. Привели больного две крошечные женщины, мама и сестра, видимо, обманом. В психдиспансер идти он добровольно не хотел, хирургов там нет, а тут в поликлинике шанс встретить хирурга был, на что он и купился. Осмотр длился минут пять. Тут все понятно, параноидальная шизофрения налицо, больной опасен, ну, по крайней мере, для хирургов. В 9.25 ему было выписано направление в сумасшедший дом. Вызвана «Скорая» и наряд милиции. Пока ехали полисмены, «Скорая» под предлогом срочного вызова к тяжелобольному потихоньку слилась. Везти такого амбала им не хотелось даже в наручниках и в сопровождении милиции. И исчезла с концами, благо район большой, а больных много. Милиция из райотдела приехала часа через два. Посмотрев на сопровождаемую персону, они заявили, что тут нужен усиленный наряд как минимум из райцентра, а лучше ОМОН, а у них другой профиль, и тоже потихоньку слиняли. Пришлось вызывать и ждать конвоиров из райцентра. Те примчались часа через полтора-два, сразу завалившись в стационар, в реанимацию, полагая, что самые буйные находятся там. Но в тот момент там был только один пациент с белой горячкой по фамилии Букка. Он был связан и уже спокоен. Его подобрали накануне на озере с удочкой в руке, где он разрезал себе щеки и доставал из них воображаемых опарышей, которых насаживал на крючок. Так бы и сидел, закинув в озеро удочку, но какого-то прохожего дернуло поинтересоваться, чего не клюет. А когда прохожий увидел, какую наживку использует рыбак, вызвал «Скорую». Сознание у товарища уже начинало потихоньку проясняться, и он пытался понять, что с ним произошло и почему лицом он стал похож на морду исцарапанного хомяка. Никакой помощи силовых структур нам не требовалось. Забавно, что фамилия больного стала как нельзя лучше подходить к его

внешнему виду. Bucca по-латыни – щека.

Решив, что произошло какое-то недоразумение, полиция умчалась к себе на базу.

Шизофреник времени зря не терял, а занимался поисками своего будущего пациента. Постояв перед закрытым кабинетом с табличкой «ХИРУРГ» (у того прием был в вечер), он пошел по поликлинике. Встречая человека в белом халате, тряс его за плечи, спрашивая, не хирург ли он. Получив отрицательный ответ, к счастью, не занимался проверками и отпускал. Причем тряс настолько энергично, что даже настоящий хирург, только пришедший на работу и еще не знавший ситуации, предпочел, как апостол Петр, не ждать третьих петухов, отречься от своей профессии и, не заходя в кабинет, скрылся по пожарной лестнице. Почти весь персонал в поликлинике – женщины, и все посчитали, что лучше из кабинетов не выходить. Все заперлись изнутри и боялись высунуться в коридор. Возмущенные больные, постояв перед закрытыми дверями кабинетов, пошли жаловаться главврачу, но там уже были в курсе, поскольку псих уже добрался до приемной и тряс секретаршу, в надежде что она все-таки хирург. Только вмешательство главного врача позволило разрулить ситуацию. Заставили приехать «Скорую», снова был вызван усиленный наряд полиции из райцентра, и только ближе к вечеру наконец несчастный поехал лечиться. Когда часам к пяти все улеглось, в служебный туалет стояла очередь из женщин, просидевших весь день в кабинетах. Врачи-мужчины были в лучшем положении, во время отсидки по кабинетам пользуясь раковинами. В общем, работа поликлиники была парализована на весь день.

После этого случая появились сомнения, долго ли проработает новый доктор. Сама уйдет или предложат для предотвращения будущих инцидентов.

Однако прошел месяц, психиатр работает. Больше серьезных происшествий не было, а к крикам на втором этаже у ее кабинета народ привык. Часто слышен даже в вестибюле вой, типа «у-у-у-у-у-о-о-о, на хуй пошоооооол!». Ничего страшного, селян этим не испугаешь.

Вдруг статистика замечает, что поток больных уменьшился. Не критично, но тенденция явная. Как ни странно, наибольший ущерб понес уролог. К концу месяца он не выполнил план по приему. Главный врач забила тревогу. Проблема налицо, ее надо решать. Решать быстро и эффективно. Сразу был издан приказ:

п.1. Все мужчины, старше 30 лет при первичном обращении направляются к урологу.

п.2. Без осмотра уролога не сметь выписывать больничных листов, справок и прочих документов.

Остальные пункты содержали угрозы в адрес врачей, нарушивших первые два.

Приказ есть, надо выполнять, пусть даже творчески. Так, например, приходит мужик лет 30–35 выписать очки, а ему говорят: «Ты сходи сначала к урологу, там тебе пальцем в жопу залезут, а потом придешь за рецептом». А если не догоняешь, объясняем, что, может быть, у тебя спазм аккомодации, а функциональные нарушения от этого дела сразу пройдут, и на мир ты просто другими глазами посмотришь. Уролог ради общего дела тоже пообещал постараться не формально подойти к осмотру, а с искринкой, вложив душу. Связь с патологией ЛОР-органов просто не требует объяснений, улучшение слуха, голоса после такой процедуры ни у кого не вызывает сомнений. Терапевты приуныли, даже хотели на дверях повесить таблички «Прием врача только через жопу», но постепенно втянулись, привыкли, тоже нашли способы объяснить больным, зачем им это надо. Один глупый человек сразу не понял, почему ему не хотят закрыть больничный, стал спорить в приемной главврача, даже увлекшись, выбил ногой дверь, но дело замяли, чем не пожертвуешь ради плана, подумаешь – дверь.

* * *

Приходит на наше отделение очередная жалоба, написанная на имя президента. Спущена вниз из комитета по здравоохранению, с требованием разобраться и принять меры. Ситуация простая: умер безнадежный онкологический больной. Рак IV стадии. Жена, естественно, обвиняет нас в его смерти. В своем труде описывает весь жизненный путь покойного, начиная с рождения. Каким прекрасным человеком он был, сколько сделал хорошего людям. Описание начинается с рождения, трудное детство в крестьянской семье, начало войны. Вероломное нападение Гитлера на нашу Родину. Фронт, плен, лагерь. Нелегкие послевоенные годы. В общем, не простая жизнь, и мы виноваты в том, что ее погубили окончательно.

Начмед требует написать объяснительные всем врачам, кто упомянут в жалобе.

– Извините, но там перед нами стоят имена Гитлера, Сталина. Они как бы тоже виноваты в его трудной жизни. Возьмите объяснительные сначала у них. А потом и мы напишем.

Рассматривается очередная жалоба на нашу клинику. Даже не жалоба, а вполне серьезное заявление в прокуратуру. Заявительница – женщина лет шестидесяти. Утверждает, что она поступила в больницу с подозрением на инфаркт (это правда), а в больнице была изнасилована лечащим врачом в противоестественной форме (это не совсем правда).

Ситуация была следующая. При поступлении у больной при обследовании обнаружен низкий гемоглобин. Мышление врачей стереотипное, первым делом при анемии необходимо исключить кровотечение и если повезет – найти его источник. Чаще источником кровотечения является желудочно-кишечный тракт. Первым делом проверяется, нет ли крови в каловых массах. Если данные массы больной для осмотра не предоставляет сам, их извлекают из прямой кишки пальцем. Дежурный доктор не вполне ясно объясняет больной, зачем нужно засунуть ей палец в задницу. Надо сказать, что в этот день дежурил врач, страдающий ожирением. Свой живот он носил перед собой в специально сконструированном гамачке. Пояс на штанах, чья ширина превосходила длину раза в два, был украшен двумя колокольчиками, звенящими при движении. Правда, злые языки утверждают, что это не совсем колокольчики, а остатки звенящих яиц. Свои руки он с трудом мог соединить спереди. Мешал живот. Даже медленно ходил со страшной одышкой. И вот он, положив больную на бок, спиной к себе, упирается своим животом больной в ягодицы. Как было описано в заявлении, больная ощутила, что нечто внедряется в нее, доктор при этом глубоко и часто дышит, его живот колышется и стучит по голой заднице, издавая шлепающие звуки. Тут понять больную можно. Что конкретно доктор достал из-под своего живота и засунул ей в задний проход, она не поняла. Даже наблюдавшим со стороны сразу было сложно определить, а что же на самом деле доктор вытащил из-под своего живота и ввел пациентке в прямую кишку. А лежа к доктору спиной – тем более. К тому же пальцы врача были размером с сардельки.

Наконец, прокурорская проверка закончилась. Не известно, дошло ли дело до следственного эксперимента, но врача оправдали, посоветовав больше такого не делать. В случае необходимости ректального исследования, все-таки звать более подходящего специалиста.

* * *

Долго катался на машине по бывшему военному городку, спрашивая у жителей, где находится местное кладбище. Опаздывал на похороны друга. Городок недавно стал обычным гражданским поселком, после того как расформировали воинскую часть. Стали строить жилые дома, и основная масса жителей поселилась в них недавно. Никто не может ответить, где их кладбище, еще не пользовались ритуальными услугами. На беду жителей, они теперь приписаны к нашей больнице. Когда очередной абориген ответил, что не знает и не шел бы я ко всем чертям, не выдержал и пообещал, что ничего, скоро вы все очень хорошо узнаете, где ваше кладбище, скоро хорошо запомните туда дорогу.

Генерал

Попадает как-то под вечер в больницу настоящий генерал-майор. Цирроз печени. Даже на плечах были сосудистые звезды, правда, больше похожие на маршальские. После очередного запоя началось желудочное кровотечение. Почему к нам, в районную богадельню, а не в госпиталь или в Военно-медицинскую академию? Просто «Скорой помощи» до госпиталя было его не довезти и поэтому забросили в ближайшую больницу. Надо сказать, что сразу проявил себя редкостным контрацептивом. В течение получаса умудрился оскорбить всех. Кричал, пока на то были силы, что он генерал, а все мы – дерьмо собачье. И срочно переводите его в академию, с этим быдлом он рядом лежать не будет. Был бы он здоров и не был бы пациентом, возможно, и не удержался бы от желания набить ему морду. Извиняло только одно, возможно, что от печеночной недостаточности поехали мозги.

В тот вечер дежурил классный врач-эндоскопист. Ему удалось кровотечение остановить, появился шанс обойтись без операции. Перелили литра три крови, стабилизировали давление. Только собрались перевезти в военный госпиталь, как генерал провалился в печеночную кому. В таком состоянии переводить уже не имело смысла, шансов выкарабкаться из комы обычно мало. Уходя с работы, предупредил своих:

– Начнет умирать, без героизма, родственники в курсе, что возможен исход. В общем, был уверен, что на утро его в живых не застану. Но на следующий день вижу его не только живым, но и в рассудке, жестко привязанным к кровати. Лежал в памперсе, на который наши шутники нашили красные лампасы. Говорят, что, придя в сознание, он первым делом снова вспомнил, что он

генерал, и решил построить дежурный персонал. Ошибка. Забыл, что он в гражданской больнице и никого тут генеральским криком не испугаешь. Никто так и не признался, даже мне, какую воспитательную работу ночью с ним проводили, зубы напильником ему никто не пилил, не гасил сигареты о желтоватую кожу. Посмотрел: ногти на месте, но увидев меня, генерал вытянулся в кровати и нервным звонким голосом молодого лейтенанта произнес:

– Товарищ начальник отделения! Разрешите обратиться!

Я разрешил.

– Прошу выдать мне лист бумаги и авторучку. Я хочу написать расписку и выписаться домой. Благодарю за оказанную помощь. Претензий к персоналу у меня нет.

* * *

Позвонила знакомая из городской больницы решила развеселить. Рассказывает, как к ним обратился узбек, из любопытства засунувший голову под асфальтовый каток. Зачем? Сказал, что ему «надо било смотреть». Голова осталась цела, голову вмяло в незастывший асфальт, но лицо, и так не отличавшееся острыми чертами, катком раскатало как блин.

– Ну и что же вы с ним сделали? – спросил я.

– Да послали, кто его будет лечить, без страхового полиса, без денег. Для жизни опасностей нет.

– Молодцы, – говорю, – только теперь он лежит у меня, совершенно бесплатно лечится.

Облахуй Моблахуевич

На операционном столе лежит больной. Молодой джигит. Беру историю болезни, читаю. На истории красивым детским почерком выведены паспортные данные: Фамилия, имя, отчество… Что? Облахуй Моблахуевич. Возраст указан. Республика Таджикистан. Начинаю контакт. Спрашиваю:

– Ты Облахуй?

– Нэт, – с негодованием отвечает джигит, – я не облахуй.

– Так как же тебя зовут?

Отвечает:

– Меня зовут Облахуй.

Я в удивлении:

– Так тут же так и написано – ОБЛАХУЙ.

– Но я же нэ облахуй, – уже почти кричит джигит, – я – ОБ-ЛА-ХУЙ.

Начинает надоедать. Говорю:

– Если писать умеешь, на тебе бумажку, напиши по буквам.

Берет авторучку, выводит печатными буквами: ОБЛАХУЙ.

– Ну тут же так и написано: Облахуй.

– Нэт, я нэ облахуй, это совсэм нэ то значыт, это Облахуй.

Короче, надоел. Контакт закончился. Обошлись без премедикации. Сразу резкий глубокий сон. Просыпаться отправил в палату.

* * *

У одного родственника появилась необходимость лечь в больницу на плановую операцию. Операция непростая, и подготовиться надо заранее. Все равно родня будет требовать принять участие. Решил, что надо сходить на разведку, поговорить с оставшимися в этой больнице знакомыми, расспросить, что там и как. И стоит ли вообще туда ложиться. Договорился о встрече со знакомым заведующим реанимацией, поднимаюсь, стою в коридоре рядом с оперблоком, жду. Из операционной выходит доктор средних лет с азиатской внешностью, достает смартфон и спрашивает:

– О'кей, Гугл, как делат наркоз когда язва?

Видно Гугл не понимает акцента и выдает кучу ненужной информации. Технически продвинутый азиат долго листает странички. Заведующего я ждать не стал.

Плановая операция

Вторая половина января. Травматолог приносит заявку на плановые операции. Первым в списке парень 25 лет. Диагноз «перелом костей обеих голеней, один из них открытый. Перелом бедра. Перелом плеча. Планируется металлоостеосинтез». Где ж тебя так, бедолагу, всего переломало?

Доктор высказывает скромное пожелание: нельзя ли все кости собрать за один раз. Это своего рода игра. Мы оба знаем, что с такой просьбой я его пошлю подальше. Весь этот процесс займет часов десять. Под наркозом-то я его продержу, но зачем рисковать. Но послать коллегу в жопу тоже надо аргументированно.

Пошел, взял историю. Изучаю. Итак. 25 лет. Сержант

полиции. Хорошо, не гопник. Поступил в новогоднюю ночь. Доставлен «Скорой помощью». Диагноз при поступлении. Странно, такая травма и без шока, повезло. В реанимации не был. Скорее всего, не было мест. Алкоголь? Вроде нет. Вот анализ крови. 0,1 промилле. Бокал шампанского, бедняга не допил. История в полном порядке. Все анализы, группа крови, эпикриз. Придраться не к чему. Направление «Скорой помощи». Диагноз. Обстоятельства травмы. Читаю: три раза упал с четвертого этажа. Подпись врача. Знакомая фамилия. Вместе работали. Интересно.

Пошел в палату. Парень развешен на **шинах Беллера.** Поговорили. Вроде нормальный, по жизни ничем не болел. На вопрос, а как ты получил такую травму, отвернулся к стене, молчит. Без комментариев.

Любопытство к смертным грехам не относится, поэтому позвонил в «Скорую» знакомому доктору. Вот его рассказ:

– Ты понимаешь, этому умнику в Новый год присралось окна вымыть. Лета не хватило. Жена, говорит, с мая гундосила, вымой да вымой. Так нашел время. Нет, трезвый был. Ни царапины на нем не было. Жена говорит, что поскользнулся и с 4-го этажа упал. Я ему предложил, давай до больницы прокатимся, рентген сделаем, вдруг позвоночник сломан. Нет, говорит, не поеду. Я ему – расписку тогда напиши. Не буду, говорит. Ни хера у меня не сломано. Смотри. И тут разбегается по комнате и сегают в открытое окно. Я подошел, он внизу стоит и кричит мне:

– Ну что, сейчас убедился, что ничего со мной не случилось. Я в ВДВ служил. 50 прыжков. Ну и черт с тобой, думаю. Спускаюсь по лестнице, он навстречу. Говорит, сейчас я вам еще одну фишку покажу. Я уже в машину сажусь, слышу крик сверху. Смотрю – снова летит. Боком на асфальте. Хорошо, хоть с этажа спускать не надо на носилках. Погрузили в машину – вот и все.

Действительно все. И чего, думаю, у меня такой интерес вызвало.

* * *

Беседуешь с очередным интересным человеком:

– Слушайте, ну вы мне объясните. Каждый день вы выпиваете две бутылки водки. Так? Жена говорит, что уже несколько лет. При этом ходите на работу, неплохо зарабатываете, на водку хватает. Скажите, где такую работу можно найти, чтобы можно спокойно литр водки в день выпивать и чтобы тебя с работы не выгнали? Я со вчерашним выхлопом приду, у меня будут проблемы. А вы кем работаете?

– Тоже, сравнил. Я – плотник! Мастер! Пятый разряд.

– Здорово. А гробик-то себе уже сколотили? Если не завяжете с алкоголем, скоро пригодится.

– Два!

– Зачем два?

– Ну ты даешь, доктор, а откуда мне знать, когда я помру? Зимой, летом? А как какое у меня настроение будет? Да и смотря кто на похороны придет. Ты не понимаешь.

– Куда нам…

Африканский целитель

Как-то раз у меня появился новый врач-интерн. Африканец, родом из какой-то Гвинеи. Парень женат на местной. Маленький такой подвижный добродушный черт. Очень черного цвета. Кажется, не из людоедов. По-русски говорит сносно. Постоянно приглашает в гости к себе на родину. Говорит, что дорога – дорого, но возьми с собой 200 баксов, и ты месяц будешь Ротшильдом. Их деревня бедная, но гостям всегда рады. Я пока воздерживаюсь, пусть они и добродушные, но еще повесят твою голову на ворота как украшение. Просит дать ему работу. Но наша публика не очень сложная, могут и неправильно отреагировать на чернокожего доктора. На днях было много писанины, и дал ему, не глядя, две истории болезни. Иди, запиши утренний осмотр. Чего не понятно – спроси. Чертенок довольный побежал в палату. Я понял ошибку, рванул за ним, но не успел… Оказалось, что, не глядя, я дал ему истории двух алкашей, только что вышедших из психоза. В палате наблюдаю картину: один, укрывшись с головой одеялом, лежит в кровати. Доктор сухой черненькой ручкой тормошит его, пытаясь начать диалог:

– Вассилли Йивановичев!

Второй на соседней койке смотрел на это круглыми от ужаса глазами и бормотал:

– Все, все, все, больше ни капли.

Проверю. Если поможет – надо внедрять.

* * *

– Бабуля, ну сколько можно? Ты который раз к нам поступаешь?

– Сынок! Я как выпишусь, обещаю, больше ни разу, никогда к вам не приеду. Только сейчас помогите.

– Бабуль, ты выпишись сначала, а потом обещай.

Бабушка – потеряшка

Под утро, отогревшись за ночь, пришла в себя бабушка, найденная в декабре на неубранном картофельном поле. Высунула голову из-под одеяла, открыла безумные глаза. Надо налаживать контакт.

– Ты кто, бабуля?

– Я? Я – домашняя!

– Ну а раз домашняя, у тебя должно быть имя. Как вас зовут?

– Изольда.

– Просто Изольда?

– Нет, не просто Изольда. Изольда-Мария.

Черт знает, в нашей местности каких только имен не встретишь, намешано всяких кровей. Никого не удивит, если у человек написано в паспорте «Гога Матросович», или кто-то представится Богиней, с необычным отчеством: Конфетовна. Кстати, Конфетовичей встречалось около десятка, всякие Давиды, Ярославны и Арнольды. Их папа, Конфета или Конфет, черт их разберет, никогда сам в больницу не попадал. Это понятно, Конфете некогда болеть, он размножается.

– Бабуля, а ты откуда?

– Я из Раппало.

– Это чего, в Италии что ли?

– В Италии, бля, в Италии.

– Знаешь, бабушка, полежи-ка ты еще, вспоминай, где живешь. Вспомнишь – отпустим.

Собираюсь уходить, беседа утомляет. Бабушка в крик:

– Ты куда? Серега! А воды ты не принесешь, баню пора топить. Я спасибо скажу.

За ширмой, разбуженный делирик, действительно носивший имя Серега, конкретно формулирует отказ:

– Пошла ты на х…, манда старая, дай спать!

– Это ты, Серега?

– Ну я.

– Так принеси воды.

– Пошла на х…

Ладно, пусть беседуют. Тут я лишний, я не Серега. Беру бабкину историю. Неизвестная, на вид – 70. Доставлена «Скорой помощью», направление, запись терапевта. Скупо. Вклеен маленький листок, переписаны бабкины вещи. Одежда, сумка, документов нет, деньги: более чем приличная сумма в евро,

несколько тысяч, сотня долларов США, 48 тысяч рублей… Да… Напрасно Серега воды не принес, бабка реально могла бы сказать спасибо. Черт, а вдруг она действительно из Италии, эта Изольда-Мария? Может быть, потянуло на родину, в баньку? Чего не бывает, может, и правда, гражданка Евросоюза. Тут не нарваться бы на скандал, пока старушка безумствовала, на свободу рвалась, ее связали крепко, следы от веревок наверняка останутся. Найдутся правозащитники, поборники европейских ценностей, борцы за права человека. А у нас главный закон во всех реанимационных отделениях страны – как только человек начинает вспоминать о своих правах, его надо связывать. Пусть это даже право сходить в туалет, право на свободу мочеиспускания, в унитаз, а не с помощью мочевого катетера. Это не чухонцы, которые тут частенько приезжают к своей родне. И к нам их попадает много. С ними проще, они привыкли. А помнится, из-за одного пьяного гражданина Германии по имени Арон, проблемы были. Жаловался, что на руках остались следы наручников. Но, к счастью, сохранилась видеозапись, как он в своем безумии бегал за дежурным врачом в приемном отделении, пытаясь достать штативом от капельницы. Надо бы выяснить бабкино гражданство.

Бабка, получив от Сереги отказ топить баню, замолчала. Хорошо, в больнице есть база данных страховых компаний. Попробуем на удачу, по имени, имя довольно редкое. Слава богу, нашел. Есть такая, только на счет Италии бабанька погорячилась, живет она у нас, в Рапполово. Вот откуда только у нее с собой столько денег? Ну это меня не касается, главное – бабушка наша, главное – страховой полис есть. Страховая компания госпитализацию оплатит. Начмед будет спокоен.

Мои гастарбайтеры

> Удивительно, как восточные люди даже писать умудряются с акцентом. Вместо стандартно-протокольного описания обстоятельства травмы: «Избит неизвестными», пишет в истории болезни: «Вчера били его».

Тонкая грань отделяет человека от безумия. Вчера мне показалось, что я эту грань уже переступил.

Кадровый голод. Как всякая уважающая себя контора используем труд гастарбайтеров. Взяли на работу одного гражданина Узбекистана. Так и не запомнил его имени. Человек с

интересной биографией. Родом из Ферганы, учился в Ташкенте. Служил еще в советской армии. Последнее место работы в каком-то отдаленном поселке оленеводов в республике Саха. Документы в порядке, диплом, разрешение на работу. Кроме основной специальности – хирург, имеет еще сертификат анестезиолога и терапевта. Универсал. Узбек-оленевод. Плохо говорит по-русски, но водку пить с ним никто не собирался.

С утра решается один из основных вопросов: кто идет в операционную? Обычно, решение принимается с помощью монетки, желающих торчать весь день в оперблоке мало. Но узбек вызвался сам:

– Я работал много, я умей наркос давать, я могу ити.

Думаю, хер с тобой, не я тебя брал на работу, не мне отвечать. Пока он чего-то творил в операционной под присмотром анастезистки, я сидел в оперблоке, пил чай с сестрами. Но вроде узбек с индукцией наркоза справился, больной заснул, и я ушел к себе. Операция шла пять часов, кишечная непроходимость, резекция тонкой кишки. Привозит спящего больного в реанимацию, отдает мне. Мужик дремлет, пока еще на искусственной вентиляции легких. Ставлю на аппарате параметры, частота, поддержка, смотрю – объем выдоха нормальный. Больной начинает просыпаться, перевожу в спонтанный режим, на самостоятельное дыхание. Вдруг мужик открывает глаза и говорит:

– Слушайте, мне трубка мешает, пожалуйста, уберите.

Голос глуховат, но слова произносит четко. Увидев говорящего, ну, например, кота, я бы удивился меньше. Говорящих котов я в прошлом видал, эко диво, но накануне я не пил. Выхожу из палаты и в коридоре встречаю одного из врачей. Он задержался после дежурства по причине наличия на отделении гостя по имени Джонни Уокер.

– Слушай, там человек на трубе, на ИВЛ, разговаривает. Посмотри, может, чего со мной.

Доктор смотрит на меня с сочувствием, типа закусывать надо, но со мной идет. Убеждается, что больной на ИВЛ и действительно разговаривает. Трубка № 9. Манжетка надута, видно. Доктор произносит слово «охуеть» и бежит в ординаторскую допивать виски. Спрашиваю у мужика, мешает ли трубка? Да, говорит, мешает. Вытаскиваю.

Как мужик выжил, умудрился не аспирировать все свое дерьмо при наличии кишечного зонда Эбота, я не понял. Конец трубки был в ротовой полости, а манжета раздута так, что стала размером с кулак и затампонировала мужику всю глотку. Почему она не лопнула – не понятно. Спасло чудо. Очень эластичная

манжета у трубок китайской фирмы «Суюн». Подходящее название для фирмы, производящей трубки, зонды, катетеры и прочие предметы, что засовываются внутрь организмов. Кричу, где этот мудак?

Прибегает узбек. Смотрит на извлеченную трубку. Оправдывается:

– Я кишка нос соваль, из нос тек каль. Каль тек, я чистиль, чистиль, трубка выпаль, я ставиль трубка на место.

– Молодец, хорошо, а теперь ты идешь на хуй и можешь жаловаться, работать здесь ты больше не будешь. И не надо меня обвинять в нелюбви к узбекам.

* * *

На операционном столе товарищ из Средней Азии. Налаживаем вербальный контакт:

– По-русски говорим?

– Русский, да, говорим.

– Что болит?

– Болит… (показывает на низ живота, в область аппендикса).

Черт, живот весь в следах от чесотки.

– Какая п…а его сюда притащила!? Почему в приемном не обработали? Сам-то ты давно чешешься?

Молчит, похоже не понимает.

– Где чешешься?

– Болит… Показывает на низ живота.

– Ну там болит, а слово «чесаться» ты понимаешь? Вот так ты делаешь?

Вместе с хирургом изображаем процесс чесания. Хирург скачет вокруг стола, задрав футболку, скребет двумя руками свой волосатый животик. Напоминает маленького Кинг-Конга.

– Так делаю…

Пока ждем из приемного специалиста по обработке чесоточных больных, коротаем время за беседой.

– Ты давно в России-то?

– Давно живу.

– Чего говорить не научился?

– Я говорить научился.

– А где успел побывать? На что посмотрел? Куда вас на экскурсии возят?

– Много где был.

– И Эрмитаж, наверное, уже посетил, да? Даже завидую тем, кто в первый раз.

Беседу прерывает появление санитарки с флаконом бензилбензоата. Жаль. Так и не узнаем о программе посещения культурной столицы.

Брат милосердия

Работал у меня медицинским братом один джигит. С каких горных вершин он спустился, я так и не узнал, как не запомнил его национальность. Говорят, что весь его народ живет только в одной деревне. Говорил брат с сильным акцентом, писать умудрялся тоже. Как и на каком языке думал – не знаю. Зато исполнителен был до идиотизма.

Молодой мужик, моложе полтинника, заболел первый раз в жизни. И сразу заболел по-взрослому: инфаркт. Два раза подряд – клиническая смерть. Реанимация. Больной в коме, на ИВЛ, адреналин льется в вену едва ли не струйно. Шансы выжить у человека минимальны, но очень не хочется, чтобы он умер при тебе. Желание одно – передать живым следующей смене. Кстати, такое желание врачей дотянуть больного хотя бы до утра спасло не одну сотню жизней.

Показалось, что часам к трем ночи больной чуть-чуть стабилизировался. Пошел и я отдохнуть. Строго приказал джигиту, смотри на монитор, чуть что изменится – сразу зови. Сел в ординаторской в кресло и сразу заснул. Через полчаса он трясет меня за плечо:

– Больной умэр.

Бегу в палату. По пути толкаю напарника: «Остановка!» Поздно. Труп уже запакован в простыню, номерок на ноге, все как положено.

– Ты чего, совсем того, еб…я?

– Но ведь он умэр, я позвал. Манитор паказал.

Писать эпикриз придется мне. Суток больной не прожил. Посылаю джигита подальше и уже спокойно иду спать. К приезду патанатома написать успею. Только заснул, снова трясет за плечо.

– Там номэр пать умэр.

Имелся в виду больной с пятой койки.

– Совсем?

– Да, совсэм. Я упаковал.

– Ну, а на хрена тогда будишь.

– Сказат надо.

К счастью, на койке номер пять лежал безнадежный онкологический больной, и попытки его реанимации в случае смерти предусматривались только на бумаге.

* * *

Если человек трясется от страха, лежа на операционном столе, слова о том, что все закончится хорошо, не будет боли и осложнений, бесполезны. Тогда стараешься поговорить с ним о чем-нибудь постороннем. Иногда это помогает, если не успокаивает, то хотя бы отвлекает. Хорошо действуют разговоры о ком-нибудь из общих знакомых. А найти их не сложно, если работаешь в районной больнице. Хотя бы одного-двух интересных людей вспомнишь в каждом окрестном поселке, в селе общие знакомые найдутся всегда. Быстрее налаживается контакт, иногда человек и не замечает, как уснул и проспал час-другой и, проснувшись, продолжает прерванный наркозом разговор.

Читаю обложку истории болезни, фамилия, адрес регистрации:

– Что-то вы не очень похожи на коренных обитателей вашего поселка.

– Да мы там недавно. Вы правы, маргиналов там хватает.

– И что у вас там нового? Как поживает наша Верочка? Все по-прежнему с топором в сумке ходит?

– Эта сумасшедшая? Да все так же, только теперь уже с двумя.

– Интересно, растут люди…

– Да, только теперь она стала какашками с балкона кидаться. Мы с ней в соседнем доме живем, боюсь во двор заходить.

Гений

Как-то случайно зашел на работе разговор о гениальных личностях. Вспомнилась одна история, которая случилась в Питере в 80-х годах. Во времена, когда психиатрия была не только отраслью медицины, но и средством воспитания и исправления неугодных нашему советскому обществу. Жаль, подзабыл подробности, но смысл истории в следующем.

Итак, жил в городе один гений. В дальнейшем выяснилось, что он убежал из дурдома и скрывался. Но на хлеб зарабатывать надо. И вот, сколотив команду единомышленников, он занялся промыслом. Будучи прекрасно знаком со всей структурой психиатрической помощи, стал заниматься проверками лечебных учреждений. Обставлялось все примерно так: главному врачу больницы (диспансера, интерната и прочих форпостов борьбы за психическое здоровье) звонили якобы из комитета по здравоохранению, или как он тогда назывался – горздрав. Якобы от покровительствующего им чиновника. По секрету сообщалось

о предстоящей неожиданной ревизии. Ревизии серьезной, чуть ли не с министерства, последствия которой грозят оргвыводы. Типа того, готовьтесь. Звонки всегда подтверждались, комиссия приходила. После таких предупреждений мандата у ревизоров особенно никто не спрашивал. Как человек опытный, главный ревизор сразу находил грубейшие нарушения в работе лечебных заведений. От лечебного процесса до хозяйственной деятельности. Особенно много недостатков находилось в работе пищеблока. Удавалось задобрить только щедрым приемом и выплатой отступных как в денежной, так и в натуральной форме. Пищеблок расплачивался продуктами. Напоследок для команды проверяющих устраивался банкет.

Гений особо не зарывался, что позволяло ему несколько лет заниматься своим промыслом, пока один из врачей случайно не узнал в ревизоре своего бывшего пациента. По другой версии, команда перепилась на банкете и была разоблачена. Дело не стали предавать огласке. Это понятно, идиотами выглядеть никто не хотел. Ни главврачи, ни чиновники горздрава. Не известна дальнейшая судьба этого гения. Говорят, ранее он был признан невменяемым, потому и лечился в дурдоме. Посадить в тюрьму его не могли. Так что, вероятно, сейчас на свободе и наверняка в наше время востребован. Если, конечно, жив и полон идей.

* * *

В курилке рассказывает уролог:

Приходит на днях к нему на прием женщина. Оказалось – дочка одного из пациентов. Вся в слезах, жалуется:

– Что вы сделали с моим папой?

Вспомнили, да, был такой дедок, долго у нас лечился. По идее, должен был умереть, рак простаты, уросепсис. Чудо, но после операции дед не только выжил, но и стал поправляться. Помнится, еще задавал вопросы на тему потенции, но мы как-то не обращали на них внимания. У старичков такое бывает, появляется не вполне здоровый интерес.

– А что, ничего не сделали, вылечили. А какие у вас могут быть претензии? Он же сейчас дома?

– Так уже не дома. Какие претензии? А такие претензии, пришел он домой, и знаете, доктор, что он нам заявил? Сказал, так, слушайте:

– Доктор мне новый член сделал. И теперь я вам всем его покажу!

Мы думали – ну совсем с ума дед сошел после болезни, а он,

он, скотина, на молодой бабе собрался жениться, жить к ней ушел. Теперь же все имущество ей отпишет. Нам-то что теперь делать, доктор?

Детский драматический театр

Записал один из диалогов, самому есть над чем подумать.

На даче соседская девочка часто заходит поиграть с собакой. Я не возражаю, собака тоже. Серьезная девочка, лет десяти. Смотрю, читает Островского. «Грозу».

– Слушай, а тебе не рано? Ты все понимаешь? Хочешь, лучше дам Чехова про Каштанку?

– Может, и рано, просто мы в драмкружке решили осенью поставить «Грозу», ну а смотреть будут взрослые. Они понимают. И вы приходите.

– Знаешь, я вообще-то театр как бы не очень-то люблю. В драматический хожу редко, не помню, когда и был в последний раз.

– А вы приходите, мы весной «Гамлета» ставили, родителям понравилось.

– Еще бы не понравилось. Только неблагодарное это дело, «Гамлета» ставить. Никто лучше Смоктуновского никогда шизоидного психопата не сыграет, а у нас «Гамлета» только так и принято изображать.

– Почему? А расскажите, как вы себе представляете «Гамлета»? Он хороший или плохой? Если хороший, почему такой жестокий?

Пришлось рассказать.

– Понимаешь, у меня взляд несколько деформирован, и тебе покажется странным. Мне Гамлет представляется как раздолбай, скорее всего, не очень молодой, недалекий и наверняка пьющий, которого даже родная мамаша недолюбливала, а уж это надо заслужить. Раздолбай, учился в Англии, пока за него папа деньги платил, его в университете держали, папа помер, денег нет, гуляй. Выгнали с университета. Если не ошибаюсь, его друзья-собутыльники все-таки закончили, получили диплом. У нас таких сейчас много, учатся на платных отделениях, сами не знают, чему и зачем. На мой взгляд, эта теория и объясняет все его поведение. Начиная с появления призрака. Я так очень многих знаю, кого призраки, кого голоса всякие преследуют, куда-то зовут, говорят что делать. Смотри, нигде больше у Шекспира никакой мистики, ну, может быть, только в «Леди Макбет», везде чистый реализм, а тут какая-то тень конкретно руководит всеми действиями

Гамлета. Чтоб призраки появились – пить надо лет так с десяти плотно, запоями. Наверняка не денатурат пил. Почему жестокий? Алкоголик равнодушен и жесток к окружающим, но главное в том, что в своих проблемах он будет обвинять всех окружающих, кого угодно, только не себя. Согласись, типичный случай. А теперь представь. Сын-алкоголик в приличной семье – трагедия для семьи. Сын-алкоголик в королевской семье – трагедия всего королевства. Стал бы Гамлет королем Дании. Вот тогда бы было действительно не все в порядке в Датском королевстве. А останься в живых его папаша, такое наверняка бы случилось. Вот и пришлось умным людям папашу замочить, а потом и Гамлета, правда, со второй попытки. Первый раз вывернулся. Главное, чтобы на трон не попал. А то алкаш во главе государства ни к чему хорошему не приведет. Мы такое проходили совсем недавно. Так, может, брат короля и есть положительный персонаж? Ты спрашиваешь, почему не молодой? Помнишь сцену на кладбище? Бедный Йорик! Так у Йорика скелет уже рассыпался, Гамлет с его черепом играл. Лет 20 для этого должно пройти. Ну и что что написано, будто он пованивал? Почва в Дании сырая, море рядом, трупы разлагаются медленно. В детстве Гамлет с ним играл, так, ну пусть лет в 10. Прибавь 20, получается не менее тридцати ему было.

– А его мать ведь еще раз вышла замуж, значит, нестарая была?

– Ну и что, лет в 50 вполне еще можно неплохо выглядеть. Не помню, братьев, сестер у Гамлета, кажется, нет? Значит, больше не рожала, могла неплохо сохраниться.

– Интересно. Только мне сразу не разобраться, я у учителя нашего потом спрошу.

– Думаю, ты одобрения не встретишь.

– А можно мне вам про Островского несколько вопросов задать?

– Знаешь, я «Грозу» читал в школе, на уроках литературы. Там нас навсегда отучили читать. И, кроме как про луч света в темном царстве, ничего не помню. Если хочешь, давай я в выходные прочту, а потом мы с тобой поговорим.

– Ой, а мы на следующей неделе уезжаем в Египет. Мама меня с собой берет.

– Надолго?

– Недели на три.

– А вы что, вдвоем с мамой? Папа смотрю, стройку затеял, кажется, баню.

– Нет, папа остается. Мама едет с тем, кого она любит.

Сильно. Вот, думаю, где шекспировские страсти. А я тут про

Гамлета свои теории излагаю.

Вечером пришла мамаша-соседка. Чем-то ее насторожили наши разговоры. Говорила, что ее девочка большая фантазерка, просила о ее фантазиях особо не распространяться. Особенно в разговорах с папой.

Человек родился

На четвертый день товарищ смог ответить на вопрос:

– Ты кто, мужик? Тебя как зовут?

– Я – Борис.

– А отчество у тебя есть?

– Борисович.

– Значит – Борис Борисович?

– А чего тут странного? У меня и дед Борис, и прадед. Я и сына Борисом назвал.

– А чего, других имен нет? Вы что, клонируетесь?

– Доктор, ну ты даешь, сам подумай, человек родился, так разве у тебя будет время новое имя придумывать?

– Логично. А адрес свой скажешь?

– Ну пока точно не назову. Кстати, не могли бы вы мне предоставить такую возможность – опохмелиться? Буду весьма признателен.

– Адрес вспомнишь – обсудим.

Задачу оглашать журналистам информацию о рождении Людмилы Шарковой, ставшей пятимиллионной петербурженкой, взял на себя губернатор Георгий Полтавченко. Кто из почти двух сотен младенцев будет носить почетный титул, чиновники решали двое суток. В результате так совпало, что юбилейным малышом назначена девочка из образцово-показательной семьи. Оригинал: Fontanka.ru.

Чем-то напомнило рассказ Довлатова. В Санкт-Петербурге в очередной раз родился пятимиллионный житель города. Да, именно в очередной раз. Такое событие уже случалось в 88 году. Затем был спад, количество жителей опустилось ниже пятимиллионной отметки. По идее, в наше время им должен был бы стать узбек или таджик. Это элементарная теория вероятности. Но толерантность конечно хороша, но до определенного предела. Как писал классик: «*Оставьте в покое своего засранного эфиопа*!» Поэтому кандидата на роль пятимиллионного петербуржца выбирали дня три. Начмеды всех городских роддомов ежедневно в полночь приезжали на работу и

просматривали списки новорожденных. Задача непростая, условия поставлены жесткие. *«Никаких кесаревых сечений. Никаких матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально полноценный мальчик».* Никаких врожденных инфекций, никаких врожденных пороков. Гепатит, или, боже упаси, ВИЧ. Не дай бог ребенок вскоре может оказаться отказным. Конечно, *«мальчик как-то символичнее»*, но тут уж в заданный срок уложиться не удалось. Зато в остальном подобран идеальный вариант. Четвертый ребенок в семье, родители русские, образцовая семья. Родители обещают не останавливаться на достигнутом. Роды самостоятельные, никаких кесаревых сечений. Конечно, фамилия предыдущего пятимиллионного жителя была еще более подходящей, Русаков, но и Шаркова тоже годится. Не Шарикова. Есть в звучании что-то хищное, от акулы, но кому в голову придет в корнях копаться. Власти обещали предоставить квартиру? Пожалуйста, будет, и так квартира полагается по закону как многодетной семье. И тут хорошо, экономия средств.

* * *

Диалог двух реаниматологов во время обхода.

Первый докладывает:

– Больной такой-то, поступил вчера, с диагнозом. При поступлении состояние тяжелое, кома…

Второй перебивает:

– Да он не в коме был, когда я его интубировал, он разговаривал, матерился на все отделение.

– Так зачем ты его тогда интубировал, если он матерился?

– Потому и заинтубировал, чтоб не матерился. Не хер тут матом выражаться, превратили больницу в х… знает что.

Пример славянской солидарности

Гость из Украины, приехавший на заработки со Львова, бьется привязанный к кровати. Белая горячка. Кажется, что ощущаются физически исходящие от него потоки ненависти к москалям. Крик с сильным украинским акцентом:

– Ты москаль, педераст! Урот! Урот!

Дежурный врач без эмоций:

– Ну что, у рот, так у рот, только смотри, сам просил.

Почувствовав недоброе, больной примолк. Но было уже поздно. Он не знал, что врач носил польскую фамилию, чем явно

гордился. И слово «москаль», услышанное в свой адрес, считал обидным. Листенон в вену.

– Доктор, была ли у вас мать? – спросила медсестра и вышла.

Трудно описать ощущения человека, которому ввели в вену миорелаксант, не отключая сознание. Говорят, запоминается на всю жизнь. Когда ты в сознании, но не можешь сделать вдох. Кажется, что твоя смерть, вот она, сейчас наступит. Непревзойденное средство для воспитательной работы. Задача врача – не пропустить момент, когда надо начать искусственную вентиляцию. Момент настал. Пора. Маска. Аппарат РО-6. Ларингоскоп. Интубация трахеи. Два дня товарищ проводит на ИВЛ при постоянном введении релаксантов. Достаточно времени подумать, полюбить москалей и осознать свою ошибку.

В понедельник приходит заведующий, сам родом с Украины. Действия врачей безусловно одобряются. На чистом украинском языке звучит пожелание:

– Прокинувся, хлопчик? Давай, з першим автобусом швидко дми до хаты.

Это окончательно сносит крышу алкашу, он в слезах целует руки врачам, просит прощения. Кричит, что любит россиян. При этом вспоминает, что знает русский язык:

– Можно я возьму на память немного российской земли?

Исчезает только под угрозой повторного сеанса.

* * *

Эндоскопист во время процедуры колоноскопии убаюкивает пациента колыбельной, вполголоса напевая куплеты:

«Опачки да опачки,
Разорву вам попочки».

Лицо больницы

В приемном отделении на полу маневрирует пьяный организм. Пытается встать, но выше коленно-локтевого положения подняться не удается. Так и стоит раком, задом к входной двери. Широченная задница обтянута белыми короткими шортами с многочисленными отпечатками ног. Каюсь, не удержался, оставил и свой след, аккуратно приложив подошву. Не без гордости отметил, что мой размер самый внушительный.

Только после этого шорты неожиданно расползлись по центральному шву, показав всем, что трусов товарищ не носит. Дежурный терапевт требует немедленно забрать его в реанимацию. В больнице ожидается высокая комиссия.

– Извини, но мне на хер не нужен пьяный мудель. У меня не вытрезвитель.

– А нам главный врач категорически запретил держать пьяных в приемнике, он говорит, что приемный покой – лицо больницы.

– Тем более, пусть так и стоит. Это и есть наше настоящее лицо.

Терапевт удивленно:

– Так ведь это же не лицо.

– А что это, по-твоему?

– Это жопа.

– Ну так какова больница, такое и лицо…

* * *

Народ стал активно требовать допуска в реанимацию к своим родственникам, ссылаясь на какой-то якобы принятый закон, обязывающий врачей всех в реанимацию пропускать. Требовать активно, порой до драки. Правда, с не стоящими на ногах родственниками справляться удается быстро. Плохо, когда силой пытаются ворваться трезвые. Не знаю, реально такой закон приняли или пока только обсуждается проект, но считаю, что его надо дополнить и обозначить не только права родственников, но и их обязанности. Особо активно рвущихся в реанимацию обязать не только круглосуточно наблюдать за процессом лечения, включая все манипуляции и операции, но и присутствовать в морге при вскрытии родственников, а также при их кремации, причем наблюдая процесс не через стекло в печке, а находясь рядом со своим близким.

Последний звонок

Понять можно, люди переживают за своих родственников, но зачем по нескольку раз на день звонить в реанимацию и спрашивать:

– А как здоровье моего Васечки?

Ведь прекрасно тебе известно, что у твоего Васечки давно никакого здоровья нет, пропил твой Васечка свое здоровье, а

последние его остатки вместе с мозгами вытряхнул из своего организма, упав по пьянке с мотороллера. Ты бы лучше ему ключи от мотороллера не давала, пусть бы пешком прогулялся до маркета, может быть, по дороге немного протрезвел. Ну, а если помрет твой Васечка, а скорее всего, он так и поступит, тебе позвонят, а случится чудо, что поправится, и переведут его на отделение, сообщат тоже: «Приходи, ухаживай за своим любимым». А по телефону никто никакой информации не даст, если только ты с дежурным врачом не знаком лично. Ответят кратко, состояние тяжелое, могут сказать температуру. Если подсчитать, получается всего около тридцати звонков в день, а если на каждый уходит по минуте, полчаса рабочего времени тратится впустую. А их можно потратить с большей пользой для тех же больных, например поспать. Вдруг тот же Васечка ночью захиреет, а ты сонный, допустишь ошибку, недооценишь ситуацию, реакция будет не та, чтоб помочь ему, хотя бы дотянуть до новой смены. Даже если и кажется, что шансов нет, желание передать человека живым своим коллегам с одной только целью, пусть они, а не ты, пишут посмертный эпикриз, спасло не одну человеческую жизнь.

Только одна бабушка ежедневно звонит по делу, иногда раза по три в день. Звонит уже года два и таким дребезжащим старушечьим голосом спрашивает:

– Милай, а скажи-ка ты мне, ваш заведующий-то еще не сдох? А то я свечку в церкви поставила, чтоб забрал его господь. Он моего мужа убил. Я даже на Валаам ездила, молилась, чтоб он подох. – Иногда добавляет: – Да чтоб они сдохли вместе с заведующим терапией. Они стояли, ничего не делали, смотрели, как мой муж умирает.

Пару лет назад в больнице умер ее муж, поступив в отделение уже в агонии, и теперь она желает смерти всем, кто принимал участие в его лечении, считая всех виновными в его смерти. Два года пытаются ее звонки пресечь, писали на бабку заявления в полицию, купили телефон с АОНом, чтобы заблокировать ее домашний номер. Но полиция бессильна, а продвинутая бабка стала звонить с разных сотовых телефонов, меняя номера. И вдруг вчера первый день без звонка. Сначала никто не обратил внимания, потом стали интересоваться:

– А бабка-то звонила сегодня? Нет? А что случилось? Может, померла? В общем, как-то без нее стало скучно, чего-то стало не хватать.

Молчу, не признаюсь, что это моя работа. Позвонила старушка, поинтересовалась здоровьем заведующего, нарвалась на меня, а я ей ответил:

– Да помер он, помер, в страшных мучениях отошел. Спасибо тебе, добрая женщина. Приходи на похороны.

Но мера оказалась временной. У бабули есть свои источники информации в больнице, поняла: обманывают. Недели через две снова слышишь в трубке:

– Милай, а не сдох еще ваш заведующий?

* * *

Пациентка на гинекологическом кресле. Доктор готовится к осмотру. Отвернувшись в сторону за зеркалами, произносит:

– Я сейчас только вас посмотрю. Пожалуйста, оттяните губы.

Обернувшись к больной:

– Ты чего, дура, свистеть сюда пришла? Рот закрой!

Как просто покорить сердце женщины

В больничном абортарии в гинекологическом кресле лежит на вид немолодая мадам. Гинеколог разложил свои инструменты на столике, ждем анестезистку. Ожидание заполняем чтением истории болезни. На титульном листе указан возраст: 25 лет. Интересно. Как в 25 выглядеть на 50? Ответ простой, принимайте метадон. Диагноз: «замершая беременность». Судя по запаху от больной, замершая давно, видимо было не до пустяков. Вместо вен рубцы на руках. Попасть невозможно. Спрашиваю, куда же ты сама двигаешь? Говорит, что сама давно уже не может попасть в вены предплечья, колет в бедро. И не сама, а доверяет только своему любимому мужчине. Попадает только он.

– Давай попробую.

– Нет, я не дам туда колоть, там рядом артерия. Позовите моего мужчину, он внизу, он ждет.

Внизу действительно болтался какой-то тип со стеклянными глазами.

– Да, сейчас. Приглашу сюда, ага, переодену. Уколи, брат, свою невесту, мне ей в вену не попасть.

– А вы не попадете.

Посмотрел. Да, задача непростая. Туннель в паху еще не сформирован, но уже такой рубец, что артерию не прощупать.

– Ты бы хоть туннель набила. Ладно, не ссы, я и не в такие вены попадал.

Ткнул наугад, не понял, вена, артерия. Но шприц наполнился кровью, значит, куда-то попал. Мадам отлетает сразу.

Гинеколог делает свою работу, выгребает в тазик сгнившее содержимое матки. Пора будить. Хлопаю по щекам – просыпайся, глаза открой. Просыпаться девушка явно не хочет, оценивает новое средство. Облизывает губы, смакует. Наконец что-то шепчет:

– А ничего… Похоже на кислоту…

– Еще бы, чистый продукт, не та дрянь, что ты себе в вену гонешь.

Собираюсь уходить, больше я не нужен, но пациентка неожиданно хватает меня за руку:

– Не уходи, милый…

– Ты, мать чего, совсем ох…ла? Какой я тебе милый?

– Любимый мой, ты мне в вену попал…

– Отпусти, – говорю, – нашла любимого.

На следующий день звонят с работы:

– Слушай, тебя тут какая-то невеста потасканная ищет, говорит, ты ей чего-то обещал. Просто хотели предупредить, вид у нее такой стремный. Вроде как не в себе. Такие все могут.

* * *

Маленькое наблюдение: бандит пошел чистоплотный. Должника собрались отвезти в лес для дальнейших мероприятий, а перед тем, как бросить в багажник, крайнюю плоть заклеили клеем, а в задницу залили монтажную пену. Чтоб оббивку не испачкал от страха. Клиенту удалось убежать. На ходу открыл багажник и вылез из машины. Подобран «Скорой». С крайней плотью проблем не было, сделано обрезание. А вот выковыривание монтажной пены из прямой кишки оказалось непростой задачей.

Синдром профессионального выгорания

Модный это нынче термин: «Синдром профессионального выгорания». Почитаем статью, в которой описываются его основные проявления: «Проявляется нарастающим безразличием к происходящему на работе, дегуманизацией в форме негативизма по отношению как к пациентам, так и к сотрудникам…» Удобный термин, свой пофигизм и равнодушие можно объяснить просто:

– А что вы хотите, у меня синдром профессионального выгорания. Но иногда ощущаешь его проявления и на себе.

На днях прошу санитарку:

– Больного, с третьей койки, отвезите пожалуйста, на рентген.

Даю ей в руки историю болезни.

– А он сидеть-то может? Или на кровати везти?

– Сидеть не сможет. Но на каталку переползет, на кровати везти не надо.

– А чего с ним? На вид-то вроде молодой, не помирает.

– Да вот написано: «Спонтанный разрыв прямой кишки». Вчера его оперировали. Вроде все спокойно.

– Мужчина? – санитарка читает титульный лист истории болезни, – Мужчина… А кем работает-то? Бульдозерист? Ой, как нехорошо, как некрасиво-то… А чем же ему так? Не ужель кто своим бульдозером-то прошелся?

– Не знаю, мне без разницы, написано: травма производственная. Страховой полис есть. Больничный лист не нужен. Остальное меня не касается. Хотите, спрашивайте сами.

А раньше бы поинтересовался. Наверняка история бульдозериста интересна и полна внутреннего драматизма. Внутреннего – в более широком аспекте, а не только того, что произошел внутри его задницы.

Но любопытство победило, и все же попытался выяснил причину разрыва. На пидора вроде не похож. Знакомые хирурги даже удивились, что я интересуюсь подобной чепухой. Говорят, ты чего, первый раз видишь подобное? Он же приезжий, гастарбайтер? У нас часто азиаты с разорванным очком попадаются. У них такой способ наказания практикуется. Плохо работает, накосячит – его в наказание всей бригадой того, в задницу. Но этот же, говорю, славянин? Значит накосячил круто… В следующий раз умнее будет. Ничего, один раз – не пидарас.

Но вопросы остались:

1. Прописана ли подобная мера воздействия в трудовом договоре?

2. Разрешено ли в качестве поощрения поступить так же со своим руководством?

3. Если попадется человек нетрадиционной ориентации, может получиться, что он работать совсем не будет, или для них предусмотрено иное наказание?

* * *

Хирург матерится в перевязочной, зашивая бедро пьяной

тетке. Глубокая рана на внутренней поверхности.

– Да не ори ты, сука, артерия не задета, сейчас зашьем и пойдешь ко всем чертям. Это кто ж тебя порезал?

– Родной муж. И представьте, моим любимым кухонным ножом.

– Мудила твой муж.

– Да нет, он хороший, дерется только когда выпьет. Мы с ним уже 30 лет прожили. Сейчас он пьет две недели.

– Твой муж, скотина пьяная. Попал бы, куда целился, отдал бы тебя гинекологам, пусть бы они зашивали.

Полиция проводит проверку

Попытаемся передать обороты речи проверяющего.

Пять утра, звонок.

– Доброй ночи! Вас с полиции беспокоят, дежурный по отделу. К вам поступала гражданка такая-то?

– Поступала.

– Ну, и типа как она? В себя она, того, пришла?

– Пришла, можете приехать, опросить.

– А мне чего, делать нечего? Она как, типа это, сама таблеток наелась или кто затолкнул?

– Не знаю.

– Как не знаете? А мне чего написать, меня того, начальство дрючит, дело.

– Мы не даем по телефону информации посторонним. Извините, но я с вами не знаком.

– Ну как так не знаком? Я дежурный (такой-то), я вот он тут, сижу. Можете проверить.

– А мне больше заняться нечем? Откуда я знаю, что вы из полиции? Скажу одно, она в сознании, опросу подлежит. Приезжайте, опрашивайте.

– Ну щас, да, все брошу, примчусь. Опрашивать. Скажете тоже. Вы мне сказать можете, сама она того или кто запихнул?

– Я повторяю, не знаю, кто и что в нее заталкивал, мне не интересно.

– Ну! А я бы поинтересовался, ничего хоть так себе коза?

– Ну вот приедете и поинтересуйтесь.

– Ладно, так и запишем.

Что запишем, куда?

* * *

На операционный стол хирург с анестезиологом перетаскивают огромную тушу. Даже без одной ноги она весит не менее двухсот. Сегодня приходится ампутировать вторую. Законный вопрос, а как мы ее потом переложим? За что ухватиться? Опытный хирург успокаивает:

– Так ведь она легче станет, и можно будет перекатывать. Как в боулинге. Ты же увлекался. Кстати, пошли сходим в выходной.

Плановая операция

Однажды решил, что пора самому попробовать побыть в роли пациента. Это трудно, стать профессиональным больным. После этого смело могу сказать всем друзьям и коллегам:

– Пожалуйста, не болейте! В общем, решил полежать в больничке, лечь на плановую операцию. Ерунда, операция пустяковая. Но ведь у нас любое дело может выйти известным путем. Свои хирурги предлагали, давай мы тебе сделаем, мы раньше эти вещи часто оперировали. Но это было раньше, а сейчас 2–3 раза в год, да и с наркозом там нюансы есть. А я как-то излишней храбростью не страдаю. Решил так: пойду туда, где эти операции на потоке, по 2–3 в день, и где меня никто, надеюсь, не знает. Приду как обычный пациент, по записи. Просил ни на отделение, ни на местную кафедру никому не звонить, не предупреждать, чтобы не было никакого лишнего внимания. Беру направление, собираю бумажки, в назначенный день прихожу. Оформился в приемном историю, топаю на отделение. Первый сюрприз. На хирургическом отделении ни одного мужского места. Одна свободная коечка в коридоре. За ночь всю больницу завалили экстренными больными. В коридоре толпа народа, очередь на консультацию к профессору, очередь в перевязочную. Негде сесть, нет места походить. Стою, жду. Часа через три начинаю интересоваться, а чего, собственно, я тут жду? Нет мест, ну бывает, могу завтра прийти. Тут про меня вспомнили:

– А, это же тот, который сегодня лечь на операцию должен. А что делать? Пришел заведующий. Извиняется:

– Ну вы же понимаете, ну всякое бывает, сейчас я договорюсь, на терапии переночуете.

– Лучше, говорю, давайте так, я сейчас поговорю с анестезиологом и поеду домой. А с утра голодный приду, живу я не далеко. Понятно, что так нельзя, но и в коридоре ночевать не хочется.

Анестезиолог был краток. Задал только один вопрос, все ли лекарства я переношу. Ответил, что от запаха севорана болит

голова. О севоране, говорит, не мечтайте, нету. Пропофола тоже. Хотите – принесите свой. Можете принести кетонал, обезболить после операции нечем. А я и не мечтаю. Наш обычный тиопентал меня вполне устроит, миллиграммов 400. На том расстались.

Прихожу на следующий день с утра, к 9:00. На стене висит расписание операций. Моя фамилия напротив графы на 11, вторая очередь. Нашел свободный стульчик в коридоре, сижу в пальто, жду. Мест в палатах по-прежнему нет. От скуки заснул сидя. Толкает меня какая-то медсестра, по виду – анестезистка:

– Пойдем, укольчик сделаю.

Заняты все процедурные, перевязочные. Нашли место в клизменной, где штаны можно спустить без лишних свидетелей.

– Сейчас, подождите минут 15, и за вами приедут.

А я тут ощущаю от укольчике приход очень даже славный. А когда лет 10 никакой дури в организме не было, понимаю, что уснуть могу прямо сейчас, даже стоя. А я в пальто, стою с вещами посреди коридора, а стульчик мой уже занят. Сквозь туман вижу, как плывет заведующий. Я к нему:

– Слушайте, мне сейчас промедол вкололи, боюсь, что сейчас выключусь. Мне бы прилечь где-нибудь?

– Ха! Какой тут тебе промедол? Да мне, чтобы назначить наркотик, это семь подписей собрать, размечтался. Анальгин с димедролом получил!

– Да, говорю, анестезистка с оперблока приходила, и потом, что я, полный лох, промедол от димедрола по действию не отличу?

– А, ну тогда может быть и промедол, если анестезистка, как своему. Повезло тебе. Короче, оставь сумку в ординаторской. Можешь там пока и сумку оставить. Пока будешь в операционной, я кого-нибудь выпишу. А где раздеться? Короче, где наш оперблок, знаешь? Бери вон ту каталку и с ней езжай. Там разденешься и ляжешь. Санитара если найду, скажу, чтоб твои вещи забрал. Да, и ноги в коридоре перебинтуй.

Выталкиваю в оперблоке из лифта каталку, меня, естественно, принимают за санитара. Правильно, мужик в махровом халате, чего еще подумаешь. Интересуются, за кем я? Говорю, что это я себе каталку везу, вот моя история. Ну там, похоже, к такому привыкли, не удивились. Разделся, лег на каталочку и сразу уснул. Смутно помню, как по чьей-то просьбе переполз на стол. Помню укол в вену, слышу, как анестезиолог спрашивает:

– Слушай. Ты не полежишь минут пять, все равно спишь, а мы чая попьем. Я бы и рад согласиться, отпустить коллегу покурить, но чувствую, что сознание еще при мне, а сделать вдоха не могу.

И сказать не могу ничего, только одна ладошка еще двигается, ей и начал колотить по столу. Слышу голос анестезиолога:

– Ты чего, это, стучишь? И голос анестезистки:

– А я уже все ввела.

– Ну тогда все, давайте интубировать. А потом ни пробуждения, ни трубки в трахее не помню. Проснулся в палате. Просили до утра не вставать, но как не вставать, а курить кто за меня будет?

А на третий день давай домой, у нас тут не мавзолей. Не залежишься. Только учти, еще неделю ты числишься в больнице, не дай бог с тобой чего. Если чего – звони. По улице лучше не болтаться. А куда ты тут пойдешь, когда глаза у тебя навыкат, как у долгопята, а на шее свежий рубец, как у главного злодея в фильме «Горец».

Через неделю пришел, выписали в поликлинику. Надо сходить, отметить больничный. В вестибюле читаю список участковых врачей, ищу своего. Сплошь какие-то Акбар Саибовичи, Анвары Салутановичи. Бромгексиновича не хватает. Один внедрился, с украинской фамилией Могила. Наверное, хитрый… Жаль – не мой. Так своего и не нашел. Пришлось обратиться в регистратуру:

– Извините, вы не подскажете, Нарзикулов сегодня как принимает?

– Какой Нарзикулов?

– Ну, участковый, 26-й участок.

– А, может Рахманкулов?

– Наверное, да, перепутал.

– А зачем вам нужен участковый?

Действительно, странно, зачем кому-то может понадобиться участковый врач? Если в компании, где соберутся профессиональные больные и идет обсуждение вопроса, где кто лечит свою болячку, кто в каком-нибудь институте, кто в известной клинике, а кто-то скажет, что лечится у участкового, посмотрят на него с жалостью, как на человека не от мира.

– Так зачем вам участковый? Больничный продлить? А вас кто направлял? Эндокринолог? Вот к нему и идите. Идите так, талончиков нет.

Народ закален, в поликлинике народ злой, как в церкви, порядка знает. Знает, что без номерка нельзя. А к номерку еще полагается талончик и статкарта. А к специалисту запись за месяц. Сразу крик:

– Мужчина! А вы куда без номерка? Больничный продлить? А мы тут с утра стоим. А вы куда, товарищ? (Полуслепой дед

перепутал двери.) Там приема нет, там туалет. – Ой, хоть бы дверь закрыл. Нюхай, дружок, сытный душок.

Первый раз в жизни сижу на больничном дольше недели. Сказали, что выйти на работу до февраля не мечтай. Я совсем не мечтаю. Только не могу понять, зачем ежедневно ползать в поликлинику? То ВКК (не знаю, как расшифровывается), то ненужные анализы. Дали б сразу, ну хоть на неделю. Можно куда-нибудь съездить, хотя бы недалеко, на лыжах покататься. Но нет, не положено. Приходи, общайся в очередях с народом, ползай на четвертый этаж. Вдобавок на праздники отключили лифт. Это правильно. Застрянешь, а где электрика искать? У электрика, как и у всей страны, новогодние каникулы. Паралитики ползут на третий этаж к невропатологу. Полупарализованный дед подходит к дверям лифта, с трудом, со страшной дизартрией читает по слогам:

– Ли-ффф-т не ра-бо-та-ет. Кратко комментирует ситуацию: – Хуево, – и бодренько шаркает по лестнице. Действительно, не очень хорошо. Странно, комментарий произносит четко, без всякой дизартрии.

У кабинета две старухи обсуждают:

– Ну это врачиха, ну дура полная, я номерок вон достала, говорю ей, пока лекарство бесплатное в аптеке есть, выпиши рецепт. Так она мне, ты представляешь? Говорит, а вам оно не нужно, будет нужно – выпишу. Нет, ну ты понимаешь? Его ж потом в аптеке не будет, платить придется.

Вторая:

– Да они тут только и умеют (что умеют – не расслышал). Писать на них надо.

Ох, думаю, попадетесь вы мне, ведьмы старые. Напишите вы у меня, если сможете. Не стали бы ругаться бы из-за пустяков, из-за какого-то рецепта. Цена-то этому лекарству 80 рэ на месяц. А убить оно тебя может, если без показаний, быстро. Лучше на похороны отложи. Думаю, какое же здоровье нужно, чтобы в поликлинике лечиться? Не представляю.

Прощальный визит в поликлинику. Больничный закрыть, попрощаться, сказать спасибо. Доктор радуется положительной динамике. Не удержался, признался врачу, что ее рекомендаций не выполнял абсолютно. Лечился сам, как меня учили, как подсказывает элементарная логика и здравый смысл. Реакция врача неадекватная. Запись в карточке: не выполняет назначений, самовольно принимает… и пр. Закрывать больничный посылает к председателю ВКК, якобы из-за нарушений режима. Иду, чего бы не повеселиться. Собрали что-то типа консилиума, вплоть до

главного врача, обсуждают. Вызвали лечащего доктора. Главврач говорит:

– Вот, ваш пациент утверждает, что если бы он выполнял ваши назначения, уже как с месяц был бы на том свете.

Доктор удивительно быстро соглашается:

– Да, согласна, я не знаю, какой идиот ему эти рекомендации давал.

– Но ведь это вашей рукой написано?

– Да, моей, но я сейчас исправлю.

В итоге, мне дают номерков на пару месяцев вперед, пожалуйста, если что – приходите. Выражаю надежду, что больше не буду надоедать своими посещениями. Работы и без меня хватит, вон, бабушек лечить надо. А то стареет население.

Мои номинанты на премию Дарвина

Любопытный человек

Человек лежит на столе, потеет от страха. Пытаешься как-то успокоить:

– Не волнуйся, больно не будет.

– Да я боли не боюсь. Просто не каждый день тебе яйцо отрезают.

– Понимаю. Таких дней в жизни бывает только два. И то если повезет.

* * *

На операционном столе лежит любопытный человек:

– Доктор, а какой будет наркоз, а зачем мне поворачиваться на бок, а что вы там делаете у меня на спине? А мне не больно будет?

– Ничего не делаю. Пару часов ниже пояса вы ничего чувствовать не будете.

– А почему для этого вы укол мне сделали в спину?

Надоел.

– Слушайте, откуда вы такой любопытный? Я же вас не спрашиваю, зачем вы в первом часу ночи себе болгаркой яйца отпилили?

Уролог зашил мошонку, одно яйцо еще вроде как может пригодиться. Отправили на отделение. Но через пару часов звонит хирург:

– Слушай, давай срочно в операционную. Мы его снова берем, кровотечение началось.

– А ты в какую палату его положил?

– В третью, на первый пост.

– Так надо было на второй. Там у вас узбечка пожилая работает, медсестра, Гюльчатай. А на первом Танечка молоденькая. Она пришла компресс менять, у него там что-то под повязкой и зашевелилось. Думать надо!

* * *

Двое пациентов стоят в коридоре. Уролог объясняет одному

из них:

– Да, ты должен *ежедневно* промывать свою уретру раствором фурациллина. Как его сделать? Две таблетки на пол-литра воды. Промывать шприцем, через катетер, желательно трезвым, повторяю, желательно в трезвом состоянии.

Оба качают головами, понимают. Улыбаются. Удивительно умные лица. Спрашиваю:

– Слушай, а почему желательно? Скажи, что обязательно трезвым, а то разорвет свою уретру к чертовой матери.

– Да вот даже не знаю, как быть. Скажу, что обязательно трезвым, то он, может, только раз в году и промоет. И наверняка снова к нам попадет. А так есть шанс.

Метод лечения эректильной дисфункции

Вызывает «Скорую помощь» некая мадам. Поднимаясь по лестнице, чувствую запах горелого мяса. До этого никогда подобного запаха не ощущал, но почему-то вдруг сразу решил, что это запах горелого члена. Оказалось, что мужик, насмотревшись рекламы о лечении эректильной дисфункции и не имея денег на всякие клиники, обеспечивающие потенцию в любом возрасте, решил пойти своим путем и поэкспериментировать. Обмотав член медной проволокой, сунул концы в розетку. Орган, который подвел его в нужный момент, обуглился до основания. А от мучений остального организма спас контакт с батареей отопления, после которого пришла смерть.

Прорыв в медицине

Почему-то многие технари считают, что только они способны совершить прорыв в какой-либо области медицины. Возможно, но их разработки на перспективу, а не на сиюминутный результат. Но перспективы ждать некогда, поэтому один физик по образованию, доктор наук решил насытить свой организм минералами. Прием внутрь – слишком банально. Был подобран некий состав солей, налит в ванну. Туда же вставлены две оцинкованные пластины из листов кровельного железа так, что была устроена гальваническая ванна. По задумке под действием гальванического тока происходило обогащение организма ценными микроэлементами. Что-то типа электрофореза или гальванопластики одновременно. То ли не рассчитал он с напряжением, то ли с составом или случилась какая техническая

неполадка, но при включении тока вода в ванне вскипела за несколько мгновений. Надеюсь, что испытатель погиб сразу от удара тока, а сварился уже потом. Бульон получился наваристым как студень.

Дефибрилляция

Один из моих старых знакомых смертельно боялся врачей, хотя имел медицинское образование. По образованию врач, по специальности – рентгенолог. В 45 лет выйдя на пенсию, начал заниматься самолечением. Со слов жены, страх перед врачами был настолько силен, что он сам вырывал себе зубы плоскогубцами, конструировал самодельные бандажи от грыжи, сам накладывал гипс на ногу при переломе. Когда у него начались приступы мерцательной аритмии, лечил он их просто. У своих старых друзей достал списанный дефибриллятор, починил и при приступе наносил сам себе разряд тока на грудную клетку. Метод широко используется, но в случае, когда не помогают или противопоказаны лекарства. Разряд в шесть тысяч вольт штука серьезная. Естественно, процедура болезненная и проводится под наркозом. Вместо наркоза выпивался стакан водки, после чего нажималась кнопка. Редко, но разряд тока может вызвать остановку сердца, фибрилляцию желудочков, и ничего в этом страшного, просто срочно требуется второй. В один из дней второй разряд потребовался, но второй раз нажать на кнопку было некому.

Адская кухня

Человек скалкой проломил себе череп. Ситуация была следующая. Мужик возвращается с ночной смены. Устал, слегка выпил. Придя домой, увидел, что супружеское ложе занято посторонним. Жена тоже слегка навеселе. Клянется, что только что подобрала на лестнице незнакомого мужичка. Не пропадать же добру, принесла в квартиру, раздела, уложила спать. Мужик очень устал. Ему не до разборок. Незваный гость получает мощный удар в табло и с переломанной челюстью сбрасывается на пол. Слава богу, хозяина силой природа не обидела. Нокаут. Мужик ложится спать на свое законное место.

Жена вызывает «Скорую», не совсем понятно – зачем. Любовник начинает приходить в себя. Серьезных поводов везти его в больницу нет. Припугнув женщину административным

наказанием за ложный вызов «Скорой помощи», собираемся отчаливать. Женщина поверила в то, что мне будет не лень привлечь ее за хулиганство, начинает умолять:

– Ну если вам кого-нибудь забрать в больницу обязательно надо, давайте я сама с вами поеду. А лучше мужа заберите.

Мужик, проснувшись, сидит на диване.

– А что, ребята хорошие, я лучше с ними прокачусь, чем с тобой (…) оставаться.

– Стоп, – говорю, – это ваши разборки. Если бы у твоего мужа была бы какая-нибудь травма, с удовольствием бы забрал.

– Так сделайте ему травму, – просит женщина, – я вам хорошо заплачу.

– Нет, тут уж извините, – разговор стал надоедать. – Делай сама.

– А как? – неожиданно спрашивает супруга.

– Ты что, не знаешь, как большинство мужей получают травмы от жен? У тебя скалка есть? Если да, то действуй сама.

Двигаюсь по коммунальному коридору к выходу.

Жена с криком: «Ну у какой же женщины нет скалки», – бежит на кухню и приносит обычную деревянную скалку для раскатывания теста.

Мужик тащится:

– Ну что, сука, ну давай, бей (лексика).

Жена несколько раз тюкает скалкой мужика в лоб. Слабовато. Следов не остается. Видно, как ненависть закипает в супруге. Испугавшись последствий, возвращаюсь в комнату. Но не успеваю. Мужик встает, выхватывает скалку из рук жены, размахивается… В этот момент я невольно прикрыл глаза, ожидая, что сейчас череп супруги просто разлетится на куски. Слышу звук от удара, второй. Оказывается, мужик изо всех сил молотит себя по голове.

– Смотри, скотина, смотри как бить надо (лексика).

Мы вдвоем с фельдшером повисаем у него на руках, пытаясь не то чтобы вырвать из рук скалку, а хотя бы смягчить силу ударов. Бесполезно. Несмотря на то что оба были ростом 190–195 см, мы отлетели, как котята. Последний удар сопровождался звуком раскалывающегося черепа. Все. Кома. Срочно на носилки, в стационар. Когда в приемном покое я пытался объяснить хирургу, что такую травму человек нанес себе сам, то как на больного смотрели на меня. Тут есть один минус я не проследил, выжил ли больной. Если и выжил, то инвалидом. Свой генотип по свету разносить наверняка не будет.

* * *

Невообразима человеческая жестокость. Читаю в истории болезни запись терапевта:

«Изо рта – запах алкоголя, походка шаткая, в позе Ромберга не устойчив. Диагноз: «закрытый перелом правого бедра».

Интересный спор

С самого утра в отделение реанимации пытается пробраться парень лет 25. Спрашивает про некоего пациента, поступившего к нам накануне с огнестрельным ранением. Но у нас строгий приказ начальства – к больному никого не пускать и информации о его состоянии никому не давать. Кроме компетентных органов. Якобы злодей, подстреливший клиента, – сотрудник милиции. Пытаюсь объяснить посетителю, что вход в реанимацию запрещен, но тот начинает завывать о свободе прессы, про какой-то закон о печати, размахивая удостоверением корреспондента одной из центральных газет. Пытается под моей рукой пролезть в полуоткрытую дверь. Толчок в грудь, щелчок автоматического замка. Вопли продолжаются за закрытой дверью. Но товарищ оказывается весьма инвазивным и своей настойчивостью корреспондент заслуживает уважения. Изучив на первом этаже план эвакуации при пожаре, и раздобыв белый халат, проникает в отделение через черный ход. Тут без помощи охранников было уже не справиться. Совместными усилиями корреспондент выставляется на улицу.

Становится интересно, чья это персона вызывает такой интерес прессы. Жертва милицейского произвола лежит привязанная к койке, с отстреленной мошонкой. Бомж. Еще не отошел после наркоза и бесконечного запоя. К интервью пока не готов. И вид настолько непрезентабельный, что демонстрировать центральной прессе нельзя. Позор для имиджа больницы.

Оставим опрос на вечер.

Но к вечеру опрашивать не пришлось. Ситуацию разъяснил знакомый опер. Было так. Наш бомж жил зимой в пионерлагере. Кормил собак, убирал территорию. Охранником там подрабатывал сержант милиции. Пару дней они вдвоем пили. Стало скучно. Решили поспорить, что сержант с двух метров попадет из своего «ПМа» ему в голову. На что спорили – пока следствие не выяснило. Но сержант проиграл. Промазал. Поставив бомжа к стенке, с двух метров отстрелил ему яйца. Хоть жизнь и вне опасности, зато гарантировано, что своим генотипом наш бомж не будет мусорить по свету и он умрет вместе с ним.

Бомж, похоже, особенно не заметил увечья. По крайней мере

на его профессии и образе жизни оно не отразится. Не яйцами же он территорию подметает.

Психопат

Жил на свете один психопат-истерик. И развлекался он тем, что регулярно прыгал из окна с третьего этажа своей квартиры в «хрущевке». Встанет на подоконник, на публике, естественно, крикнет родным:

– Прощайте!

И прыжок вниз. Ну все знают высоту потолков в «хрущевках», при хорошем навыке можно легко прыгать и с четвертого. Навык у нашего пациента был. За несколько лет только раз подвернул лодыжку. Психиатрическая «Скорая» к нему на вызовы ездить уже давно устала, а упрятать в дурдом надолго не удавалось. Психопатия – пограничное состояние. И вот однажды «Скорая» была где-то рядом и успела подъехать к тому моменту, когда он еще на подоконнике стоял и прощался с родней. А в бригаде у психиатров всегда, почти всегда, трое здоровенных мужиков. Один подскочил к окну, и когда пациент уже был в прыжке, схватил его за голень. Держит одной рукой. Тот висит вниз головой, матерится. Фельдшер кричит: «Ребята, помогите, не удержу». А кухня метров пять, и окошко в старых хрущевках – щелочка, только боком пролезешь. Пока второй к окошку протискивался, первый и не удержал. Короче, психопат аккуратно вошел головой в бетонную отмостку. Как говорят – череп в трусах оказался. Но у родственников почему-то претензий не было. Никто никуда жалоб не писал. Хотели ж помочь. Помогли.

Перелом

Старая история о том, как морячок, проплававший в автономке с полгода, милостью начальства был снят с корабля и отправлен в отпуск. Получив телеграмму из дома, прилетел откуда-то из Франции. Назавтра должна была состояться экстренная свадьба дочери. Срочность объяснялась просто: дочь была на девятом месяце беременности. Вечерком выпили они с женой бутылку виски и запрыгнули в постель. Понятное дело, истосковался мужичок. Без подготовки попытался внедриться, но сломал член. А кровотечение при этом довольно сильное. Пока оба в темноте разбирались, кто из них так обильно кончил, крови утекло изрядно. Сложность была в том, что перевязать это дело

трудно. В институтском курсе дусмургии не было примеров повязок на половой член. Тугую давящую повязку вроде как накладывать не физиологично, а кровь продолжает течь из уретры, мужик льет пьяные слезы по поводу кончины своего маленького дружка. Жена утешает:

– Ты не плачь так, все пришьют. Представляешь, как бы было плохо, если бы это случилось завтра, прямо во дворце бракосочетания?

Уж не знаю как муж, а я представил очень живо, как бы во дворце бракосочетания, прямо во время церемонии, родители невесты ломали член…

Случай на охоте

Товарищ разочаровал… Утром выясняется, что имеет двоих детей и даже внука. Жаль… Мог бы украсить мой ноябрьский список номинантов. Претендовать на прижизненное вручение премии.

Первый раз человек на охоте с новым ружьем. Красивая игрушка, новенький «Винчестер». 12-й калибр. Хотелось показать друзьям, на что оно способно. А способно оно на многое, способно на хорошую отдачу. И даже, как показалось, что при желании может служить фаллоимитатором. Классика жанра – висящее на стене ружье. А если приклад засунут в штаны – третьего акта ждать не надо. Трагедия случилась на острове в районе Сортавалы. Прикладом отбивает яйца… Пока протрезвели, пока добрались до берега, как назло, ветер, ночь, потом до больнички… В общем, бороться за репродуктивную функцию было уже поздно.

Поначалу товарищ хотел обмануть, говорит – упал. Нехорошо. И друзья с ним, молчат. Пришлось пригрозить: «Ребята, тут варианта два. Либо при отдаче ему прикладом мошонку расплющило, а если нет, то это ваша работа. Как понимаю, на острове, кроме вас, никого не было». Знаю я этот островок, Сикоссари, туда и летом-то редкий турист заплывет, берег у острова каменистый. Причалить к нему сложно, а во время шторма вообще опасно. Осенью, правда, тетерева там останавливаются. Тут все сразу стали говорить. Как товарищ (да выпил-то он вроде немного, как всегда), стал носиться вокруг костра, засунув приклад ружья в штаны. Частушки при этом пел в тему «Опа! Опа!..». И что с ним такое случилось? Всегда спокойный мужик. А вы, спрашиваю, чего смотрели? Ну мы то чего, мы же не знали, что ружье заряжено. Действительно

споткнулся, упал, это единственное, в чем не соврал.

Иногда меня спрашивают, а почему вам никто не платит за вредность как психиатрам. Вам тоже приходится общаться с такими же мудозвонами? Отвечаю:

– А потому и не платят, что мудозвоном товарища больше не назовешь. Вот вчера, до случайного выстрела, было еще можно.

* * *

Парадоксальная просьба. «Дайте попить!» Первое, что, проснувшись, попросил утопленник после его успешной реанимации и трех дней комы.

Корюшка

Судя по запаху, корюшку у метро продают, подошел. Так и есть, лежит. Написано: «Корюшка крупная». Ага, величиной с сигарету. Думал взять, но цена… 800 р. В два раза дороже семги и форели. Круто. Но радует, появилась, растет промысловый запас. А то пугали, что выловили браконьеры, что исчез навсегда один из символов Санкт-Петербурга. Пойти, что ли, половить самому?

Каждой весной Рыбаков на заливе – тьма. Весь лед в черных точках, как лампочка в сортире. Чего они там ловят, не пойму. Задаю себе вопрос, думаю и не нахожу ответа: а что можно поймать в заливе у Сестрорецка? Императорского окушка размером с палец? Или плотвичку на потеху кошке? Нет, это не рыбалка, а ерунда. Извращение. Пора в сексопатологию вводить новый термин: «рыболожество». Зато интересно послушать разговоры рыбаков в автобусе в Зеленогорске:

– Мужики, вы на 21-й километр не ходите, там лед размыло. Я вчера провалился, хорошо рядом мужики были. Веревку кинули, вытащили. Я сегодня на 23-й километр пойду.

Правильно, провалюсь там.

Попадаются и нам любители подледного лова. В ящике дежурная пара худых плотвичек, а иной в ящик так вцепится, словно там косяк золотых рыбок, что окоченеют руки, не разогнуть, и не отдаст, так и едет в отделение с ящиком и лежит с ним, пока не отогреется. Неблагодарная публика. Отогреешь, а иногда, чего скрывать, и нальешь спиртяжки для отогрева. Маринованный огурчик дашь закусить. А наутро жалуются: выпить дали, а опохмелиться не дают.

А мне интересно подсчитать, кому от любительской рыбалки

больше пользы, рыбакам или корюшке? Кто кого больше съедает по массе? Кто замкнет пищевую цепочку? Прикинуть, сколько за год утонуло рыбаков на заливе, сколько осталось на дне, не сложно. Каждый день в газетах пишут о пропавших рыбаках. Несложно прикинуть средний вес рыбака, вес нетто, без упаковки, без валенок, тулупов. Подсчитать их суммарную биомассу. А сколько они за сезон вылавливают корюшки, сложнее, но неизмеримо меньше. Таскают всякую дрянь, окуня, плотвичку. С дамбы сейчас не половить, не остановиться на автостраде, хотя ловят. Даже знак стоит на шоссе, предупреждающий: «Осторожно, рыбаки!» Пора уже нормальный дорожный знак вводить, треугольничек, а внутри рыбачек, сидящий на своем ящике. Ловить сетками с мостов, с набережных запретили. Суровый был способ, через час ты весь мокрый, в грязи, но зато с полным пакетом рыбы. Так что от нынешних рыболовов для популяции корюшки одна польза, стая опытной корюшки съедает рыбака примерно за неделю. Может, скоро и цена упадет.

Разговор с глухонемыми

Достал на работе из старой папки пожелтевший листок. Как-то сохранился в макулатуре. Отсканировать нет возможности. Многие строчки, написанные карандашом, за 20 лет почти стерлись. Да и писал их явно не каллиграф. Цитирую дословно, ничего не меняя. Документ называется:

«Переписка с глухонемыми».

Сюжет прост – главе глухонемого семейства в драке отбили яйца. Их языком я не владею, поэтому пишу вопрос:

– Что случилось?

Жена больного пишет в ответ:

– Мой муж в тяжелом состоянии. Он сильно заболел. Его мужской член сильно болит и не может вставать. Яйца опухли.

Ставлю на листочке знак вопроса.

– Неизвестные мужчины били моего мужа в член.

Посмотрев, увидел почерневшую опухшую мошонку. Пишу:

– Надо оперировать.

– Нет. Сделайте укол.

– От укола не встанет.

– Тогда таблетку.

– Он таблетки тем более.

– Не согласны.

Помню, как жестами объяснял, что если откажутся от операции, то не встанет никогда. Сжав кулак, резко согнул руку в

локте. Затем из кулака сделал кукиш и поболтал расслабленным предплечьем. Получилось, видно, убедительно и понятно. Быстро разделись и молча пошли в отделение. Готовиться к операции.

* * *

Высокие технологии в медицине – это прекрасно, но нельзя забывать и про технологии низкие. Вечером в больнице паника, сломался компьютерный томограф. Оказалось, что молоденькая невролог не может сказать, у кого из трех пьяных мудаков, нырнувших в пруд и свернувших шеи, разрыв спинного мозга, а у кого только ушиб и сдавление. И просит взять в реанимацию всех. Я говорю, что даже спускаться не буду, чтобы посмотреть. Сними с них штаны и посмотри, у кого шишка стоит, того и возьму. Потом долго пришлось объяснять, что это самый верный симптом полного разрыва спинного мозга, а почему, тебе должно быть видней. Ну, а если ты отличить не сможешь, стоит или нет, то это не ко мне.

Яичница

На операционном столе полупьяный джигит кричит на своем горном наречии. Спустился с гор, приехал в наш северный город искать счастья. Счастья не нашел, зато нашел приключений и не только на жопу. Русский учить? Зачем. Достаточно, что по-русски на грязной волосатой ноге написано: «Пни мента». Этого достаточно. Но некто опередил с пинком и превратил мошонку джигита в шейкер для яичного коктейля. Вступился за честь МВД.

Хирург пытается успокоить:

– Не кричи, не бойся, больно не будет, мы только посмотрим.

Понимая, что говорит в пустоту, добавляет:

– Ну покричи пока, скоро фальцетом запоешь, тенором. Паваротти гребаный.

Наркоз. Разрез мошонки. Внутри яичница – болтунья. Семенные канатики пересекаются под песню «Как дружно рубились канаты…», и остатки яичек летят в тазик. Всегда бы так оперировать, с огоньком.

Мои святые отцы

День спасателя

Как-то с утра позвонил знакомый священник. Неожиданно поздравил с праздником, с Днем спасателя. Вроде бы я не имею отношения к МЧС, но, видимо, батюшка посчитал, что это и мой праздник. Я не стал разубеждать, пока вечером он не позвонил еще раз, забыв об утреннем звонке. Видно, у святых отцов тоже был праздник. Они в своем роде тоже спасатели.

Лично я никогда не отказываю родственникам, если они хотят пригласить к больному священника. Хоть сам в бога не верю, но и атеистом себя не считаю. Как говорится, если бога нет, то и доказывать это бессмысленно, а если есть, то зачем с ним ссориться. Поэтому к нам частенько заходят и наши попы, и пасторы, и муфтии. Иногда это помогает. Многие, балансирующие на грани жизни и смерти, быстрее определяются, в какую сторону им качнуться. Нам польза от визита в любом случае. Либо больной поправляется, либо сокращается койко-день.

Главное, чтобы служитель культа неформально подошел к своей работе. С душой. Тут уж от родни зависит. Насколько обозначен интерес. При наличии средств заказывается целый ряд таинств. Одному старому маразматику, у которого от пьянки отвалилась печень, случился инсульт и под конец отказали почки, родня заказала священнику все, что только тот мог сотворить. Разумеется, кроме исповеди. Дар речи был потерян. Начали с крещения. В дальнейших планах было причастие, соборование, и если в процессе понадобится отпевание, то и отпевание. Святой отец к задаче подошел неформально. Первым делом начал зачем-то искать желающих стать крестными родителями. Лично я отказался, сославшись на боязнь высокой ответственности. Вдруг крестник вырастет негодяем. В роли крестного пришлось выступить дьякону. Через пару часов больной пришел в рассудок. Внятно произнес слова «на х..!». Дьякон стал пиарить священника:

– Чудо, чудо!

Может быть, и чудо, но видели мы чудеса и покруче. Подумаешь, черти на сей раз не взяли. В следующий раз заберут. Пусть даже крещеным, сомневаюсь, что он попадет на небеса.

А на счет чудес покруче, тут без всякого преувеличения. Первый случай убедиться в всепобеждающей силе человеческого разума, представился еще в институте. На практике, курс второй

или третий, отправили меня в приемное отделение городской больницы номер девять. Дали важное задание, даже два. Заполнять лицевую сторону историй болезни и выдавать поступающим градусники. А девятая больница в то время специализировалась на лечении панкреатитов, и от хирургов требовалось измерить не только температуру в обычном месте, под мышкой, но и в заднем проходе. Для этой цели лежал специальный градусник, с резиновым набалдашником на тупом конце, чтоб ненароком не провалился за анальный сфинктер. В прямую кишку. Набалдашник был такой величины, что пролезть не смог бы ни в одно самое широченное очко.

Вечер. Поступает некий организм, как обычно, с острым панкреатитом. Записываю паспортные данные, место работы, профессию. Сварщик. Человек явно не очень сложный, как большинство больных панкреатитом, и долго не понимал, чего от него хотят, вертел градусник в руках, а слово «ректально» воспринимал как обидное, пока я не вытерпел и не прикрикнул на него:

– Да в жопу ты его себе засунь, мудила!

Для столь интимного процесса больной зашел в ванную, а я, устав от беседы, вышел на крыльцо покурить. Когда вернулся спросить об успехах, увидел, что товарищ как-то пританцовывает в санитарной комнате, а на мой вопрос, зачем он это делает, товарищ ответил: – Да больно, бля!

В общем, засунул он себе этот градусник набалдашником вперед. Давай, говорю, вынимай. Попытка вытащить сопровождалась криком, действительно больно. Наконец, совместными усилиями достали, пришлось отмывать его от масс кала. Потом оправдываться перед дежурным хирургом, почему не измерил ректальную температуру, объяснять, что так и так, человек каким-то образом умудрился. Добило меня тогда отсутствие всякого удивления на лице хирурга. Тот произнес только:

– Ну чего, бывает, напиши в истории, нормальная, 37,0. Через пару дней поправится.

Действительно, смотрю, через пару дней этот сварщик ведет за собой группу выздоравливающих на прогулку, через садик на Крестовском, к пивному ларьку. И хотя я был по габаритам раза в два меньше его, посмотрел он на меня с опаской.

* * *

Православная беседа в канун Пасхи.

Анестезиолог:

– Ты кагор принес?

Хирург:

– Забыл. Коньяка полно. Завтра можешь упиться.

– Ну ты же обещал. Без кагора нельзя. Тогда отпусти на полчаса, съезжу в магазин, куплю. И заодно заеду в церковь, яйца освятить. Я вчера поздно покрасил, не успел.

– Не отпущу, лучше в рентгеновский кабинет сходи за снимками, там заодно можешь и яйца свои освятить.

* * *

Много чудес во вселенной. Жаль, что я потерял способность удивляться необычному. Последний эпизод, который добил эту способность, был такой.

В вокзальном пикете милиции на полу лежал человек, одетый в новое пальто, костюм-тройку. Все чистое, только из магазина. Даже не все ярлыки еще спороты. Был пьян настолько, что к нему вызвали «Скорую». Вытрезвитель таких не берет, это уже удел токсикологов. Без слов собираюсь забрать клиента в НИИ «Скорой помощи». Прошу сотрудников осмотреть тело и переписать все документы и ценности. Это был очень мудрый поступок, не лазить по карманам самому. Из пальто достается справка об освобождении от вчерашнего числа. Понятно, почему на человеке столь новый гардероб, успел прибарахлиться перед приездом в родной город. Сержант сует руку в карман брюк и замолкает. Медленно достает руку… В общем, вся рука по локоть в блевотине. Немая сцена длилась минут пять. Было слышно, как пальцев вытянутой руки стекают плохо пережеванные макароны и шлепаются на пол. У присутствующих состояние шока. Как? Как можно так аккуратно наблевать в карман брюк и не испачкать одежду снаружи? Предложены две версии. Снять брюки, наблевать в карман, надеть брюки. Не логично, да и надеть в таком состоянии брюки он вряд ли бы смог. Вторая версия – это сделал ему кто-то другой из мести. Типа – плюнуть в тапочки. Фантастично. Этот эпизод заставил меня перестать удивляться чудесам. Теперь, когда мне говорят про НЛО или чудовище озера Лох-Несс, про чудесные примеры исцеления святой водой, мне кажется это настолько обыденным, что не стоит упоминания. Разве это чудеса? Вот я видел чудеса. И вспоминаю блевотину в кармане брюк.

Загадочный посетитель

По моей просьбе мужичок приносит мамашину справку. Маменька его – старая пьянь и не помнит, где, когда, от чего и чем лечилась и лечилась ли вообще. Тем более не понятно, чем болеет сейчас. Надеюсь, что прошлогодняя выписка из больницы поможет в этом вопросе разобраться. Читаю. Осмотр гинеколога начинается с парадоксальной фразы: «Влагалище нерожавшей женщины». Интересно. Следов кесарева сечения на животе нет. Спрашиваю у сына: – А вы ее родной сын? Отвечает, что родной, что у нее есть еще двое. Конечно, он не помнит, как появился на свет, естественным путем или с помощью кесарева сечения, но после трех операций рубец на животе остался бы наверняка. Никакая косметика не скроет.

Окружающие коллеги начинают ржать над идиотом-гинекологом. Чего, говорю им, ржете? Человечество в это чудо уже почти две тысячи лет верит, а вы не можете поверить всего один только раз? Погрязли, говорю, в суевериях, верите в сглаз и в черную кошку, в заговоры и гороскопы, а в бесспорный факт поверить не можете? Все отцы и основатели об этом писали, что родился Христос, не повредив родовых путей Богородицы, причем нормальным путем родился, а не вышел из нее каким-то боком, как Будда Шакьямуни. Кому еще верить, как не учителям церкви? Хотя бы Фому Аквинского почитайте, он не только описывает процесс, но и дает гневную отповедь всем усомнившимся.

А потом подумал: «А приходил-то кто? Почему не присмотрелся? Внешность у человека заурядная, вид неприметный, ну а вдруг?» Никак не могу себе простить, всегда горжусь своей наблюдательностью, своим умением не упускать из вида любую мелочь, а тут не догадался обратить внимание на его запястья, нет ли на них каких-нибудь следов. Или на предплечья, точно не могу сказать, куда римляне вбивали гвоздь. Может, не зря на его руке были часы с широким браслетом? Часы почему-то заметил, на правой руке, как у Путина. Пусть его мамаша и пьянь, но кто сказал, что Дева Мария была активистом общества трезвости? Ведь если посмотреть на картину Микеланджело Меризи по прозвищу Караваджо: «Успение Пресвятой Богородицы», в этом засомневаешься. Там, где на картине вопреки всем канонам усопшая Богородица изображена в виде опухшей молодой женщины с раздутым животом, как при циррозе печени, распухшими ногами и с желтой кожей. Пусть, по слухам, она и написана с утопленницы, неизвестной проститутки, выловленной из Тибра. О святости усопшей на картине говорит только узкая полоска нимба над головой, которую сразу и не заметишь. Да еще, пожалуй, те же опухшие ноги, которые, кажется, висят над столом без опоры, или не гнутся от

окоченения, или же вознесения тела начинается снизу, с ног. В свое время специально даже сфотографировал фрагмент. Сволочь, конечно, был Караваджо, но в отсутствии образования его не обвинишь. Знал, как надо изображать Богородицу, но рисовал по-своему, как считал нужным. Гению простительно.

Как ни хотелось, но больше с сыном нерожавшей женщины встретиться не удалось, та отошла в иной мир. Была мысль подойти на похороны, посмотреть на него еще раз, но было неудобно.

Шаманизм

Однажды едва не поверил в шаманизм. Был такой случай. Лежит в реанимации очень тяжелый пациент, молодой мужик. Инсульт. Родня пытается хоть чем-то помочь. Семья из Красноярского края, из коренных сибиряков. Из тех сибиряков, которые жили там еще до покорения Сибири Ермаком. Объясняю им, что все, что в человеческих силах, на данный момент сделано. Остается молиться и надеяться на чудо. Пожалуйста – церковь напротив. Дочка пациента оказывается врачом и оценивает ситуацию трезво: шансов на выздоровление, даже на частичное восстановление подвижности, нет. Однако родня приводит священника. Тот, почитав молитву, уходит. Эффекта никакого. Жена спрашивает, а можно еще одного привести? Есть у них один знакомый служитель культа, должен завтра приехать. Да ради бога, вреда не будет. Пусть заходит.

На следующий день приходит настоящий шаман. Стоит перед дверьми в каком-то, даже не в шубе, не в малице, а в огромном меховом халате, в шапке с волчьим хвостом, в рубашке из кожи, весь обвешанный ленточками и амулетами. Притащил огромную сумку с реквизитом, бутылками воды, якобы из озера Байкал. Бубна с ним вроде не было. Ну кому что. Только попросил снять шубу, если можно, в реанимацию в шубе нельзя. Под шубой оказался щупленький мужичок в тельняшке, с зоновскими татуировками на предплечьях. Ритуал был недолгим. Что-то пропев на своем языке и бросив на кровать пару костяшек, шаман вдруг на чистом русском языке спросил, а когда он умрет? Тут я удивился. Смертельный исход в тот момент был маловероятен. Скорее всего, больного ждала долгая вегетативная жизнь.

– Да нет, – ответил шаман, – умрет он обязательно скоро. Только я не вижу – когда, через неделю или две? Не знаю, что сказать родне.

Ответить я не смог, но через неделю больной резко

ухудшился и на десятый день тихо переселился в долину предков. В чем тут дело – для меня загадка.

* * *

Один из постоянных посетителей нашей фабрики здоровья – Слава, мужик лет сорока, священник из Первопрестольной, который пытается по семейным обстоятельствам найти работу в Питере. Пока на подхвате, в местной церкви в штат не зачислен. Иногда проводит там службы, замещая заболевших батюшек. Не отказывается ни от одной, как он говорит, халтурки. Если кому из отцов лень ехать в ночи, соборовать умирающего, Слава всегда готов. Как-то я его встретил перед Пасхой, освящающим куличи в гипермаркете «Карусель». Иногда Слава попадает в больницу. При этом порой явно косит, но всегда просит аккуратно выписать больничный. Видимо, у них в небесной канцелярии учет поставлен строго. Из уважения к сану на его закосы обычно закрываем глаза, пусть полежит. Зато есть время с ним побеседовать о вопросах теологии, рассказывает он интересно:

– Ты хочешь знать, в чем тут отличие от католицизма? А я сам не знаю. Это все блаженный Августин, не читал его? И не надо. Шизофреник он был отъявленный. Это он все так запутал. Что до сих пор разобраться не можем.

И в отделении старается вовсю. С палатой, в которой он лежит, проблем обычно нет. К обходу все больные на месте, ждут. При входе врача святой отец командует:

– Быстро оторвали свои жопы от кроватей, врач пришел. Лишних вопросов никому не задавать, врачу некогда, для вас, грешников, он нынче у господа заместитель.

В качестве бонуса за правильное поведение имеет свободный выход. Иногда просто погулять. Летом частенько приносит мешок белых грибов. На вопрос, где взял, объясняет:

– Да я, помолясь, обошел вокруг больницы, набрал.

Иногда отпускал его на 2–3 дня. Если честно, признается в причине отлучки:

– Доктор, есть халтурка. Один состоятельный клиент заказал соборование жены, в долгу не останусь. Не обманывает.

Не настаивает, чтоб ты приходил в церковь. Просто советует:

– Заходите, посмотреть. Это храм XXI века. Дом для паломников открыли.

В храме добротный евроремонт. Итальянский кафель.

– А с каких это пор у нас центр православия? Откуда паломники возьмутся? Население у нас в округе наполовину

финское. Тут чудеса нужны. А то у нас, кроме алкоголизма, никаких чудес.

– Чудеса будут, – уверенно отвечает Слава, – за чудесами дело не станет. Вот нам одна старушка принесла две иконки. Старые, потемневшие. Никто разобрать не мог, что за иконы, чей лик написан. Мы их отдали в сумасшедший дом. Там больные так истово молились на них, что лик просветлел, оказалось – архистратиг Михаил, покровитель наш небесный. Я сам по образованию реставратор, могу точно утверждать, что это чудо.

Церковь кстати и называется «Архистратига Михаила и всех небесных сил бесплотных». На ближайшей автобусной остановке стоял ларек с указателем: «Приход церкви архистратига Михаила и т. д.». В ларьке, чтобы скрасить ожидание автобуса, продавали водку. Одно время торговал ее, кстати, некий Аркадий, тоже священник из местной церкви. Само собой, в свободное от службы время. У многих приход от его водки был очень даже неплохой.

Жаль, что Слава действительно болен. Цирроз печени. Пока компенсирован, но шутить бы не стоило.

– Прискорбно, – сказал Слава, узнав о диагнозе. – Прискорбно, ведь еще выпил меньше, чем хотелось бы.

Однако это не мешает ему сохранять оптимизм и веру в будущее. В грех уныния не впадает, то есть пьет. И тогда попадает на травматологическое отделение уже серьезно. Отслужив как-то обедню, прочитав проповедь так, что заслушаешься, вышел на крыльцо благословить прихожан. И с крыльца… Встать уже не смог. Очнулся только у нас через несколько дней. Иду по отделению мимо, смотрю, у кого-то из-под бинтов торчит борода, сразу видно, что поп. Присмотревшись, узнаю знакомого:

– Доколе, – говорю, – батюшка, будем со змием сражаться? Не пора ли отступить, пусть иные борются? Ведь без водочки и на сей раз наверняка не обошлось.

– Было, было, каюсь, – отвечает батюшка, – надеюсь, на сей раз вразумит господь, мне б только к празднику выписаться. Пасха через неделю.

– Да пасха позавчера была, – говорю я ему, – а лежать тебе еще неделю. Лучше вспоминай, куда пять дней подевались. Отец загрустил, не выгонят ли с работы. С работой сейчас везде тяжело. Но старший священник у нас гуманен. К алкоголизму относится с пониманием. Сам порой во дворе церкви лихо отплясывает в присядку под «Мурку», поставив стереосистему на колокольню.

* * *

Зашел в католический храм, прослушал мессу. Послушал органную музыку. Священник, удивительно напоминающий солдата Швейка, честно отработал службу, в конце предложил вместе прочесть молитву. Давайте, говорит, попроще, «Отче наш», ее должны знать все. Народ встал, шевелит губами, а мне стыдно, слов молитвы не помню вообще. От стыда краснеть пока еще не научился, поэтому стою, молчу. Странно, читал ведь не раз, а вот чтобы запомнить… Даже в голову не приходило. И на память вроде не жалуюсь, попроси «Медного всадника» наизусть прочесть, не говоря уже о Луке Мудищеве, прочту, даже и с удовольствием. Хотя нет, «Медного всадника» целиком могу не вспомнить, но вступление вспомню наверняка.

После молитвы подходит священник:

– Вы католик?

– Да нет…

– Просто я не в первый раз вижу вас в храме. Но, даже если вы не католик, вы ведь христианин, стыдно вам не знать ни одной молитвы. Выучите хоть «Отче наш».

– Постараюсь.

Стою, думаю, а разве доказано, что молитва в стандартной форме лучше доходит до назначения, чем в произвольной? Не слышал, чтоб проводились на эту тему исследования, особенно исследования серьезные, рандомизированные. Да и как оценить эффективность? В дискуссию вступать нет желания, но отца потянуло на разговоры. Не удивлюсь, если отец успел вкусить даров.

– Вот вы кто по профессии?

– Типа как врач.

– Ну тогда тем более, тем более тогда вам надо знать слова молитвы для утешения.

Эх, знал бы ты, отче, как редко кого из моих ангелов молитвой утешешь. Потребны иные средства. Священник протягивает визитку:

– Но вы все-таки к нам приходите, у нас интересно, органные концерты, классика. Вот, возьмите, тут наш адрес, скоро на сайте будет расписание.

– Спасибо, зайду.

* * *

Был случай, согрешил. Нарушил слово, данное священнику. Жду кары.

Было так. Перед Рождеством из местной церкви исчез дьякон.

Ушел после службы домой и пропал. Через день пришел настоятель, просил, что если его привезут в больницу, или просто попадется похожий на дьякона неизвестный – позвонить. Я пообещал. Их дьякон фигура заметная. Мужик лет 30, двухметрового роста, с бородой до пояса.

Дьякона привезли позавчера. «Скорая» нашла его в лесочке у соседнего поселка, с отмороженными ногами и, естественно – с белой горячкой. Привезли как неизвестного. Кроме креста и семейных сатиновых трусов, на нем ничего не было. Но то, что это дьякон, понятно было сразу по одним трусам. Непонятно, как он оказался в этом поселке, где, кроме коровника, в котором живут и работают десятка два таджичек, другого населения давно уже нет. В бреду парень повторял, что там его девы хотели убить. Похоже, убийство планировалось извращенное. Ряса была снята и утеряна.

Всю ночь дьякон бредил. В бреду читал молитвы. Плакал. Просил прощения у своей жены. Рядом, на соседней койке, в унисон бредил отставной прапорщик. Бредил матом.

Даже жалко стало парня. Неприятностей на работе не миновать. С утра позвонил его жене. Думал, может, заберет домой, выходит, а там и удастся скрыть от руководства сей прискорбный факт. Но супруга известие о находке встретила равнодушно:

– А хер с ним, не в первый раз, – говорит. – Опять на блядки повело. Пусть лечится.

Не стал я звонить настоятелю. Хотя сам узнает. Поселок небольшой. Теперь жду наказания.

Муфтий

Захотелось написать детективный рассказ. Разбирая в выходные свои старые записи, наткнулся на жуткую историю. Оказалось, что не только не умею, но даже не представляю, как это делается. Злодейство было совершено страшное по своему цинизму, но настолько явное, что никакой интриги в раскрытии нет. Ну и пусть будет как есть.

После праздников задумался. Есть ли какой-нибудь род занятий, спасающий человека от алкогольного психоза. Например, ни разу в жизни не видел ни одного раввина с делирием. Ну это еще объяснимо редкостью профессии. Есть ли они вообще в нашей области. Муфтий вот как-то попался. Чуть не поимел я в свое время из-за него неприятностей. Написал он на меня два заявления. Первое – в суд за клевету, второе – в

милицию за кражу бороды.

Вначале пришел знакомый оперок из местного райотдела.

– Слушай, – говорит, – тут какой-то полный бред. Пришел чувак, написал заяву, что у него бороду украли. Утверждает, что в вашей больнице. Требует разыскать.

В заявлении было написано, что он, то есть муфтий, поступил в больницу совершенно трезвый. В больнице его цинично привязали голого к кровати, унижали достоинство, отрезали бороду. Поскольку он не просто правоверный мусульманин, но еще и муфтий, алкоголя в жизни никогда не употреблял. Это клевета. Кражу бороды воспринимает как высшую степень унижения. С таким позором он дальше жить просто не может.

Во всем заявлении правдой была только пропажа бороды. Поступил он как неизвестный. Грязный бородатый мужик, пьяный в дупель. Ни фамилии, ни возраста. При поступлении алкотестер в приемном отделении зашкалил. Больше пяти промилле алкоголя в крови. Лежал он действительно привязанный, потому как, протрезвев, выдал страшный психоз. Бредил на каком-то тюркском языке. При этом жевал свою полуметровую бороду. Когда он набил себе полный рот волос и реально стал задыхаться – борода была обрезана до безопасной величины. Никому и в голову прийти не могло, что он муфтий. После стрижки мужик неожиданно помолодел. На вид ему оказалось не более 30. На третий или четвертый день он пришел в себя, был опознан женой и отпущен домой под расписку.

Возбуждать дело по такому заявлению оперу явно не хотелось. Если я пойду в отказ, придется ему долго искать эту бороду. Идиотом выглядеть явно не хотелось. Решили мы так. Пока не писать никаких протоколов, а если мужик будет настаивать, организовать нам встречу. Я ему объясню, как все это было.

Через пару дней опер позвонил, просил зайти. Правоверный уже сидел в его кабинете вместе с женой. Меня встретил фразой:

– Я не пил.

Я спорить не стал. Выложил перед ним ксерокопию истории болезни, анализов на алкоголь, выписку, заключение психиатра. Можешь отрицать.

Муфтий недовольно сопит:

– Я не пил. Я мусульманин. Меня заперли в какой-то квартире. Меня били. Мне водка лили в рот.

Говорил он с легким акцентом. Интересная ситуация.

– Мужик, – говорю я ему, – я соглашусь, что ты был трезвый, как стеклышко, только ты скажи мне адрес этой квартиры. Поверь, бить никого из нас не придется, завтра там у дверей

будет стоять очередь.

Продолжает сопеть.

– Хорошо, а где моя борода?

Тут не выдержал мент:

– Спиздили! Спиздили, блядь, твою бороду! Если ты сейчас же не заберешь заявление, самого тебя привлеку. Тут за вашими братьями уже накопилось. И на тебя хватит.

Меня попросил выйти. Если будет нужно, вызовет еще раз. Но больше по этому поводу не звонил. Из суда повестки тоже не приходило.

Изгнание бесов

Вызывают в приемное отделение. Женщина средних лет, якобы инсульт. Так написано в сопроводительном талоне «Скорой помощи». При первом взгляде ясно, что инсульта здесь и близко нет. А у больной кататония. То, что называется иногда ступором. Тонус мышц нормальный. Придав ей позу прыгуна в длину, которую она с легкостью удерживала, собрался уходить. Дежурный терапевт не понял моих манипуляций и робко спросил, а что это.

– Да шизофрения это в чистом виде, отправляй ее в дурдом.

Тут терапевт жалобно заскулил, ссылаясь на трудности госпитализации в психушку, о невозможность держать сумасшедшего на общем отделении. Места у меня в реанимации были, сжалился, взял ее до утра к себе.

В реанимации больная разговорилась. Щебетала на каком-то птичьем языке. Выходили звуки типа: «Кыырвы пыырвы тырвы быр, мырвы тырвы шырмы выр». И так весь вечер без остановки. Совершенно не смешно. Разорванность мышления дошла до предела, разорванность была внутри каждого слова.

– Ты полежи, пощебечи тут с полчасика, – сказал я больной, – я пойду покурю, а после поговорим.

Когда вернулся, в речи стали проскакивать человеческие фразы.

– Что за язык? – спросил я.

– Это забытый язык древних эльфов, его знаю только я, вам его не понять, – отвечала больная.

Больше у меня вопросов не было. Наверняка в диспансере о ней знают. Завтра позвоню, пусть выпишут направление в психиатрическую больницу.

Вечером звонок в дверь. На пороге стоит один из священников местной церкви. Одет по гражданке, но я его знаю,

да и по лицу видно, что поп.

– Вы к кому, святой отец? – спрашиваю.

– Я к Кисловой.

– Бесов изгонять? Так вроде не вызывали.

– Да нет, я хотел узнать, как она. Я ее сын. А вы и дядю моего наверняка знаете.

Тут мне стало несколько неловко. Вспомнил, что действительно, некий Кислов – постоянный наш клиент. Занимается самолечением. Допивается регулярно до белой горячки. Шизофрению лечит водкой, довольно успешно, хоть такой способ нашей психиатрией и не одобряется. Та еще семейка. Кто из них самый нормальный, еще вопрос. Правда, вскоре их осталось только двое. Дядя в очередной раз получал курс лечения и помер у нас от алкогольного делирия. А попа с работы настоятель, кажется, выгнал. Не знаю уж, за что. Но больше в нашей церкви я его не видел.

Совет

Хочу дать совет тем, кому срочно нужно сделать в Петербурге компьютерную томограмму черепа. У кого нет времени сидеть в очередях или нет денег, чтобы сделать ее платно. Для этого нужно:

1. Выпить водки (пива, вина, другой спиртсодержащей жидкости. Если совсем никак, то достаточно прополоскать рот для запаха).

2. Поцарапать лицо. Можно просто тенями нарисовать синяк под глазом. Синяк хорошо изображается с помощью куска свинца, например рыболовного грузила. Достаточно несколько раз потереть им по скуле.

3. Лечь на скамеечку в районе Купчино, лучше это сделать севернее проспекта Славы и вызвать «Скорую помощь». Та автоматически пьяного битого гражданина (гражданку) отвезет в НИИ Скорой помощи на Будапештской 3.

Далее все просто. По приказу тамошнего главного врача всем, поступающим с любой, даже самой копеечной, травмой черепа, в алкогольном опьянении, производится КТ головного мозга. Томограф там стоит современный, качество томограмм на уровне. Вот и все. Кто не верит – может спросить у сотрудников института, те подтвердят. Известен местный бомж, зовут Василий, который ночует в ближайших кустах у железной дороги и регулярно доставляется в приемное отделение НИИ. В течение этого лета ему было сделана томография черепа 31 раз(!). Это

было в середине июля, когда местный рентгенолог, матерясь, доставал пачку предыдущих томограмм для сравнения. Сейчас должно быть больше. И ничего, пока нимба, никакого свечения вокруг головы бомжа пока не наблюдается.

* * *

Дефицит среднего медперсонала приводит к последствиям: большинство медсестер – студенты. Мало что нет опыта, но нет еще способности к осмыслению указаний врача. Одному говоришь:

– Липучки наклей.

– Какие липучки?

Приходится объяснять, что для электродов ЭКГ, где их взять, сколько штук. Хотя в этот момент идут попытки реанимации организма, надо все делать быстро. Приносит, спрашивает:

– А куда клеить?

Тут выдержка заканчивается:

– Да ты хоть на хер их наклей, только побыстрее!

Понимает буквально, и клеит, куда сказано. Хотя, может быть это новый вид ЭКГ отведения? Так его и назвали, херовое отведение.

Первый учитель

Не понятно, во что хотят превратить нашу богадельню? Организовалась база кафедры, носится стайка ординаторов, профессорские обходы. Разбор больных. На обходах требуют академизма. Мы и слова такие забыли говорить: «коррекция нарушений водно-электролитного баланса», «проведение электроимпульсной терапии». Можно ведь короче, проще: «долить», «стукнуть». Один черт, народ как дохнет от суррогатов, так и продолжает. Какой у данного пациента патогенез острой почечной недостаточности? Какой такой патогенез? И так понятно, какой патогенез. Денатурат. Ничего, скоро отольет, на том свете. В кущах.

Согласился провести несколько занятий со студентами. Деньги обещали небольшие, но нелишние и работа много времени не занимает. Говорят, некий опыт у тебя есть. Поначалу боялся, что слушать меня не будут, теорию я основательно подзабыл. Но практических советов дать могу. Чего делать можно, а главное – чего нельзя, но приходится. Записывают.

Сомневаюсь, что смогу чему-то научить, а вот показать, с какой публикой вы будете иметь дело, это я обещаю, это вы увидите. Среди студентов и ординаторов много приезжих, особенно туркменов. Странно, но в последнее время жители Туркмении, с которыми приходится встречаться, обычно приезжают к нам учиться. А узбеки и таджики – копать канавы и мести тротуары.

Похоже, что у меня появился свой персональный врач-интерн из Туркмении. Постоянно ходит за мной с блокнотиком, чего-то записывает. Говорит: «Вы очень хорошо объясняете, все понятно. Нас так не учили». Думаю, ну чего он там пишет? Разговариваю я просто, часто матом. Умных слов не говорю. Подсмотрел в его блокнот. На страничке записаны советы, как правильно и без осложнений ставить подключичный катетер: «иглу вводить прямо, направление после вкола не менять, рука должна быть твердой, как шанкр».

Эх жаль, звали на кафедру, преподавать, отказался… Похоже, зря…

В приемном отделении на полу лежит бомж. Воняет от него смесью сгнившего дерьма, мочи и перегара. Организм разлагается заживо. Издали кажется, что волосы покрыты благородной сединой. При ближайшем осмотре пряди седых волос оказываются гроздьями гнид. Живых вшей мало. Самые активные уже расползлись в поисках нового, более перспективного хозяина. Оставшиеся потянулись к подошедшему слишком близко студенту, почуяв человеческое тепло.

Первый признак приближающейся смерти у бомжей – это расползающиеся в разные стороны вши. Признак самый ранний и самый надежный. Бомж явно обречен. Обречен уже по той причине, что добрые люди доставили его в больницу. Со вшами я его к себе в реанимацию взять не могу. Но, как только его избавишь от вшей, после обработки бомж сразу умрет. Это закон, это проверенный факт. Друг без друга они жить не могу, это называется облигатный симбиоз. А на улице в своей среде обитания бомж мог бы прожить еще. Приходится отвечать на вопросы: почему?

– Ну, на этот счет есть теории, но проверкой их заниматься никому в голову не приходило. Требуются недешевые анализы. Просто это абсолютный факт, и все. По моей теории он погибает от острой надпочечниковой недостаточности. Вши, кусая кожу, стимулируют рецепторы, заставляя пораженные туберкулезом и водкой надпочечники выжимать остатки кортизола. Стимуляция кончается, заканчиваются стероиды, неуправляемое падение давления и смерть. Я пробовал вводить им ударные дозы гормонов, вроде помогает, на какое-то время оттягивает конец.

Но исход все равно один, если придется лечить острую надпочечниковую недостаточность, поймете, какое это дело трудное и редко благодарное.

Начинается ругань с персоналом приемного отделения. Их тоже можно понять, труп в приемном никому не нужен. Даю честное слово, что если бомж сдохнет у них в процессе санобработки, смерть беру на себя. Провожу его по документам через реанимацию. Мне верят. Тут я слово всегда держу.

Две тетки-санитарки с помощью стропальных крюков, матерясь, волокут тело по полу к санитарной комнате. Третья следом заметает следы волочения шваброй, обильно смоченной раствором хлорамина. Теми же крюками разрывается одежда. Бомж еще сохраняет способность шевелиться, пытается самостоятельно забраться в больничное джакузи.

– 245-ю по полу тянут, – комментирует один из студентов.

Интересно, надо будет уточнить, кого он имел в виду под животными, бомжа или вшей. 245-я статья УК предусматривает наказание за жестокое обращение с животными. Перспективный мальчик.

– Мыться, сука, – кричит санитарка и начинает обливать бомжа из шланга струей холодной воды под напором. Горячую воду подавать сразу нельзя. Санитарка опытная, знает, что от горячей воды может слезть кожа.

Постепенно температура воды повышается. Бомж забирается в ванну, получает кусок мыла, ветошь, бритву и задание: отмыться и сбрить все волосы. Периодически заглядываем, наблюдаем за процессом, смотрим, как бомж плещется в теплой воде. По краям ванны образуется кровавый ободок из раздавленных вшей. Студенты радуются, думая, что я ошибся в отношении смерти. Ничего я не ошибся. Через час в ванне плавает отмытый чистенький труп.

Трудно, молодежь удивляется уровню гоблинизации населения. Не вполне доверяет, считая, что наговариваю я на больных. Жалко лишать иллюзий, но приходится выступать в роли разрушителя мифов. Сам я в их возрасте уже утратил способность удивляться глубине интеллекта иных представителей новой исторической общности людей под названием «советский народ». Рассказал случай про то, как работал во время института санитаром. Одна из задач была вечером раздать баночки для анализов мочи, дерьма и прочих испражнений, а утром отнести их в лабораторию. Для этих целей веками во всех больницах служат ящики с ручкой, используемые кроме санитаров исключительно плотниками. Одному мужичку принес стеклянную банку, на которую аккуратно наклеил сигнатурку – «мокрота на

ВК», то есть на микобактерию туберкулеза. Мокроты товарищ выделял много, у товарища разрешалась абсцедирующая пневмония, но, по моим расчетам, двухлитровой банки должно было хватить. Объясняю, что он должен в течение всего дня сплевывать мокроту в эту баночку, утром плотно закрыть ее крышечкой и поставить в ящик у входа. Ящик показал. Мудила спросил, чего ему сплевывать. Я удивился, но повторил инструкцию еще раз. Тот снова не понял. Тут до меня дошло, что слово «мокрота» козел слышит в первый раз. Объяснил проще:

– Ты, – говорю, харкотину свою сюда сплевывай, главное – в ящик поставить не забудь. Понял?

– Ну так бы и говорил, а то какая-то мокрота, мокрота.

Слово «мокрота» он произносил с ударением на последнем слоге. Наутро собираюсь в лабораторию, подхожу к ящику. В нем стоит двухлитровая банка, молодец, думаю, не забыл, но до самого верха наполненная дерьмом. Судя по слоистости, разнице в цветах и консистенции, хезал он в эту банку не менее трех раз. Снаружи стенки банки тоже были в дерьме. Понятно, что банка не унитаз и жопа не влезет. Искать по отделению гоблина уже было некогда. В руки эту банку брать не хотелось. Так и отнес в лабораторию с надписью на этикетке: «Анализ мокроты». Пусть там поищут бактерии туберкулеза.

Рассказал эту историю студентам, притихли.

Объясняю студентам, что небольшая доза фамильярности при общении с нашей публикой не повредит. Народу это нравится, народ это ценит. С народом надо говорить на языке простом, понятном людям. Пример подвернулся. В приемном отделении скандалит мадам, требуя, чтоб ее сына осмотрели вне очереди. Сыну лет пятнадцать. У него по какой-то причине опухло яйцо. Хирург занят более тяжелым пациентом. Маман переходит на крик, угрожая жалобой. Решил выручить коллегу, хотя бы потянуть время. Спрашиваю, а почему вы его привели, а не папа? Почему с вопросом про свою мошонку он обратился не к папе, а к вам? Мадам отвечает, что сын потому обратился к ней, что он ей доверяет. Да нет, говорю, скорее всего, он понимает, что папа в отличие от вас чужие яйца видел только разве что издали, и то если в баню ходит. Претензии со стороны мамаши неожиданно прекратились. Поняла, что тут жаловаться бесполезно.

Что мне больше всего импонирует в молодежи, что поражает, так это быстрота и логика мышления иных клинического ординатора. Хочется выяснить глубину познаний, полученных в институте, так сказать, базовый уровень. Задаю простой вопрос:

– Так, сколько камер в сердце у человека?

– Две! Да? Нет – три. Ой, нет, четыре!

– Правильно, молодец. А что является причиной инфаркта?

– Инфаркт? Ну это когда желудочек не качает кровь и она не поступает в предсердие. Так? Нет. Это когда, наоборот, кровь не поступает в желудочек. Не правильно? Ну еще инфаркт возникает, когда у человека нет коронарных артерий.

– Совсем нет?

– Совсем.

– А как же он живет?

– А он и не живет, он умирает.

– Правильно, без коронарных артерий люди умирают, наверное, еще задолго до рождения. А почему?

– Как почему? Кровь не поступает к предсердию, нет, к правому желудочку. Нет, к левому.

– Хорошо, а сколько коронарных артерий у человека?

– Две? Нет. Три? Нет?

– Ну хорошо, пусть будет три. А как происходит кровоснабжение миокарда? Есть, например, такое животное, называется «змея». Вот у змеи вообще нет коронарных артерий, но при этом змеи никогда не болеют инфарктом. Как думаете, почему?

– Почему? Не знаю, надо подумать. А при чем тут змея? К нам разве змеи в больницу поступают? Ой, а я змей боюсь.

– Еще как поступают, иногда придешь на работу, а у нас полный серпентарий. Даже шипят.

– А что такое серпентарий?

– По-русски – гадюшник.

А еще импонирует стремление клинических ординаторов быстрей овладеть практическими навыками. Казалось бы, что нужно уметь анестезиологу? Главное – умение запихивать все, что возможно запихнуть, туда, куда это только возможно. Во все естественные и не очень естественные, отверстия. Научишься запихивать трубку в трахею, все, можешь считать себя классным анестезиологом. Даже не стоит заморачиваться такими вопросами: кому запихивать, когда и зачем.

Ординатор просит:

– А можно я домой возьму набор для катетеризации центральных вен?

– А зачем тебе?

– Я бы хотела дома поучиться…

– Ну надеюсь не на людях? Если хочешь, возьми старый, у которого срок годности закончился. Там где-то в кладовке валяются, спроси у сестер.

На следующий день ординатор спешит показать владение

приобретенным навыком:

– А можно я больному подключичку поставлю? Я вчера весь вечер тренировалась.

– На ком?! На муже?

– Нет, на плюшевом мишке.

– Ну и как. Попала ему в вену?

В один из дней не выдерживаю окончательно, состоялся примерно такой диалог с группой моих студентов пятого курс мединститута. Задают вопрос:

– А зачем бабушке удалили селезенку?

– Случайно задели, при операции. Стала кровоточить, вот и удалили.

– А что теперь будет?

– Ничего не будет. В ее возрасте селезенка не нужна. Сможет подписываться как Чехов в молодости: «Человек без селезенки».

– А почему он так подписывался?

– Не знаю. Наверное считал, что так смешно. В его времена о функции селезенки не знали.

Удивление.

– А что, Чехов был врачом?

– Был.

– А кто такой Чехов?

– ……(лексика)

Видимо Чехов не планируется для президентского сборника великих писателей России.

* * *

Наркоман просыпается после передозировки. Ночь провел на ИВЛ под релаксантами, возможно, что давно был сознании. Это даже хорошо, было время подумать. Первая просьба:

– Мне срочно надо позвонить другу.

– Из подсказок можем предложить только помощь зала.

– Нет!!!!!!!! – и голым убегает из отделения. Домой. Редкий случай, когда не пытаемся удержать. Лето, не простудится.

Справка из диспансера

Госнаркоконтроль потребовал справки для допуска к работе с наркотиками, от нарколога, от психиатра. Отпросившись пораньше с работы, поехал искать свой районный психдиспансер.

Немного удивился тому, что диспансер, расположенный в соседнем со мной доме, в Приморском районе, Приморский район не обслуживает. А обслуживает Выборгский и неизвестно, где находящийся, Калининский. А мой районный диспансер находится совсем в другом районе, почему-то на Петроградской стороне. Нашел его с трудом, поколесив по узким петроградским улочкам. Отстояв солидную очередь в регистратуре, услышал в окошко:

– Мы таких справок не выдаем. Идите к врачу.

Узнав номер кабинета районного психиатра, поднимаюсь на третий этаж. Очередь. По лицам посетителей видно, что без очереди не пропустят. Два часа слушал диалог двух дам, которые обсуждали нюансы действия нейролептиков. Узнал много нового о психофармакологии. Одна из женщин доказывала, что тизерцин без циклодола ей не идет, а циклодол ей не выписывают, потому что от него у нее бывают «видения», о том, что френолон мягче, но от него появляется некое гнетущее равнодушие к близким и его легко передозировать. Наконец, все же прорвался в кабинет к врачу. За столом сидела бабушка лет восьмидесяти. Сразу понятно, что если у бабули и были какие-то проявления особенностей личности, свойственные почти всем психиатрам, то они давно растворились и утонули в глубине маразма. Глядя на меня через очки-линзы, бабушка осведомилась о цели моего визита. Сказал, что мне всего лишь нужна справка о том, что на учете не состою.

– Хорошо, – ответила она, – давайте мне свою розовую бумажку. Я подпишу.

– Какую бумажку?

– Ну вам должны были ее выдать в регистратуре. Сходите, возьмите.

Отправляюсь вниз. Снова очередь. Не имея представления, что это такое, прошу у регистратора розовую бумажку. Та спрашивает:

– А вы у врача были?

– Был.

– А где справка? Идите снова к врачу и принесите справку.

Поднимаюсь на третий этаж. Очередь уже не занимаю, жду в стороне. Как только открывается дверь в кабинет, быстро туда забегаю.

– В регистратуре не дают никакой розовой бумажки. Требуют от вас справки.

– Вы что, первый раз, не знаете правил? Без розовой бумажки я вам справки не выпишу. Идите, потребуйте.

Спускаюсь, иду требовать. Долго объясняю, для чего мне

нужна только справка, что я не состою на учете. А болен я или здоров, это не важно. Наконец мне выдают какой-то бланк розового цвета. И отправляют к врачу. Поняв, что сейчас прием закончится, уже без очереди нагло внедряюсь в кабинет. Доктор:

– Садитесь. Что беспокоит?

На шутки сил уже не осталось. Отвечаю честно, что ничего. Говорю, что сплю нормально, голоса давно не беспокоят. Я к ним уже привык.

– А чего же вы пришли?

– Мне справка нужна. Для наркоконтроля. А меня уже третий час гоняют у вас по этажам.

– А вы что, не знаете, где вы живете?

– Да знаю, – говорю я ей, – в сумасшедшем доме живу, можете адрес в паспорте прочитать.

Надо сказать, что живу я в районе Удельной, где самой известной достопримечательностью является психиатрическая больница № 4. Самый большой и самый старый в России и Европе сумасшедший дом имени Скворцова-Степанова. В народе – Скворечник. И мой дом расположен рядом с территорией этой больницы. Адрес отличается только наличием у дома корпуса.

Доктор разглядывает штамп в паспорте сквозь свои увеличительные стекла. Смотрит на меня, смотрит на паспорт, вертит его в руках, потом спрашивает:

– Интересно… А почему у вас паспорт на руках?

Объясняю ей, что давно уже там нахожусь и пользуюсь некоторой свободой. Мне доверяют, разрешают прогулки не только внутри больницы, где психи прогуливаются в специальных загородках под присмотром тренера. Меня иногда выпускают на волю. Доктор:

– Да вы, наверное, меня разыгрываете. Там, кажется, есть жилые дома. Вы должны Надежду Петровну знать. Она там живет.

Признаюсь, что не знаю никакой Надежды Петровны. Рядом с моим еще три жилых дома с таким же номером. Когда-то они преназначались для сотрудников больницы. Тех бывших сотрудников, которые еще там остались, можно смело переселять за ограду больницы.

– Ну может вы и не знаете. Она где-то там в 60-м квартиру получила. Может, уже и умерла. Жаль. Хорошая была женщина.

Подписывает розовый бланк и снова отправляет в регистратуру. Ставить печать.

* * *

Фармацевты сделали подарок на Новый год, подарили халат с логотипом фирмы. Хороший халат, прочный. Надпись на кармане селяне принимают за бейджик, обращаясь вежливо:

– Уважаемый Гедеон Рихтерович, не будете ли Вы так любезны…

Гуманитарная помощь

В новостях по телевизору показывают доставку нашими военными французской гуманитарной помощи в Сирию. Лекарства, инструменты. На тему гуманитарной помощи почему-то сразу вспоминаю середину 90-х, вспоминаю двух наших бомжей, которые копались в мусорном баке рядом с Военно-медицинской академией. Часто на остановке у ВМА приходилось стоять, ждать автобус и смотреть на эту картину. Тогда нашим военным тоже пришла гуманитарная помощь из Франции. Французы прислали лекарств, прислали в основном те, у которых кончался срок годности. В массе для военных медиков в большом количестве не нужные, какие-то средства от кашля, от аллергии. Но разобраться во французских препаратах воякам оказалось не под силу. Названия на них были написаны исключительно коммерческие, нам не знакомые, а в аннотациях указывалось только химическое название, длиной в две-три строчки, без международного, и, от чего служило средство, понять было трудно. И от греха незнакомые лекарства выбросили в помойку на радость бомжам. Надо сказать, что у французов выпускается много микстур, порой весьма приятных на вкус. Хотя у них в аптеках, кроме косметики, без рецепта ты купишь всего три вещи: аспирин, презерватив и тест на беременность. Сочетание понятное, пей аспирин от головной боли, если подведет презерватив и тест окажется положительным. Так вот, бомжей интересовали исключительно жидкие лекарственные формы. Один брал пузырек, нюхал, пробовал языком на вкус. Если органолептика устраивала, разворачивалась аннотация, а она там подробная, на несколько листов. На французском языке. Вдвоем они читали сложные места вслух, обсуждали, и, если состав устраивал, оба согласно кивали головами, и пузырек опускался в приготовленную торбу. Не устраивал препарат летел обратно в помойку. И почему-то мне кажется, что выбор они делали правильный, по крайней мере, на следующий день приходили разбирать новую порцию гуманитарной помощи.

А вот разберут ли сирийцы, не знаю.

* * *

Никогда не страдал склонностью к абсолютному порядку, не стремился, чтобы все было разложено по своим местам, но вчера спрашиваю:

– А чего это за сверток с бельем лежит на каталке для трупов?

– А это, – говорят, – не сверток, это бабушка. После ампутации обеих ног она короче стала наполовину. Это ее полутруп.

Порядок

На работе коллега жалуется на окружающий бардак:

– Вот сколько я уже как с армии уволился, а все никак мне тут не привыкнуть. Что у нас тут творится в больнице, не понимаю, в армии такого нет. В армии порядок.

В качестве убедительного примера рассказывает историю.

– Я еще был лейтенантом, служил под Уфой. Вызывает начальник госпиталя, полковник. Приказ:

– Значит так, через час должен быть на аэродроме, шприц тебя уже ждет, летишь в Читу, там на аэродроме тебя встретят, забираешь там больного и сразу обратно. К вечеру должен вернуться.

Шприцом у нас называли санитарный самолет. В общем, еду в аэропорт, никакого самолета там, естественно, нету, звоню полковнику:

– Так мол, и так, какие будут указания?

Отвечает:

– Жди, сейчас будет. Звоню домой:

– Знаешь, если сегодня вернусь, то поздно, командировка. В общем, к вечеру шприц прилетел, лечу в Читу. Прилетаем ночью, никто меня, понятное дело, не встречает. Трачу почти все деньги на такси, еду в какие-то ебеня, в госпиталь. Спрашиваю:

– Где такой-то? У меня приказ: доставить его в Уфу. Нету. Оказалось, что пострадавшего еще вчера утром отправили в Новосибирск. Только с утра дозваниваюсь полковнику, дома, сука, он трубку мобилы не берет:

– Лететь за ним в Новосибирск или нет?

– Увезли, говоришь? Ладно, возвращайся.

Снова еду на аэродром, шприц, естественно, улетел еще вчера. Билеты на гражданский рейс покупать не на что, осталось пятьсот рублей. Звоню опять:

– Товарищ полковник, денег нет на билеты. И ближайший рейс только завтра, и то остался лишь бизнес-класс. Он мне в ответ:

– Ладно, диктуй номер карты, деньги на билет переведут. Говори, сколько надо.

В общем, на следующий день сел в самолет, лечу домой. Бизнес-класс удобно, хотя бы ноги можно вытянуть. Смотрю, рядом тетеньке водочки принесли, она попросила, типа того, что боится летать. А у меня все те же 500 рублей. Спрашиваю так осторожно:

– А почем тут водочка? – а в уме прикидываю, хватит ли мне хотя бы на 150. Да вы что, молодой человек, это же бизнес-класс, это бесплатно. И тут я понял, что такое бизнес-класс… У меня сразу такая аэрофобия развилась, никто ж не знает, что я в авиационной части служу. В общем, нарезались мы с этой тетенькой до соплей, прямо в аэропорту на мои пятьсот рублей коньяка взяли, поехали к ней домой. Дня через два весь синий являюсь на службу, ну, думаю, будет мне сейчас. Сидит мой начальник в кабинете, бухает с двумя полковниками, завтра они на охоту собрались куда-то лететь, обсуждают, естественно, сколько водки брать. Докладываю:

– Так, мол, и так, лейтенант такой-то по вашему приказанию… Полковник мне:

– Ты где был? Мы тут тебя искали.

– По вашему приказанию в Читу летал.

– Омуля привез?

– Нет, не привез.

– Как не привез? Ну а на хрена мы тебя тогда в Читу отправляли? Хотя… Ну ладно, иди, свободен.

– Вот это, я понимаю, порядок. Приказ есть – надо выполнять. А ты сердишься, что на тебя начмед наехала, что ты к бабушке гинеколога на консультацию не пригласил.

– Я не знаю, может, она чего перепутала? На хрена бабушке гинеколог, когда она капустой подавилась? Сказали бы спасибо, что мы ей капусту из трахеи достали, вроде дышит. Спасли, можно сказать, человеческую жизнь.

– Я, конечно, не знаю, зачем этой бабушке гинеколог, но тебе приказали, надо было позвать.

Галлюциноз

Вечером в приемное отделение забрел мужичок. По специальности слесарь, круглый год живет на даче в соседнем

поселке. Для слесаря весьма образован и артистичен. Пришел сам, добровольно. Жалобы изображает в лицах. Жалуется на слуховые галлюцинации. Говорит скороговоркой, торопится, пока слушают.

– Понимаете, живу на даче, приезжают друзья в гости, уезжают, а я остаюсь. Они меняются, а я нет. Утро начинается с «Блейзера», жажда, жажда, и покрепче, покрепче, покрепче. Так две недели. Три дня не пил. Вчера их услышал. То есть сейчас я понимаю, что это галлюцинации, не бойтесь, критика есть, а когда они разговаривают, то не поверите, настолько реально.

– Голоса-то знакомые?

– Да. Один – мой. Мой голос разговаривает с кем-то из моих друзей, ну с тем, с кем я выпивал. Друзья меняются. Я от себя пытался с ними в беседу вступить, но они на меня не обращают внимания. Очень тягостно, очень.

– А о чем же они говорят?

– Вы не поверите, слово в слово повторяют то, о чем мы разговаривали по пьянке. То есть дословно. И самое главное – не могу больше. Трезвому слушать то, о чем ты пьяный рассуждал, просто невыносимо, да-да, не выносимо. Такая чепуха. Так что я сам пришел. Связывать не надо, я сам пришел, не думайте, что я псих. Сейчас голосов нет, как только появятся – скажу.

– А опохмеляться грамотно не пробовали?

– Пробовал. Паллиатив, да паллиатив. Во-первых, один не пью, во-вторых, общение с голосами просто откладывается.

– А каких-то угроз со стороны голосов не было? Они ничего не приказывали сделать? – Очень не хотелось брать такого симпатичного человека в реанимацию, хотелось написать, что это хронический алкогольный галлюциноз. Народу в реанимации и без него хватало, лежало трое с горячкой, допившихся до паралича. Давно замечаю, что алкоголики чаще поступают с правосторонним гемипарезом. Видимо, поступают тогда, когда правой рукой не могут с утра поднять стакан. Иначе бы не обратили внимания, не работает левая рука, ну и черт с ней. Ни одного алкаша с ишемическим инсультом, с левосторонним парезом не встречал. Геморрагические попадались, но чаще в состоянии комы. Возможно, все еще впереди, сейчас левшей не переучивают.

– Да, были угрозы. Но я быстро понял, что это опять они, голоса. Слышу – за мной идут и между собой разговаривают бабушка с внучкой. Бабушка говорит:

– Возьми-ка ты, внучка, острую кость, и воткни ему в спину. А внучка отвечает:

– Бабушка, сейчас я возьму острую кость, да так ему воткну в

спину, что мало ему не покажется. Я обернулся – нет бабушки, я в кусты, все кусты осмотрел – нету. Точно галлюцинация, негде им там было скрыться.

Договорились с терапевтом: человек мотивирован лечиться, ни для кого не опасен, пусть пока полежит на отделении, до прихода психиатра. Он с утра звонил, обещал завтра быть. А если голоса придут раньше, чем доктор, сразу возьму в реанимацию.

* * *

Утро, обход в реанимации. Начмед:

– Начнем. Ваш заведующий предупредил, что задержится, сказал, что ему надо вечером по срочному делу в Москву слетать. Туда и обратно.

– Нам он сказал, что ему надо срочно слетать в Израиль, обещал за вечер успеть, туда и обратно.

Хирург:

– А нам чего-то говорил, что поедет мотоцикл покупать, хотел Ямаху, интересовался ценами, у меня там двое есть ребят, разбираются.

Начмед:

– Странно, куда же он полетел?

– Ничего странного. Куда-то полетел. Но думаю, что полет совершался исключительно в пределах черепной коробки.

Оксибутират натрия

С утра на работе встречают радостные лица.

– Что, – спрашиваю, – главного врача уволили?

– Да нет, интересней. Пойдем, посмотришь на человека, который вчера набил морду твоему любимому терапевту.

Избитого дежурного терапевта любил не только я один. По одному виду понятно, что он – конституциональный олигофрен. Своей целью поставил опровергнуть поговорку о том, что дуракам везет. Ему не везло. Он был способен находить неприятности на ровном месте. Подозреваю, что пытается опровергнуть и другие поговорки. Часто по вечерам отлить почему-то выходит на улицу, подолгу стоит у входа в приемное отделение, хотя не курит. Наверное, ждет достойного ветра, доказать, что против ветра справлять нужду все-таки можно. Кроме врожденного слабоумия, имеет еще несколько симпатичных черт, был существом злобным и мстительным. Все свои косяки, ошибки, пытается переложить на

остальных. При любом с ним конфликте первый бежит докладывать свою версию главному врачу. Кто первый доложил, тот и прав. Почему его до сих пор не могли уволить, было не понятно. Короче, нашелся человек, который сделал то, о чем все давно мечтали. И это был уникальный случай, когда наши пожелания совпали с интересами больничной администрации.

Клиент, такой не слабый боец лет тридцати пяти, лежит в общей палате. На вид спокойный, но учитывая тяжесть содеянного – жестко фиксированный. Диагноз при поступлении: «Передозировка оксибутиратом». В диагнозе ничего нового, обсаженных бутиратом или попросту «Бутиком» привозили каждый день. Иных наиболее активных потребителей царство им небесное, за день по три раза. Препарат популярный у молодежи по причине цены и доступности. Раньше использовался в анестезиологии как средство для вводного наркоза, но был почти забыт в связи с непредсказуемостью как в плане дозировки, так и времени начала действия. Но вот теперь нашел новое применение, обрел свою вторую жизнь.

Сразу возникают первые вопросы:

– А почему он лежит здесь, а не в отдельной палате? Люкс свободен. И почему его санитарке кормит с ложечки пшенной кашей? Ему нужно срочно, выписать 15-й стол, а лучше – спортивное питание. Я бы добавил анаболиков, немного инсулина перед едой для аппетита. Гантели потом принесу, после отдыха. Пусть тренируется, для него еще много работы.

Второй вопрос, уже непосредственно к пациенту:

– Ты зачем это сделал, мудила?

– Так я плохо помню, я под оксибутиратом был, а доктор, похоже, что нет. Я-то сначала подумал, что он тоже обсаженный, но, видно, он и по жизни с призвиздоном. Мы друг друга не поняли.

– Парень, ты только не уходи от нас, если хочешь, оксибутирата мы тебе нальем, на тебя же его и спишем. У нас оксибутират почище, чем та дрянь, которую вам разливают на дискотеках во флакончики от «Актимеля». Мы тебе еще дел найдем, дел тебе еще предстоит невпроворот. Ты думаешь, у нас один терапевт такой?

Очень не хочется такого ценного кадра переводить из реанимации. Начмед вызвал на консультацию психиатра. Тот осмотрел пациента, написал, что психоза нет и больной может быть переведен на общее отделение. Но отдавать не хотелось, пусть у нас будет свой маленький Минотавр, для острастки дежурных терапевтов. Психиатра пришлось запугать, пользуясь его молодостью. А вдруг у него замедленный метаболизм и

оксибутират будет еще долго бродить по его венам? А вдруг он на отделении сотворит еще что-нибудь ужасное, а вы написали, что он не опасен? Придется вам отвечать, не нам. Одумайтесь. В нашем деле риск должен быть минимизирован. Психиатр переписал свою запись в истории, рекомендовал пригласить его завтра, когда вся химия наверняка выветрится. Пригласить на следующий день якобы забыли, потом подошли выходные, в общем, товарища удалось продержать у себя четыре дня. Он лежал тихо, думая, что заведут на него уголовное дело. Но дело заводить не собирался никто. Терапевт не думал писать заявление правоохранителям, на записи с камеры было видно, что конфликт спровоцировал он сам. Пока клиент спал, он пытался растолкать его носком своего ботинка. Это нормально, но не делай этого при наличии видеонаблюдения. Главный врач отдал устное распоряжение, оно в основном касалось тех, кто имел право выписать больничный. Было приказано больничного терапевту не давать ни под каким предлогом. Для остальных было уточнение, что если его принесут на носилках, пусть даже в коме, с анизокорией и проломленным черепом – собрать консилиум. Выяснить, не косит ли он. Не будет ли пытаться получить какую-то компенсацию за производственную травму? За то, что он давно заслужил.

Приказ вышел вовремя, терапевт уже был в поликлинике и стучался во все кабинеты. Окулисту пытался втереть, что после удара в лицо ослаб зрением, неврологу – о том, что появились головокружения. Дошел и до уролога, хотя по яйцам его не били. Так, обойдя всех врачей поликлиники, кроме дерматолога, и не встретив сочувствия и понимания, отправился к секретарю главврача и оставил у нее на столе заявление с просьбой уволить по собственному желанию. Просьбу удовлетворили молниеносно.

* * *

Последствия ДТП. Тяжелая черепно-мозговая травма.
Два санитара бреют голову пострадавшему.
– Чего возимся? Давно уже в операционной ждут.
– Да тут вот сложно побрить. У него две макушки.
– А, значит, счастливый…

Конференция

Вручили пригласительный билет на конференцию

анестезиологов в городе Петрозаводске. Конференция называется: «Школа Зильбера: Открытый форум». Время проведения с 11 по 14 октября. Ознакомился с прилагаемым планом. Подкупает и слегка настораживает культурная программа конференции. Особенно в сочетании с планируемым празднованием дня анестезиолога.

Цитата:

*«**Культурная программа** соответствует традиционным октябрьским «зильберятникам» и проводится на берегу Онежского озера в едином комплексе, включающем три отеля, Республиканский наркологический диспансер, управление Петрозаводской и Карельской епархии РПЦ и местное отделение полиции».*

Предусмотрительно. «Единый комплекс» составлен грамотно. Чувствуется, организаторы знают, как привлечь участников. И знают, кого привлекают. Перебравших полиция повяжет на берегу озера, их полечат в наркологическом диспансере, а затем отпустят грехи. Или отслужат панихиду, если лечение не приведет к успеху. Ну а если кто и сможет самостоятельно передвигаться, до какого-нибудь отеля доползет.

Если кто сомневается, что в наше время возможна такая забота о людях, может убедиться, посмотрев на сайте. Надо ехать. Придется на машине, будет повод не принимать участия в банкете. Хорошо, осень. Последний раз пришлось ехать зимой, под Новый год. Было смешно.

Ночевать в Петрозаводске не хотелось. Решил, что справлюсь за один день. Туда и обратно. Хотя дни и короткие. Дорога знакомая, казалось, знаю все места, где ГАИшники устраивают засады. Но ошибся. Сразу за КПП при въезде в Карелию остановили. Не спорю, нарушал. 135 км в час. Молодой гаишник показывает радар. Согласен. Спорить не собираюсь. Оформляйте протокол. Принципиально на месте никогда не рассчитываюсь. Гаишник неторопливо разворачивает планшет, достает чистый бланк протокола. Говорит, растягивая слова:

– Вы понимаете, это серьезное превышение скорости…

Я понимаю.

– Ну так ведь тут можно штрафом не ограничиться. Предусматривается лишение…

Хороший психолог. Нарочно тянет время. Видит, что я тороплюсь. Явно ждет встречных предложений. Не дождется.

– Виноват, решайте сами, я же не спорю, что нарушил.

– Вот все вы питерские такие. Нравитесь вы мне. Никогда не спорите, если не правы.

– А чего тут спорить, бесполезно.

– Правильно, бесполезно. А наши любят поспорить, всегда спорят. Даже когда… А вот, смотрите, видите мотоцикл?

Мотоцикл я уже видел. Не обратить внимание на него было невозможно. Местный байкер в хоккейном шлеме и в костюме Деда Мороза спускался с горки. Борода болталась сзади как гюйс. Мотоциклу явно не хватало дороги. От падения в кювет спасала только широкая обочина. Заехав на гравий, от тряски пилот просыпался и выравнивал траекторию.

– Вот смотрите. Я его сейчас останавливаю, и, если он не будет спорить, что он пьян, я вас отпускаю. Если будет спорить – выписываю штраф.

Я ничего не теряю, соглашаюсь на условия. Становится интересно.

Гаишник выходит из машины, машет жезлом. Чудо, но мотоциклист останавливается. Мотоцикл теряет стабильность и падает на бок, придавливая седока. Я тоже выскочил из машины. Профессиональная деформация личности. Надо посмотреть, нет ли травм. Но оказалось, что дедушка уже спокойно заснул. Никто ни о чем не спорил.

– Отдавайте права, – говорю. – Вы проиграли.

– Проиграл, проиграл, а только хер ли мне теперь с ним делать? «Скорую» вызывать? До Петрозаводска больше сотни, пока доедут, он тут у меня на снегу окочурится.

Проблема не моя. Клади к себе в машину. Не надо было останавливать. Может, и доехал бы.

– Слушай, друг, ты все равно в ту сторону едешь, давай его к тебе погрузим. До больницы довезешь. Я позвоню, предупрежу, что Деда Мороза привезут. У меня только смена началась.

Я, конечно, человек добрый. Но до предела. На это мы не договаривались. Напомнил, что спор был на другую тему. Сказал, что в Петрозаводск заезжать не собираюсь (соврал), а крюк в сторону от шоссе километров на 30 в мои планы не входит. Тем более с таким пассажиром. Ваши же коллеги случайно проверят, объясняй им, откуда у тебя грязный полутруп Деда Мороза в багажнике. У меня хетчбэк, багажник пустой. Не грузить же его в салон.

Гаишник оказался человеком порядочным. Поняв, что попросил глупость, отдал права. Посоветовал больше не нарушать, а я ему – больше не спорить.

На счет странного костюма мотоциклиста я нисколько не удивился. Во-первых – Новый год, а во-вторых, правилами не запрещено. Был бы шлем, а шлем на нем был, пусть даже хоккейный. А я видел разные наряды. По Питеру много людей гуляет. Кто просто голышом, кто – в медвежьей шкуре. Однажды,

еще работал в «Скорой», вызвали к пьяному. Того просто сморило на солнышке, и он спал в тенечке под кустиком. Когда разбудили, он быстро убежал. Звоню диспетчеру, докладываю. Лежал пьяный, от медпомощи отказался. Убежал, не представился. Стал перечислять одежду, так положено у неизвестных. Диктую: темно синий фрак, синие брюки, черные лакированные ботинки. Рубашка белая с кружевами. Не успел добавить цилиндр, синий, как из трубки понесся поток мата в мой адрес. Ну а я то в чем виноват? Ну ходят у нас так люди. Под кустиками спят. Может быть, из театра вышел, Мариинка рядом, может в гости шел.

На обратном пути решили заехать в Старую Ладогу, просто так, без какой-то цели. Подумали, что туристов и паломников будет мало. Будний день, не сезон. Никто не помешает спокойно погулять по поселку. Если удастся – посмотреть пещеры, пока нет народа. Просто нравится это место. Не важно, была ли Старая Ладога первой столицей Руси или не была. Местные твердо уверены, что была.

В соборе Рождества Иоанна Предтечи у входа стойкий запах кошачьей мочи. Текст на одном надгробии говорит, что здесь в 1848 году похоронен бывший послушник Староладожского Никольского монастыря Александр Васильевич Лосев, взявший на себя подвиг добровольного юродства. Местный блаженный, почитаемый в Старой Ладоге. Над могилой стоит группа паломников. Экскурсовод с восторгом рассказывает о житии и деяниях святого, добровольно принявшего подвиг юродства. Остановился послушать. Отходить уже было неудобно. Вот ее рассказ:

– История донесла до наших дней подвиг одного из послушников Никольской обители Александра Васильевича Лосева, юродством Христа ради шествовавшего к блаженной вечности.

История действительно замечательная, хотя с подобными судьбами почти все мы сталкиваемся ежедневно. Я чаще многих. Не потеряла актуальности за прошедшие века. Сколько безвестных блаженных и юродивых и в наши дни бродит по России, не сосчитать. А северо-запад России во все века был особенно ими богат. Если пересказать житие современным языком, получается примерно следующее.

Жил в Старой Ладоге купец, выходец из Ростова. Преуспевал. Торговля шла успешно, богател. Тихвин, Ладога в те времена были богатейшими городами России. Не скупился на благотворительность. Спонсировал строительство храма. Богатый дом, семья, бизнес – все было прекрасно. Но однажды по

непонятной причине в душе у купца произошел надлом. То ли видение было, то ли видение было после, но, короче, запил. Пил, видно, по-черному, раз память об этом запое хранится почти два столетия. Пропил все, лавку, бизнес, дом. Остался Александр без средств, без жилья, без семьи. Не раз попадал в психушку. Когда перестал быть опасен – выпустили на волю. Нищенствовал. Побирался Христа ради. Как-то селяне быстро забыли его благие дела, подавать стали скудно. Пригрелся при монастыре, как часто бывает и в наши дни. Стал бродяжничать. В поисках милостыни не раз добирался до Новгорода. Но среди нищих конкуренция была уже в те времена. Хлебные места строго поделены. Гастролеров не терпят. Проломили блаженному череп, а труп сбросили в Волхов. И тут случилось чудо. Река вынесла труп прямо на берег к Старой Ладоге. В это поверить можно. Волхов течет на север, от Новгорода к Ладоге. Если б случилось наоборот и какому-нибудь новгородскому подвижнику удалось бы с проломленной в Старой Ладоге головой, обратно приплыть по Волхову домой в Новгород, вот это было бы настоящим чудом. Да и сам поселок стоит на повороте реки, да так хитро, что течение выносит на берег, прямо к стенам крепости. Мимо нее проплыть сложно. Русские мастера горазды были на подобные выдумки, когда свои крепости строили.

И тут-то народ окончательно поверил в святость своего односельчанина. Покаялся. Похоронили в церкви с почетом. А потом как начали чудеса над могилой твориться, так тут уж все сомнения исчезли окончательно. Сказывают, что особливо исцеляются расслабленные и бесноватые (наверное, кошки тоже). Может, и правы были предки, веря в святость юродствующих.

Ничего не меняется на Святой Руси…

* * *

Анестезиолог – хирургу:

– Ты чего опоздал?

Хирург:

– Ходил на похороны дедушки.

– А что, вас теперь заставляют ходить на похороны своих пациентов?

Не надо врачам заниматься политикой

С удивлением узнал, что, оказывается, нынешний президент

Сирии, которого, уже давно собираются подвесить за яйца, но он пока успешно отбивается от этой перспективы, по профессии офтальмолог. Интересно, что не будь он сыном президента республики, возможно, мы бы с ним учились на одном курсе. Сирийцев у нас в то время училось очень много, а поступили мы с ним и окончили институт в одни и те же годы. Но папа не рискнул отправить сына за границу, и Асад закончил Дамасский университет, получив там профессию «врач-офтальмолог». Профессия более чем почетная в арабском мире. Не то что какой-нибудь хирург или анестезиолог. Настоящий араб скорее согласится умереть, чем потерять зрение. Видимо будущий президент учился плохо. Как-то не очень зорко он приглядывал за своим народом, не разглядел смуту в самом зародыше. Ну а когда выяснилось, что премьер-министр – его однокурсник, вообще специалист-гинеколог, то все сразу встало на свои места. Стало понятно, что там происходит и каким местом скоро Сирия и накроется. Живо представилась эмблема правящего тандема: зоркий глаз, смотрящий… ну понятно куда. Кстати, самое подходящее для гинеколога занятие, что-то давить в зародыше. А этот не смог.

Так подтверждается моя старая теория о том, что врачам заниматься политикой ни к чему. Почти все, кто достиг каких-то успехов на политическом поприще, заканчивали плохо. Во все времена и на всех континентах. От Марата до Сальвадора Альенде. Исключением был, пожалуй, лишь Франсуа Дювалье по прозвищу Папа-доктор, диктатор Гаити, который спокойно умер своей смертью. Хотя, может быть, и не своей, умер не старым. Но тут был случай особый, папа-доктор был оригинален, жестокости чрезмерной, даже для врача. Да, еще Клемансо, премьер-министр Франции, но он президентом так и не стал. Кстати, вопреки распространенному мнению термин «Железный занавес» в обиход ввел совсем не Уинстон Черчилль в своей Фултоновской речи, он лишь повторил то, что было придумано задолго до него, в 1919 году, когда премьер-министр Франции Жорж Клемансо произнес слова: «Мы желаем поставить вокруг большевизма железный занавес, который помешает ему разрушить цивилизованную Европу». Клемансо вообще был известен своими афоризмами, актуальными и ныне: «Женщины живут дольше мужчин, особенно вдовы».

Остальные известные мне доктора-политики были убиты или умерли при странных обстоятельствах. Например, Антонио Агостиньо Нетто, первый президент независимой Анголы, умер в Москве в 1979 г. Всего в 57 лет от рака печени после операции под названием «Диагностическая лапаротомия», операцией

несложной, как писали, «сделанной для того, чтобы установить прижизненный диагноз». С детства помню старый анекдот: «Приехал Нетто, уехал брутто». Забавно, что от этой же болезни нестарым помер и доктор Сунь Ят сен, китайский революционер, основатель партии Гоминьдан в Китае. Про Че-Гевару и вообще вспоминать не хочется, да и политикой он можно сказать не занимался, выборных должностей не занимал. А был простым террористом. Лучше бы так и оставался дерматологом, продолжая ездить по лепрозориям, изучая проказу. Могло случиться, что достиг бы успехов на этом поприще и какая-нибудь форма лепры получила бы название: «Проказа Че-Гевары».

Тех, кто еще жив, ничего хорошего впереди не ждет. Доктор Радован Караджич под трибуналом. По специальности врач-психиатр, специалист по неврозам и депрессиям. Еще вдобавок и поэт, лауреат Международной литературной премии им. Шолохова, за 1994 год. Не знаю, жив ли еще Айман аль-Завахири, заместитель и преемник бен Ладена, а также его личный врач. Тот, который после смерти Усамы объявлен «террористом № 1».

Надо как-то эту теорию донести до наших местных активистов-единороссов из больничной администрации. Подкрепляя мысль наглядными примерами. Типа, повесить в ординаторской репродукцию картины Давида «Смерть Марата». Друг народа Марат тоже начинал как врач и как врач помогал своему другу и коллеге, профессору анатомии Гильотену, в доведении до совершенства столь необходимого во времена революции известного приспособления.

Приятное исключение – президент Туркмении. Хоть и стоматолог, но тоже врач. Дай бог ему долгих лет жизни. В Туркмении его любят и говорят, есть за что. Все знакомые туркмены на меня смотрят с уважением, когда при случае, могу на память почти правильно произнести имя и фамилию их президента: Гурбангулы Бердымухамедов. На их родине не все на такое способны. Только отчество (Мяликкулиевич) выучить пока не могу, да и не стараюсь.

* * *

С пожилым доктором выражаем скорбь по поводу кончины Людмилы Зыкиной.

– Слышали? Сегодня Зыкина умерла…

– Читал. Что ж, достойный ответ на смерть Майкла Джексона.

– Да, не посрамили Русь.

О топонимике

Страну захлестнул очередной массовый психоз под названием «Великие имена России». Начали с названий аэропортов. Это проще, до сей поры наши аэропорты не назывались именами великих людей. Да и после переименования не будут, если аэропорт международный, то его код никак от этого не изменится. Как пишется аэропорт Пулково PLV, так и останется, назови его хоть именем Пушкина, хоть Петра Великого. И лучше от этого он не станет. Если добраться до него и улетать удобно, то доведись вам там кого-нибудь встречать, вы узнаете, что такое ад. Вам повезет, если удастся оставить машину на стоянке метров за 300 от входа. Только однажды мне удалось это сделать с третьей попытки. В остальных случаях приходилось стоять на обочине Пулковского шоссе километра за три, с включенной аварийкой, остановка там запрещена. И ждать, когда прилетевшие пройдут паспортный контроль и тебе позвонят. Тогда можно подъехать и, остановившись на пару минут у выхода, подобрать их на автобусной остановке. Дольше там стоять нельзя. Но хуже всего, если ты встречаешь человека не знакомого или просто человек не ожидает, что ты его встретишь. Стой на улице и жди. Можешь, конечно, пройти внутрь, в тепло, но будь готов к досмотру, проход внутрь через металлоискатель. Вытаскиваешь из карманов мелочь, ключи, телефон, снимаешь ремень и часы. Но рамка все равно звенит. Объясняешь, что в голени стоит штифт после перелома, все никак не соберусь вытащить. Не проблема, давай справку, пропустим. Нет справки – подождите на улице. Но снаружи никакой информации, откуда прибытие, когда. Пока споришь с охраной, успеваешь прочесть на табло, что прибытие нужного рейса задерживается на полчаса и почти в одно время прибывают три рейса: из Тель-Авива, Франкфурта и Милана. Ладно, думаю, разберусь на выходе, кто прилетел, своих людей узнаю по лицам. Толпу итальянцев не спутаешь ни с кем, хотя большинство прибывших миланским рейсом были нашими туристами. Но когда прибыли одновременно два рейса, из Франкфурта и Тель-Авива, понял, что погорячился. Прибывшие не отличались абсолютно, ни по лицам, ни по манере разговора:

– «Ну шо, как долетели?» Я к охраннику: «А можно объявить, что такого-то встречают у выхода с терминала?» Охранник любезен, конечно, можно, проходите сюда, через рамку… Хотел написать на бумажке фамилию встречаемого, но вот беда, авторучка осталась в машине. Машина метров за 300.

Но в России великих людей больше, чем аэропортов, поэтому

движение надо продолжить. Проще начать с вокзалов и железнодорожных станций. Затем можно дойти и до остановок общественного транспорта. Можно дать имена школам и детским садикам. Магазинам и баням. Главное, чтобы при этом осталось старое название во избежании путаницы. Переименовывать субъект хлопотно, требуется изменение в Конституции. Мелкие населенные пункты тоже не просто, нужен какой-то местный референдум, решение на уровне субъекта, обращение к федеральным властям. Кому захочется заводить всю эту процедуру по просьбе жителей какой-нибудь деревни Дрисливик или Подсосонье? Переименовывать улицы в городах? Сплошная путаница. Кажется, в Петербурге уже почти всем улицам вернули старые названия, убрав имена коммунистов и прочих революционных деятелей. Только-только стали привыкать к новым. Далеко за примером ходить не надо, часто слышишь, как у метро Удельная, очередная тетенька с ребенком спрашивает прохожих:

– А где улица Енотаевская?

Большинство отвечает честно:

– Не знаю. Другие пускаются в рассуждения:

– Кажется, надо пройти… там спросите…

Понятно, тетенька долго будет ходить по лужам вокруг метро, спрашивая. Обычно, услышав вопрос, не удерживаюсь.

– Направо, – говорю, вон она. – Если вам нужно в кафе «Север», то чуть дальше.

– Точно «Север», а откуда вы знаете?

А куда еще ребенка можно отвести на Енотаевской? Не в распивочную же, и не в ресторан комплексных обедов, надпись на котором отпугивает посетителей: «Мы кормим всех, кроме Барака Обамы».

Это старая история, кому пришло в старые времена дать двум параллельным улицам созвучные названия: Елецкая и Енотаевская? Даже не двум улицам, а одной, с широким бульваром посередине? Вечная путаница. Сам долго не мог запомнить, где какая, пока на Енотаевской не открыли кафе-распивочную «Енот», а на Елецкой, напротив, просто рюмочную, без названия. И сам вопрос, куда пойти, в кафе или в рюмочную, четко ориентировал в пространстве. Не понятно, зачем им было в 91-м году возвращать прежние названия? При коммунистах все было понятно и просто: одна улица называлась улицей Фотиевой, другая Фофановой. Четко и ясно, тут уж никак не перепутаешь. Кто не знал Фофанову? Ах, вы не были в музее на последней конспиративной квартире Ильича? В той квартире, которая показана в бессмертном фильме «Ленин в Октябре» и откуда

вождь уехал на трамвае в Смольный руководить переворотом? Ну это еще можно простить, имени хозяйки квартиры в фильме не упоминалось, да и проводник Ленина, Рахья, был переименован в какого-то товарища Василия. Ничего, дадим вам шанс исправиться. Сходите, она недалеко, на Сердобольской. А разве вы не знаете Фотиеву, одну из личных секретарш Ленина? Секретаря по Совнаркому. Может быть забыли, чья подпись стояла следом за подписью Ильича на первых декретах Советской власти? Неужели? Тогда извините, это придется напомнить в другом месте.

Забывают историю, вот на Елецкой – забор. Надпись на плакате: «Реконструкция Удельных бань». Баню в прошлый год снесли. Окрестные коммунисты просекли тему, устроили пикет, все как полагается, мегафон, транспарант:

– Не позволим! Что ж творится-то, граждане, неужели забыли, в Удельные бани любил захаживать Ильич! Баня в двух шагах от платформы Удельная, куда Ильич приезжал на паровозе, как не зайти, смыть с себя паровозную копоть? С тех пор, правда, ремонта в них так и не было. Может быть кому-то даже приходилось мыться из того же тазика, из которого мылся Ильич, из ленинской шайки. Но поздно, снесли баню, идите мыться на Ярославский проспект. Только чует сердце, не будет на месте снесенной бани реконструированной новой. В двух шагах от метро построят уютный жилой домик с квартирками.

А для чего, спрашивается, было переименовывать проспект Карла Маркса обратно, в Самсониевский? Было логично, проспект имени одного основоположника плавно переходил в проспект имени другого, в проспект Каола Маркса в проспект Энгельса. Энгельсу повезло, его имя так и осталось на карте, прежнего названия проспект не имел. А вот зачем было менять имя одного ветхозаветного персонажа на другого? Оба волосаты, у одного в волосах, по преданию была сила, у другого ум. Один иудей боролся исключительно за счастье еврейского народа, круша ослиной челюстью черепа филимистянам, другой в рукоприкладстве замечен не был, по слухам, поколачивал только жену, зато мечтал устроить переворот в мировых масштабах. Лет через 50 никто не вспомнит разницы.

Думаю, что и городские больницы давно ждут своих названий. Это раньше почти каждая носила имя советского деятеля: Свердлова, Урицкого, Володарского. Правда, две последние я сам иногда путал, имени кого больничка: Моисея Марковича или Моисея Соломоновича. Деятелей из названий больниц убрали. Сейчас, например, бывшая больница Володарского именуется просто, безлико, больницей № 14.

Однажды зашел разговор о том, что за годы работы всего раза два-три встречал человека, который пришел бы к тебе своими ногами и принес выписку из больницы № 14. Конечно, тут возможны варианты, но, скорее всего, там лечат так, что повторно обращаться к врачам нет необходимости. А справки с течением времени теряются. И хотя сейчас там городской центр спасения конечностей, на спасенных конечностях приходят редко. Помнится, работая там санитаром в приемном отделении, еще в институтские годы, сам по утрам этим и занимался, гоняя во дворе ворон. Вороны по утрам слетались во двор завтракать, когда из морга вывозили мусорный бак с отрезанными ногами, а специальная автомашина для перевозки опаздывала. Тоже спасал конечности. Ног в те годы там отрезалось много, отбрасывались они часто и энергично, как в известном танце канкан. Думаю, что сейчас конечностей ампутируют не меньше, только уже спасенных.

Приживаются ли новые названия больниц в честь святых? Да совсем нет. Елизаветинскую больницу, как в народе называли третьей истребительной, так и продолжают, не задумываясь над вопросом, в честь какой мученицы она была названа: в честь матери Иоанна Предтечи или в честь великой княгини? А больницу Святого Георгия по-прежнему порой называют больницей имени Карла Маркса. Однажды, у метро «Озерки» бабушка обратилась ко мне с вопросом:

– Милай, а где мне тут найти больницу святого Карла Маркса?

Долго в прессе попадались новости о переносе 31-й городской больницы с Крестовского острова. Народные протесты, заголовки в либеральной прессе: **«Онкобольных детей подвинут ради судей.** *Городская клиническая больница № 31 может прекратить свое существование в нынешнем виде. В комитете по здравоохранению прошло совещание о возможном переводе персонала и оборудования стационара в другие медицинские учреждения Петербурга. В распоряжении «Фонтанки» оказался документ, говорящий о том, что освобождение территории Крестовского острова проводится под нужды переезжающих в Петербург судей Высшего арбитражного и Верховного суда – для их медицинского обеспечения. Фонтанка.ру».*

Место, конечно, слишком хорошее, чтоб использовать его так бездарно. Если Верховному суду нужна больница, лучшего места не найти. Переведут и не спросят. Или одномоментно, приказом

сверху, а нет, так прикроют финансирование, сама развалится, поскольку высокотехнологичное лечение требует больших денег. Посчитают и решат, что детей с онкологией дешевле лечить за границей, естественно, за счет родителей или благотворительных фондов. Или оставят все как есть, а для судей найдут другой стационар. Одна только загадка не давала покоя. Если подсчитать, на сколько коек рассчитана больница, на 430, а в России в среднем полагается 100–110 больничных коек на 10000 душ. Эти цифры я знаю, приходилось писать отчеты. В селах поменьше, местами до 40. Вопрос, сколько имеется в Верховном суде членов? Получается, что тысяч 40–50? Сделаем поправку на их возраст и дряхлость, отнимем членов их семей, которые наверняка будут приписаны к этой же больнице, все равно цифры получаются какие-то фантастические, даже учитывая, что весь Верховный суд вместе с Арбитражным постоянно находится в стационаре на строгом постельном режиме.

Так что даже такую простую арифметическую задачку я решить не смог, поэтому – тема мне не интересна. Интересно стало другое. А как назовут новую фабрику здоровья? Сейчас она называется «Центр передовых медицинских технологий». Что, собственно, правильно. Но для ведомственной больницы название категорически не подходит. Как можно передовые, неизведанные технологии применять в лечении таких социально значимых групп населения? Тут нужны традиционные методы, проверенные. Вернуть ей историческое название, имени Яшки Свердлова? Ну как бы тоже не годится, мы открещиваемся от подобных личностей. И вот глянул я на свою коллекцию известных деятелей с медицинским образованием, и пришла мысль предложить назвать больницу в честь некоего товарища Винокурова А. Н. Он и врачом был, и одновременно юристом, и председательствовал в Верховном суде СССР в самые лихие годы, а если точнее, то с 24-го до 38-го. Не знаком вам такой деятель советской юстиции? Уверен, что не слышали его фамилии. Так оно и прекрасно. Не так одиозен, как иные известные юристы, типа Ульриха, Вышинского или своего предшественника – Крыленко. В БСЭ коротенькая статья в десяток строк. Фамилию Ульриха помнят многие, как одного из Сталинских палачей, а он был всего лишь подчиненным Винокурова. Да за одно то, что в те годы на таком посту 14 лет продержался, человек достоин памяти. Подписать приговоры десяткам первых лиц государства и уцелеть? Явно личность неординарная. А как отстранили, так не расстреляли, как положено, а в наркомздрав послали трудиться, на должности, соответствующей примерно должности главного санитарного врача. Классический пример универсального советского

руководителя. Чем руководить безразлично, главное – руководить. Методы администрирования в различных сферах отличались мало. И ведь справлялся. Одного не выяснил: в энциклопедии написано, что умер Винокуров в Москве в 44-м году естественной смертью. По идее, для таких деятелей естественна смерть от пули. Хотя, может быть он помер и от старости.

И ни надо никаких референдумов, всенародных голосований. Поставьте мне задачу, и я наберу еще целый список деятелей, достойных своими именами украсить любую фабрику здоровья.

* * *

Сочиняю объяснительную записку. Жалоба заслуженного человека требует ответа. Возмущенный ветеран труда пишет президенту России: *«Почему гинекологи не смогли мне выскоблить полость матки, а сказали, что маточный зев непроходим? Как непроходим? Я еще в 50-е годы легко делала себе аборты с помощью обычного градусника. Они даже и не пытались. Надо было позвать мужчину, он бы смог».*

У президента не нашлось времени ответить лично. Жалоба вернулась из его канцелярии с требованием разобраться на месте. Досталось и мне. Пишет: *«Положили меня на кресло, доктор сделал укол в вену и сказал: – Слезай, все закончилось. А я даже не успела заснуть».* 20 минут наркоза бабка не помнит. По идее, заявление стоит расценить как благодарность, высший класс, человек не помнит наркоза. Так и напишу, хотя премию мне за это никто не даст.

Выборы

В поселке оживилась политическая жизнь. Местные единороссы заранее готовятся к предстоящим выборам в сельский совет, ближайшее воскресенье объявлено Днем предварительного народного голосования, своего рода сельские праймериз. На стенках больницы развешаны призывы к участию. Местный электорат изучает списки кандидатов, заранее выбирая достойных. Никогда не хожу на местные выборы, но нельзя оставаться в стороне, решил подойти поближе, взглянуть на список. Странно, разве можно проголосовать за кандидата с фамилией Курчавый, про которого известно только одно: его зовут Василий? Как-то несерьезно, если это погоняло, хотелось бы

чего-то поярче, типа Вася Цветомузыка или более солидное, основательное, например Вася Кувалда. Осмотрев прилагаемые портреты, укрепился в мысли о нецелесообразности посещения мероприятия. У американцев есть поговорка: «А купили бы вы у этого человека подержанный автомобиль?» То есть внушает ли его лицо доверие или нет? Судя по портретам на плакатах, я бы ни у одного из кандидатов ни купил бы даже велосипеда.

И главное: в списке ни одной знакомой фамилии. В былые годы главврач ЦРБ автоматически избирался в районный совет вместе с секретарями райкома и директорами основных предприятий. Остальные депутатские места по разнарядке занимали представители нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Но времена иные, за депутатское кресло даже поселкового уровня приходится вступать в жесткую схватку с соперниками. Надеемся, на этот раз обойдется без стрельбы и поджогов. Тут чисто шкурный интерес, работу свою мы любим, но лишняя нам не нужна.

Где-то в конце 90-х годов один из наших бывших главврачей решил пойти на выборы в местный совет. Но допустил ошибку, не заручившись поддержкой партии и даже своего ближайшего окружения. Поговаривали, что его больше интересовал вопрос получения депутатской неприкосновенности, но это все гнусные слухи, не имеющие под собой никаких оснований. Каждому было известно, что уголовное дело против него было сфабриковано конкурентами по политической борьбе. Как независимый кандидат главный врач начал предвыборную кампанию, напечатал листовки, лично раздавал календарики. На плакатах он изображался в белом халате, внимательно выслушивающим что-то в груди у пятилетней девочки. Подпись под фотографией говорила о какой-то вечной доброте. Правда, девчушка была в одежде, но это мелочь. Рядовой избиратель интересовался, порой спрашивая: «А что, разве наш главный врач – педиатр? При чем здесь ребенок на картинке?» Всем казалось, что он хирург. Приходилось отвечать, что да, по забытой врачебной специальности он хирург, и не просто хирург, а уролог. Естественно, в народе возникли пожелания увидеть изображение кандидата за родным делом, например при цистоскопии или при проведении иной урологической процедуры. И написать соответствующий лозунг. Выборы закончились для нашего главврача бесславно. Набрав три голоса, видимо, за него свой голос отдал, кроме жены, еще и шурин, директор местного кладбища, он отказался от дальнейшей политической борьбы и сосредоточился исключительно на административно-

хозяйственной деятельности. За что и был вскоре снят с должности. Нет, не за какие-то финансовые нарушения, боже упаси, скорее за креативный подход к решению финансовых проблем больницы. Кормить больных надо, а в то время на каждого пациента в день выдавались два стакана кипятка и одна порция лапши «Доширак». Тогда один из этажей больницы, где находится ныне наша реанимация, был переоборудован в цех по производству пельменей. Говорят, пельмени были хорошие, не знаю, не пробовал. Больные тоже. Сейчас бывший главврач вынужден ездить на работу в город, в центр, где руководит весьма солидной конторой, часто мелькая в новостях по телевизору. Административный опыт оказался полезен, помог сохранить положительную плавучесть даже среди окружающей не тонущей субстанции.

* * *

Разговор в курилке, медсестры уговаривают свою подругу:

– Ну брось ты наконец этого козла, ну неужели не видишь, что он полный мудак. Толку от него, не работает, сама говоришь, раз в месяц придет, вялого погоняет и всё. А ты корми его, вари ему бульончик.

– Зато он хороший, не бьет…

Странно, думаю, обидно. Мужикам морды бить приходилось, порой даже увлекался, но в жизни не ударил ни одной женщины. Даже если она того заслуживала. И ни одна сволочь никогда про меня не сказала, что я хороший человек.

Обзор прессы

Порой читаешь в новостях о коррупции в здравоохранении, становится не по себе. Еще год-два, и тебе будет стыдно признаться, что ты тоже работаешь в медицине. За одно упоминание того, что ты врач и где-то еще работаешь, легко можно будет получить в морду. Придется скрывать, кто ты по профессии. Опыт у меня есть, опыт приобретен давно.

Вспоминаю начало 90-х, конец мая, утро. Еду в трамвае с работы. После дежурства приняли с коллегой по 150 миллилитров «Зубровки», отлакировали пивком. Мысль в голове одна – доехать до дома. Трамвай полупустой, мест много, но не сажусь, боюсь заснуть. Повис локтями на поручне, вокруг кисти намотал ремень от сумки, если засну стоя, сразу не свалюсь.

Смотрю, сидит внизу девчушка, на вид лет 25, плачет. И такое горе у человека, что слез не скрывает. После Зубровки показалась очень даже симпатичной, покрашенных волос я сразу не заметил. Ну как тут не заговорить, я бываю добрый, а когда выпью, так даже очень. Опустился на сиденье спереди.

– Могу помочь?

– Нет, не можете.

– Не давайте попробую, хотите – поговорим? Могу развеселить. Я ушами шевелить умею, могу каждым по отдельности.

– Отстаньте от меня, о чем тут можно говорить?

– Ну не знаю, наверное, о чем-то можно.

Смотрю, в сумке у нее лежит солидная книга на французском, но догадаться не сложно, о чем. Что-то историческое, о средневековье. На обложке изображен средневековый замок, рыцарь с гоблинской внешностью, напоминающий Жана Рено в роли графа Годфруа де Монмирая из кинофильма «Пришельцы».

– Ну давайте поговорим о каролингах или меровингах, кто вам интереснее?

Смотрю, в глазах появился интерес, сопли прошли.

– А вы что, историк?

– Нет, я как видите, алкоголик, но почему бы не поговорить. Хотя, может быть, и историк, какую-нибудь веселую историю рассказать. Давайте я вам одну историю расскажу, только сначала вы скажите, что случилось? Почему плачем?

Все оказалось просто, девушка не так молода, как показалось на первый взгляд, а далеко за 30, доктор философских наук, доцент. Преподает философию и историю в военном училище. Зачем офицерам история, я тогда так и не понял. А зачем вообще философия и чем она занимается, кроме собственной истории, не знаю до сих пор. Весна, сессия, стресс не только для студентов.

– Вы представляете, что они мне ответили на экзамене? Что Карл Великий был первым королем Франции и первым, кто принял христианство. Вы можете себе такое представить? А про меровингов они вообще не слышали. Вот вы можете кого-нибудь из меровингов назвать?

– Представить могу. Правда, слышал другое, первым крестился Хлодвиг, он-то как раз из меровингов, жесткий был чувак, все уши в школе прожужжали про его историю с чашкой. Ну кроме него, еще были реальные пацаны, – назвал парочку имен.

Смотрю, слезы прошли, заулыбалась. А мне уже и выходить. Телефон для приличия выпросил, записал. Позвонил через день, встретились. И встречались потом еще лет 10, чисто как

приятели, в театр ходили, но не более того. Зубровки, лучшего косметического средства для женщин, перед встречей я больше не применял. Просто интересно было общаться, как с инопланетянином. Удивительные вещи приводили человека в ужас. К примеру:

– Представляете, курс у нас ввели, историю культуры. Не поверите, курсанты по нему шпаргалки пишут! Ужас!

– Так это же здорово. Напишут, что-то запомнят, радуйтесь. Значит интересуются.

– Нет, ну вот посмотрите, что они написали.

Читаю шпаргалку: художник Микки-Ланжело.

– А чего, нормально, ребята привыкли, Микки-Маус, Микки Рурк. Чего тут.

– А вот еще смотрите: Кара Ваджо. Ой, только дайте сюда, а то вы там дальше прочтете, как они маяк на острове Форос обозвали.

– Ну тут догадаться не сложно…

Кстати, так я и не сказал, кто я по профессии, плел, что сантехник, поначалу верила, смеситель даже поменял у нее в ванной. Потом стал шофером-дальнобойщиком, потом кем-то еще. Сам не знаю зачем, просто так. Под конец сказал, что уезжаю в Антарктиду, изучать пингвинов. И про меровингов наврал, что запомнил то, что проходили в школе. Нравилось мне читать книжки по истории, про средневековье, про французских королей. Великая была страна, великие короли. А что сейчас? Психопаты – жандармы, которые боятся толпы больше, чем она их? Которые не могут разогнать кучку протестующих?

Изобретение паровоза

Почему-то все считают, что с врачами говорить больше не о чем, как только о своих болезнях. Соберется компания людей старшего среднего возраста, одни разговоры, у кого что болит, всем надо рассказать об интересных клинических случаях:

– А вот соседка моей тети, она ходила по врачам, никто не мог диагноза поставить, пока не пошла к одной бабке…

– А у моей подруги в Турции начался такой понос… И в том же духе. Ну не интересно мне, чем болеет незнакомый мне человек, болеет – пусть идет к врачу. Мне даже не интересно, чем болеют известные люди. В общем, вывод из разговоров один, тупые у нас врачи, безграмотные… Им бы только деньги брать за обследования, а толку с них никакого. Во многом согласен, но все равно бывает обидно. Можете не приходить, мне же легче, я не на

сдельщине. А когда узнают кто ты, всем надо сразу рассказать, что происходит с их животом после еды, в какую сторону кружится голова и почему-то начинается кашель при выходе на улицу. И нельзя ли у тебя на работе пройти обследование? Что тебе стоит договориться?

Как-то случайно попал в компанию, где собрались в основном выпускники железнодорожного института. И решил я тогда шутки ради задать вопрос:

– Вот вы все окончили железнодорожный институт. Так ответьте мне, кто изобрел паровоз? Мне очень интересно, я страсть как люблю паровозы.

Обидеть я никого не хотел… Возникла пауза. Только один из всех предположил, что это Черепанов, хотя Черепанов построил свой первый паровоз в тот год, когда настоящий изобретатель умер в нищете. Пришлось рассказать всем, что это был англичанин по фамилии Тревитик. В их оправдание можно сказать, что на этот простой вопрос не ответил экскурсовод в железнодорожном музее на Балтийском вокзале.

Когда меня спросили, откуда я это знаю, ответил, что был у меня один пациент, алкаш с хорошей такой, добротной олигофренией, попросту – дебил. Так вот, после электроимпульсной терапии, а случилась у него остановка сердца после запоя, товарищ вспомнил всё. То есть абсолютно всё. Похоже, разряд тока ударил и по мозгам. Он мог на память дословно пересказать содержание любой статьи из Большой советской энциклопедии. Он в 70-е случайно просмотрел всю ее целиком, когда отдельные тома приходили по подписке. Мог процитировать страницы любой книги из прочитанных за всю жизнь, правда, таких было немного. Но больше всего нас почему-то поразило то, что он помнил, кто изобрел паровоз. Дней пять товарищ служил нам энциклопедией, потом стал тяготиться своими знаниями и уехал в профильную больницу лечить белую горячку.

Насчет железнодорожных инженеров появился еще один повод задать им вопрос:

– А вы знаете, в честь кого назван новый мост в Санкт-Петербурге, и вообще, кто такой Бетанкур? Тем, кто не знает, а знающие про Бетанкура еще не попадались, предлагал прогуляться вдоль фасада своего института, посмотреть, кому у входа поставлен памятник. А статью о нем можно прочесть даже в Большой советской энциклопедии.

По моим представлениям, железнодорожники должны об этом знать. Пусть это и не нужно для работы, так же как инженеру-механику нет нужды помнить закон Ома, а электрику,

ну, например, об эффекте Доплера, хотя мне иногда приходится вспоминать и то и другое. А не знаете, не надо меня обвинять в том, что я забыл, кто первый провел операцию по поводу аппендицита. Может это вообще и не врач был, в те времена более подходящие инструменты для операций были у палачей, да и навык был побольше, и крепче нервы.

* * *

Рассказывает врач-эндоскопист:

– Делаю колоноскопию. Больной на левом боку, я, естественно, сзади. Диктую по ходу продвижения эндоскопа по кишке сестре результаты осмотра.

– Так, тонус сфинктера, слизистая, характер, одиночный полип, размеры, полиэтиленовый пакет…

– Что за хрень, доктор, – возмущается больной, – откуда у меня в кишке пакет?

– Не знаю, не знаю, откуда у вас в жопе пакет. Надпись даже на нем, цифры какие-то. Если слово не нравится, я в заключении напишу – фрагменты полимерных пленок. Больной в негодовании вскакивает, и тут я вижу, что лампочка эндоскопа светит у больного на животе. У него, оказывается, колостома, а эндоскоп проник в полиэтиленовый калоприемник. Друзья-хирурги забыли предупредить. Пошутили…

Наркодилер

В последнее время читать прессу невозможно. Все записались в политологи, все имеют свое мнение, спешат высказать. Никто не задумывается, что его мнение не волнует абсолютно никого. Почему-то комментаторы забыли старое правило: если твое мнение кого-то интересует, если ты не без оснований считаешь, что к нему прислушаются – выскажи. А есть в этом сомнения – лучше держи его там, где на днях местный поселковый наркодилер прятал свою выручку.

Вечером звонок из приемного отделения. Молодая девушка-хирург просит содействия:

– Вы не могли бы нам помочь? У нас тут больной, у него денег много…

Времени мало, перебиваю:

– Он что, хочет ими поделиться?

– Нет, нам их не достать.

– В жопу, что ли, он их засунул?

– Да, понимаете, и глубоко…

– Ну а чем я могу помочь? Дайте слабительного, а в задницу вазелин, сам прохезается. Наверняка не в первый раз. Ну или зажимом попробуйте. Потерпит.

– Отказывается он, сопротивляется, я не знаю, что делать. Может, под наркозом? А то оперировать придется.

– Он с ментами? Вот пусть и подержат, а вы ему в глотку влейте магнезии, с полстакана.

– Да с ментами… А откуда вы знаете?

– Просто не знаю другого места, где деньги в задницу запихивают, кроме участка. Денег-то там много? Стоит возиться?

– Ой, полицейские говорят, должно быть полмиллиона.

– Хера себе! Минимум пачка? Да ну, что за очко надо иметь. Хотя попадаются специалисты, знатоки и любители анальной жизни.

– Я не знаю, я пальцем только достаю, они в рулончик свернуты.

– Ну если достаете, вы там пальцем-то пошевелите, пересчитайте на ощупь. И скажите, что меньше чем за половину мы не согласны. Пропофола[4] у меня мало, пусть терпит.

– Попробую, спасибо.

Спускаться в приемный покой лень, если надо – позовут в операционную. Делюсь информацией с напарником, он моложе и его почему-то страшно заинтересовала ситуация:

– Пойдем, посмотрим. Интересно.

Ладно, пошли.

Больше шутить не буду никогда. Обещаю. Доктор воспринимает мой совет как руководство. В приемном отделении картина: двое сотрудников удерживают скованную наручниками орущую жертву, хирург шерудит своими пальчиками в очке, пытаясь пересчитать купюры. Смешно…

Через пару минут к нам возвращается способность разговаривать.

– Ладно, дай-ка я попробую.

Натягиваю перчатку девятого размера на свою ладошку, так, иди сюда, милый, теперь моя очередь. Милый, посмотрев на мои пальцы, начинает кричать:

– Стойте, ребята! Я сам! Пустите!

И не добежав со спущенными штанами до унитаза вываливает на пол кучу денег. На вид, сумма явно меньше заявленной, но пересчитывать лень, хотя и говорят, что деньги не пахнут.

* * *

Захожу в палату, формальный визит, заполнить бланки осмотра анестезиолога.

– Скучаем?

– Да, лежу, пока из всех процедур мне только пах побрили. На хрена пах брить, когда оперировать будут сонную артерию, на шее?

– У нас всем бреют, если кому-то будет нечего делать, то можно яйца почесать. А бреют, чтоб ничего не мешало, специально со стороны, с которой пареза нет. Вот тут ваша подпись, через пару часов в операционной встретимся.

Встреча старых знакомых

Слышу разговор на лестнице, сосудистый хирург из областной больницы делится воспоминаниями с коллегами. Рассказывает случай.

– Как-то, лет 10 назад, оперировали мы в одной районной больнице бабушку с тромбозом лучевой артерии. Под местной анестезией. И вдруг бабушка разговаривать перестала. Я заглянул за рамку, смотрю, а бабушку раздуло так, что голова на подушке не помещается, и не дышит. Шок, значит, анафилактический. Тут появляется какой-то анестезиолог, молча, как зомби, начинает собирать наркозный аппарат. Я ему кричу: – Быстро, быстро! – а он мне:

– Быстро, это у министра, а ты иди на х… И с последним бабушкиным вдохом сует ей в трахею трубку. Молча ставит центральный катетер, заряжает шприц с адреналином и уходит курить. И из коридора слышу:

– Ну чего встали, работайте. Хули не предупредили, что ночью решили операцию замутить? А если б я поссать не пошел в пять утра? Сидели б в полном говне.

А меня от стресса радикулит схватил, согнуться не могу. Он мне предлагает, давай, промедол уколю, спишу на вашу бабушку. Короче, запомнил я случай, это было ярко, это был единственный раз, чтоб меня где-то послали.

Случай показался знакомым, подхожу к беседующим:

– А вы знаете, я почему-то тоже запомнил двух мудозвонов, которые в баллончик сосудистого катетера, вместо физраствора новокаин налили. Никакого стерильного раствора больше не нашли. Ну и лопнул ваш баллончик где-то в стволе на уровне сонной артерии, и бабушке новокаин прямо в мозг. А на истории

же крупно было написано: «Новокаин не переносит».

– В жизни у меня не было, чтоб баллончик лопался, а тут такое совпадение. А кстати, чего с бабушкой?

– С бабушкой? Бабушку я не будил два дня, пусть мозги отдохнут. А на третий день повторный тромбоз, руку пришлось ампутировать. Так что она проснулась уже без руки. А вы-то погорячились, обещали ей руку сохранить. Очень недовольна была. Все кричала, что жалобу напишу. Пишите, говорю, пишите, только чем?

Круче, чем яйца

Два немолодых анестезиолога перекладывают больного на операционный стол. Больной очень тяжелый, в смысле состояния. Уже в глубоком наркозе, на искусственной вентиляции легких. Кажется, все готово для броска. В последний момент вспоминается, что руки привязаны к кровати. Начинают распутывать узлы веревок. Разрезать жалко, веревки выдают редко.

– Да ты их от кровати отвяжи, легче. Потом все равно руки привязывать.

– Да это ты свою от кровати отвяжи. Здесь-то чего привязывать. Правую сейчас отрежут.

– Забыл. Ну пусть тогда вязка на руке останется. Унесут на веревке. Удобно.

– Да жалко. Веревки – дефицит. Пригодится еще.

Узел, наконец, поддался.

– Плохой дед. Как думаешь, со стола снимем?

– Снять-то снимем. Только похоже дед свою руку еще на этом свете догонит. Ну ты готов?

– Готов.

– Ну тогда на счет три. С Богом.

* * *

Иной раз читаешь записи кого-нибудь из коллег на его страничке и думаешь: неужели все реаниматологи такие крутые? Встает перед тобой некий образ человека, лишенного страха, уверенного в себе, способного справиться с любой ситуацией. Человека, не имеющего сомнений в правильности своих действий. В общем, второй после бога, а иногда и первый. Лично я таких врачей боюсь, и вам советую опасаться. Как-то пришла

устраиваться на работу доктор среднего возраста, заявившая с порога:

– Я очень хороший реаниматолог. Это уже насторожило. Человек должен сомневаться всегда, а особенно в том, а хороший ли он реаниматолог. А на вопрос, почему же тогда твоя трудовая книжка распухла от записей, ответила уклончиво, объясняя частую смену работы происками недоброжелателей, тем, что никто не желал иметь в подчинении человека, более грамотного, чем он сам. Ну что, бывает, повода отказать в приеме не было, а жаль. Было понятно, что человек себя еще покажет.

Как-то раз тетенька пошла со своим напарником покурить. Поскольку в стране и в больнице идет борьба с курением, курить приходилось в местах не приспособленных, не в нормальной курилке, а где-нибудь в сортирах, душевых или в санитарных комнатах. Вот они стоят, курят в санитарской, и вдруг ее напарник падает как скошенная былинка. Напарник был законченный алкаш, но тогда вроде был трезв, хотя говорят, что у него припадки случаются иногда даже у трезвого. И падает не просто, а головой прямо в бак, в котором санитарки развели какой-то свой антисептик. Хорошо, если анолит, и хорошо, если он в баке был уже разбавленный. В общем, как упал он головой в этот раствор, так в нем и трясется. Вначале пузыри пускает, а потом уже трясется тихо, без пузырей. А лучший реаниматолог от испуга кричит на все отделение: – Врача! Срочно позовите врача!

Забыла, что другого-то врача на отделении нету, что второй-то врач бьется головой в тазике. Пришел санитар, очень удивился:

– Ты чего орешь?

– Врача позовите!

Санитар удивился:

– А ты кто?

А напарник уже и трястись перестал, наглотавшись дезраствора.

Санитар вытащил припадочного из бака на пол, облил водой, смыв ядовитую химию, прикатил каталку, погрузил и отвез в палату. Теперь, говорит, лечи сама. Когда к товарищу вернулся рассудок, оказалось, что у него в двух местах сломан позвоночник. Пришлось оперировать, и лежать после этого ему пришлось долго.

* * *

Урок анатомии малого таза, взгляд изнутри.

Оперируют хирург вместе с гинекологом. Хирург:

– А это что за хрень? Откуда это?

Гинеколог:

– Это влагалище. Вернее, то, что от него осталось.

– Да какое тут, на хер, влагалище?

– Просто у нас всегда, у всех, между пузырем и прямой кишкой находится влагалище.

– Да ты, не обобщай, не у всех!

– Просто ты его изнутри редко видишь, вот и не узнаешь. Мы видим чаще.

– Выглядит, сказал бы, неэротично.

Профессиональный диалог

Новогодняя ночь, хирургу плохо, хирург трезв. Пот со лба капает в рану. Руки еще работают, а голова уже нет. На столе парализованный дедушка, 92 года, призреваемый сестрами милосердия в богадельне при местном соборе. Гигантская паховая грыжа, наследие еще советских времен. Ущемление в таком возрасте редкость, видно, дедок из последних сил потянулся к тумбочке за стаканом воды, хотел пить. Когда – не известно, два, три, четыре дня назад? Дара речи дедушка после паралича лишен, пожаловаться не смог. Двоюродные сестры милосердия насторожились только тогда, когда началась кишечная непроходимость, заметив рвотные массы на полу у кровати.

Операция долгая, скучно. Пытаюсь завязать разговор:

– Слушай, не пойму, а ты по какому автору делаешь пластику?

– Да тут получается что-то среднее между двумя способами, по Жирару – Спасокукоцкому и Кимбаровскому.

– Интересно, а где же у тебя канатик?

– Черт, не заметил! Вот же он, засохший, сверху остался.

– Так что получается, по Постемпскому? Не удержится, ткани-то говно. Сетку ведь сейчас не поставишь. Дед еще раз за стаканом потянется, и вся твоя работа псу под хвост.

– Не потянется уже… Ну а чего тут еще сделаешь?

– Отсеки его, этот канатик, один хрен передавится. Знаешь песню: «Как дружно рубились канаты…»?

– А яйцо? Его что, тоже? Одно оставить? Не аккуратненько…

– А яйцо-то ему зачем, кому показывать? Потом, если захочет, шарик ему в мошонку закатаешь, для эстетики. Хотя вряд ли.

– Ладно, я ему еще дупликатуру апоневроза сделаю, типа как

по Мартынову. Удержит. А канатик, да пусть сверху болтается.

– Ты чего, хочешь все известные способы в одной операции объединить? Думаешь, дед скоро сразу со всеми авторами встретится, всем им от тебя привет передаст?

– А куда он денется…

– Не волнуйся, ты его еще выпишешь, ты его еще будешь в богадельню обратно устраивать. А то обрадовались там, понимаешь, спихнули деда.

Хорошо, что люди спят во время операции, не слышат профессиональных разговоров.

* * *

– А бабка-то в полном маразме. И как будем оформлять согласие на операцию?

– Коллегиально, как обычно.

– А родственники у нее есть?

– Есть. Самая близкая – бывшая невестка. Сын умер.

– А она согласна?

– Она согласна. Говорит, что готова ее потерять.

В приемном отделении у входа вывесили объявление, прейскурант цен на платные услуги. 20 страниц. Начинается безобидно: Прием врача, прием КМН, ДМН. Анализы крови, мочи, биохимия, УЗИ и т. д., все возможные в больнице исследования по нарастающей сложности и цене. На последней странице – цены бритье, посмертный макияж, одевание… Получается, полностью отражены все этапы курса лечения в стационаре.

Моя статистика

Никто не любит статистику, никто не любит писать годовые, квартальные и месячные отчеты. Собирать данные в таблицы, анализировать, изображать выводы. А выводы порой бывают парадоксальные, и многое зависит от того, с какой стороны посмотреть на итоговые цифры. Любой, даже самый отрицательный показатель, можно повернуть в свою пользу. Это не сложно, Яков Перельман вытворял с числами и не такие чудеса.

В месячном отчете неожиданный рост смертности на отделении почти в два раза. Это не хорошо, это стоило на две недели уйти в отпуск. Можно факт объяснить многими

причинами: лето, большее число больных, тяжелее травмы, больше ДТП. Но объективность никому не нужна, начнешь оправдываться – значит, виноват. Поступаем проще, попробуем разбить все случаи не только по характеру болезней, но и по дням недели. И получается интересный результат: 80 % смертей приходится на выходные. Факт интересный, включаем в отчет.

Главный врач встревожен, рост летальности не только у меня, но и по всем отделениям. Вызванные заведующие оправдываются. У меня никаких оправданий:

– Смотрите, подавляющее большинство умирает в выходные. А кто у нас по субботам-воскресеньям работает? Пожалуйста, вот график. В выходные дни работают совместители, и на время их дежурств и приходится 80 % летальных исходов. Я сколько раз просил: уберите совместителей, не нужны они в таком количестве, нет, вы сами заставляете брать новых, молодежь, которую приводят с кафедры, набраться опыта. Пусть опыта набираются в другом месте, а мне нужны основные сотрудники.

Совместителей никто не убрал, но и ко мне никаких вопросов больше не возникло. Другое дело, что умирали-то в основном больные безнадежные, которых тянули изо всех сил от дежурства к дежурству, а у совместителей такого стремления нет, передать человека живым следующей смене. Этого в отчете указано не было.

Иногда получаются действительно интересные выводы. Мало кто верит, что большее количество смертей от общего переохлаждения случается не в самые холодные месяцы года, а летом, особенно в мае и августе. Северная погода переменчива, ночи прохладные, сыро. Не стоит больших трудов заснуть на солнышке, а проснуться в луже под дождем с отмороженными ногами или даже не проснуться вообще. И эта тенденции только растет из года в год.

Иногда когда встречаешься с потомственной династией отмороженных, с продолжателями дел старшего поколения. Наблюдаю, как вырос, возмужал потомок одного из наших старых пациентов, ныне, к сожалению, покойного. Когда его папенька после очередного перепоя загибался от панкреонекроза, сынок еще рукавом подбирал слюни с подбородка, поскольку глотать ему было тяжело, язык идиота с трудом помещался во рту. Речь соответствовала облику:

– А чё? Папка-то помрет, а? Да? О! Ну ё…, я там, я, короче, потом зайду.

Но сын подрос, жизнь научила его глотать, и не только слюни. Возможно, природа для него изобрела какой-то необычный способ проглатывания пищи. Лягушка, например,

прекрасно глотает с помощью глаз. Надо сказать, что предок его имел странное хобби: в начале каждой зимы отмораживать руки. И регулярно теряя пальцы, кисти, незадолго до кончины остался с двумя культями, чуть ниже локтей. При этом совершенно свободно себя обслуживал, зубами открывая бутылки, а стакан, зажатый между обрубками, вырвать было практически невозможно. Неоднократно приходилось в этом убеждаться. Запомнился он еще одним эпизодом. Потребовалась как-то ему срочная операция, кажется, случилось прободение язвы. Дежурный хирург осмотрел и дал команду везти в операционную. Но товарищ поднял крик на всю больницу:

– Пошел ты на…! У меня есть лечащий врач – женщина, я всегда у нее лечусь. Пока она не придет, я тебе, пидарасу, согласие на операцию не даю! Женщину мне сюда приведите! Женщину хочу!

С одной стороны радовала красота и четкость формулировок в отношении хирурга, а в тот день дежурил начмед, но и затягивать с операцией не хотелось, время шло к полуночи.

– Послушай, друг, я все понимаю и даже тебе сочувствую, без бабы тяжело. А безрукому без бабы тяжело вдвойне. Но пойми – время. Тянуть с операцией опасно.

Убедить не удалось, пришлось ночью послать «Скорую» домой за его лечащим врачом.

И вот сынок унаследовал от папеньки не только слабость к спиртному, но и его увлечение. И даже превзошел, не стал ждать холодов. Правда, начал с ног, уснув на болоте, рядом с поселком. Скоро узнаем, на каком уровне придется ампутировать. Но главное – начать. Жаль, что папаня в свое время не успел отморозить яйца.

Под Новый год, копаясь в своем рабочем компьютере, решил разобрать свою статистику по ДТП с тяжелыми последствиями, когда имелись шоковые травмы, часто с летальным исходом. Никак не думаю, что это совпадет с официальными данными ГИБДД. Велика роль местных факторов. Сельская местность, садоводства, близость федеральной трассы. Но тенденция прослеживается.

Было таких случаев около 50 за последний год. Отбросил в сторону анекдотические, типа дедушки 76 лет, разбившегося на скутере, сбитых пьяных велосипедистов, мужика, впервые в жизни севшего на мотоцикл и решившего покатать 10-летнего сына. Сын, к счастью, остался жив. Получается интересная картина. Не нашел ни одного подобного ДТП, когда виновник аварии был трезв и находился за рулем своего автомобиля, купленного на

собственные деньги и соответствующего его доходу и социальному статусу. Два случая, когда водитель за рулем такого автомобиля был в легком алкогольном опьянении. При этом виновником ДТП он не был. Вывод простой, если ты честно заработал на автомобиль, вряд ли ты пьяный в него сядешь.

Все остальные виновники ДТП находились за рулем автомобиля, который был либо им подарен, либо явно не соответствовал официальным доходам. Типа новенького «Ауди А8» у двадцатипятилетнего сержанта ДПС, либо новый «Крайслер-300» у скромного работника пенитенциарной системы. Проще говоря, у вертухая. В 80 % водитель в подобных случаях был пьян. Трезвыми разбивались исключительно подростки, в среднем возрасте 18–22 лет, которым новые тачки дарили родители. Надоедает выслушивать жалобы родителей, почему вы не можете спасти их потомка, мозги которого остались на асфальте. А на вопрос, зачем вы на совершеннолетие подарили ребенку «Ауди ТТ», начинают угрожать жалобами и прочими неприятностями.

Исключение из правил составляют местные цыгане. Они предпочитают нашу классику и разбиваются трезвые на своих ведрах. Хотя и крайне редко. Зато наверняка насмерть. Ну и на счет их доходов вопрос спорный.

Так что, будь я депутатом Госдумы, наверняка бы внес массу законопроектов. Во-первых, запретил бы дарить машины. Доверенности выдавать только членам семьи, зарегистрированным по одному адресу. При регистрации машины требовать из налоговой справку об уплате налогов: если ты лет за пять зарабатываешь на новую машину, способен накопить или расплатиться с кредитом, платишь с этого дохода налог, тогда пожалуйста. Хочешь машину весом более двух тонн? Нет проблем, иди в автошколу, получай права категории С. Мощностью больше, чем, пусть где-то 160 л.с. – тоже не вопрос, откатайся без аварий хотя бы года три на машинке с меньшей мощностью. В общем, пока оставим предложения по законодательству, отчет писать надо.

Порой с удовольствием читаешь старые книги по медицине, одна из любимых – учебник по судебной медицине, под редакцией Попова, изданный в 1938 году. Цитата из главы «Огнестрельные ранения»: *«Кто стрелял с близкого расстояния, тот знает резкие воздушные удары по держащей револьвер руке, часто с примесью отлетающих назад частичек костей и тканей, удары, которые дают газы, отражаясь от цели».*

Это прекрасно, кто стрелял – тот знает. Я бы еще добавил, что

с теми, кто не стрелял в упор, и разговаривать не о чем.

Еще цитата. *«Французские авторы так характеризуют выстрел в упор: «ничего снаружи, все внутри…» Это не совсем верно. При наших многочисленных опытах со стрельбой из нагана в упор даже при сильном придавливании ствола к мягким покровам все-таки вокруг пулевого отверстия получалось насыщенное кольцо копоти, иногда со слабой еще копотью по периферии»*

Издание 38-го года. Какова была экспериментальная база! Каков простор для творческих экспериментов! Можно позавидовать исследователям.

Но завидовать не будем. Накопилось за год изрядное количество случаев огнестрельных ранений. Естественно, не смертельных. Тех, кого уложили на месте, везут сразу в морг. Все понимаю, пострелять хочется, но зачем мне лишняя работа? Как-то летом один клиент на своем садовом участке наклонился, а случайный прохожий с улицы выстрелил ему в задницу из травматики. Просто так захотелось, из любопытства. Попадет – не попадет. Попал. Промахнуться было трудно. Мишень была такой величины, что мужик в двери протиснулся только боком. В чем-то я прохожего даже не осуждаю. Когда мужик снял штаны, у меня тоже подобное желание мелькнуло. А когда он растекся по операционному столу, желание окрепло.

А на днях наблюдаю уроженца солнечного Узбекистана с отстреленной жопой. Картечь. Зачем и кто – молчит, да мне и не особо интересно. Скорее всего, какие-то межэтнические разборки. Тогда в ближайшее время жди таджика с аналогичным зарядом в заднице. Опять работать.

Операция по выковыриванию шариков картечи длилась ночью 285 минут. Спасибо узбек не скажет, остатки его яиц остались в тазике. За неполные пять часов возникло много законодательных предложений.

Из всех печатных газет читаю только «Российскую». Загадка, но почему-то она бесплатно приходит мне уже лет пять. Ходил на почту, объяснял, что никогда ее не выписывал. Не помогает, газета продолжает приходить. Может быть, страна мне делает такой подарок, только за что? Когда-то, еще в начале 80-х, в комсомоле заставили выписать «Правду». В целях экономии подписался на 3 месяца. Приходила она два года. Тогда пришлось устроить на почте скандал, газета ежедневная, увесистая, меня дома не было неделями, почтовый ящик переполнялся. Сразу было видно, что квартира пустует.

Кажется, какой еще орган официозней «Российской газеты»? Но и в ней идет какая-то странная дискуссия на тему оружия. Что разрешать, кому. Какое-то баловство с терминологией:

травматическое оружие, оружие ограниченного поражения. Полная ерунда. В конце концов, мы свободная страна или нет? Если разрешать, так всем без ограничений. Ручное огнестрельное оружие свободно, без дифференцировки по тактико-техническим характеристикам. Наличие судимости – не в счет. Состоишь на учете в ПНД? Дееспособен? Пожалуйста. Можно приобретать в кредит, в лизинг, даже в аренду.

Ввел бы только несколько условий. Во-первых, пройти курсы подготовки. Не надо сдавать норматив мастера спорта, но метров с пятидесяти грудную мишень кандидат должен поражать наверняка. Мне лишней работы не надо. Дробовики использовать с расстояния не более 10 метров, желательно в упор, чтобы предотвратить разлет дроби или картечи. Но тут все должно зависеть от характеристик, в охотничьем оружии разбираюсь слабо. Гранаты? Пожалуйста, только от «Ф-1», и применять исключительно в закрытых помещениях, чтоб исключить не смертельные ранения. Как учил бойцов в Сталинграде маршал Чуйков: «Перед входом в квартиру – брось гранату». Вопрос с автоматическим оружием пока продумать не успел, операция закончилась. Тут общество еще не вполне созрело. Пожалуй, в городах временно стоит ограничить. До повышения общей культуры населения.

Перед Новым годом нет никакого праздничного настроения. У всей страны выходные, а тебе не только работать, но и писать годовой отчет. Нарядили елку, подаренную местным лесхозом – не помогло. Достали из шкафа старинного Деда Мороза. Ватное изделие с давних советских времен, под названием «Дед Мороз № 2». Надпись интриговала давно. Смотрю, и в народе нет ощущения приближающегося праздника.

Среди пациентов ни одной яркой личности. Администрация сделала шикарный новогодний подарок – рулон новых шелковых лент для фиксации буйных клиентов. Постоянный дефицит, но пока не пригодились.

Одна только новогодняя шутка несколько тронула новизной. Заботливые друзья оставили перебравшего друга не на улице, а в теплом подвале. Перед уходом облили раствором валерианки. Бездомные кошки его обоссали так, что из приемного отделения пришлось вынести на улицу проветриваться. Дышать было нечем. Он долго скребся под дверями, просясь в тепло. Ждали, когда замяукает. Забавно…

Количество алкогольных психозов после праздников уже давно не поражает. Их качество тоже. В прежние годы психозов было побольше. И по качеству они были поярче. Характер

горячечного бреда населения как нельзя лучше демонстрирует снижение пассионарности великорусского этноса. Перевелись в последнее время яркие представители делириозного движения, готовые к самопожертвованию ради достижения великой цели. Пройдена аккматическая фаза этногенеза, когда люди в бреду готовы были на самосожжение, отрезание яиц, поедание собственного дерьма в жареном и сыром виде и прочие подвиги во имя белой горячки. Измельчал бред. Если судить по Гумилеву, наступила стадия надлома. Большинство устраивает охоту на мух, собак, птиц, выковыривание червей, насекомых, гвоздей из собственного тела. Нет великой идеи, нет цели. Да и качество водки подводит. Гумилев не учел этого фактора этногенеза.

Давно уже не попадались такие яркие горячки, как бывало в прошлые годы. Воробьев гонять? Мелко. Крошишь хлеб на пол в палате? Птичек покормить? Бедняга, белочек тебе, значит, не досталось. А раньше были орлы… Помню одного, у которого орел в кровати свил гнездо. Из простыней и тряпок сооружено было подобие орлиного гнезда, со всеми положенными аксессуарами. Вокруг были разбросаны перья из подушки, помёт. Когда огромная птица снесла ему яйца, он пошел на кухню из них жарить яичницу. Оказалось потом, что он отрезал свои. Соседи по коммуналке пожарить не дали, пришлось сожрать сырыми. Вся рожа в крови, но был доволен, что успел проглотить.

Народ к праздникам привык и больше поражает спокойное будничное отношение народа к безумию окружающих. Подумаешь, человек в палате третий день под кроватями с мешком ползает, детские игрушки в мешок собирает. Не мешает ведь никому. Заодно и пыль протрет. Вот когда стекло разбил, увидев за окном пролетавшую мимо покойную супругу в очках, которых она никогда не носила, вот тогда соседи врача и позвали. Холодно стало в палате. Думаю, что была бы покойная супруга без очков, он бы и не обратил внимания. Но на очках его почему то заклинило:

– Как так, доктор, почему в очках? Она же при жизни никогда очков не носила?

Дежурного врача насторожило поведение еще одного больного в палате. Он ночью спал, проснулся, встал, помочился на соседа и спокойно уснул. Но его сосед с другой стороны вполне резонно объяснил ситуацию:

– Вы понимаете, доктор, он ведь вчера весь день спал. Выспался за день. Конечно, ночью ему не спалось. Ходил всё по палате, потом снял с соседа одеяло, обоссал его с головы до ног и спать лег. Делать то по ночам здесь нечего. А так он успокоился и заснул.

Рассудительный человек стал следующим. Продержавшись еще пару дней, на третий увидел перед собой горящую новогоднюю елку. Позвонил 03. До прибытия пожарной команды принял меры по самостоятельному тушению пожара. Был замечен персоналом, когда бежал по коридору с ведром воды. Послан за огнетушителем этажом выше, в реанимацию, где его и связали. А пожарные так и не приехали. Когда поступает вызов из больницы, они уже давно проверяют у ответственного дежурного, горит ли чего или пожар происходит только в душе вызывающего. Много было напрасных приездов.

Впервые за январь смертность получилась среднегодовая. А были времена, когда в январе умирало столько, сколько за остальные 11 месяцев. А сейчас? Не было ни одной белой горячки, горящих елок, летающих фей и Дедов Морозов. Последний персонаж, прозванный Гарри Поттером, вылетел из окошка еще в ноябре, оседлав швабру.

Ни одной типично новогодней травмы. Количество проломленных черепов укладывается в среднестатистическое. Никто за новогодние каникулы не умер от цирроза, не замерз, не отморозил ног, обоссавшись в штаны. А морозы были…

Тревожное ощущение. Кажется, что жизнь остановилась. Пора новогодние каникулы отменять.

Местные шутники распечатали на ксероксе пачку листовок, разложив их в приемном отделении:

Праздничный совет

Люди! Не умеете – не опохмеляйтесь.

Рецепт, проверен вековым опытом и строго научно обоснован. Многократно испытан, в том числе на себе.

1. Рассол. Лучше капустный. 200 г.
2. Водка. 100 г.
3. Жирная наваристая мясная пища.
4. Минеральная вода, чай с медом.

Можно повторить однократно через 2–3 часа, не нарушая последовательности. Об ингредиентах лучше позаботиться заранее.

Противопоказаны: пиво, маринады, кофе, шоколад, большое количество простой воды. Никаких внутривенных вливаний! Никаких наркологов-любителей! Объявления о прерывании запоев на дому – элементарное мошенничество. Если угрожает делирий – смесь Попова 50 мл три раза в день. (50 г водки + 0,4 г фенобарбитала.) Фенобарбитал в крайнем случае можно

заменить на бензодиазепины. Начавшийся делирий лечить только в реанимации.

Берегите себя!

Не знаю, может быть, это немного помогло.

Отрывной календарь

Давно, уже много лет, покупаю и читаю единственное периодическое печатное издание: отрывной календарь. Практически все новости о событиях в мире узнаю исключительно из него. Жаль, что выпуск отрывных календарей в стране монополизировало какое-то костромское книгоиздательство. Жаль по той причине, что в их постоянной рубрике, «Восход, заход, долгота дня», указываются данные для столицы, а не для нашего северного региона. Зато в остальном – масса полезной информации. От рецептов заготовки овощей до способов ловли кузнечиков. От способов выведения пятен на ковре до советов по медицине. Календарь раскрывает кулинарные секреты: «В мясе сохранится больше витаминов, если его варить в холодной воде». Попадаются и полезные советы, иные даже пытаешься использовать в работе. Ну вот, например:

Заговор от запоя

Надо отобрать у пьяницы недопитое им вино, отнести на кладбище на могилу покойного с таким же именем и отчеством, и там, перевернув стакан или рюмку, сказать сам заговор:

«Как мертвый вина зелена не пьет, как он рюмку в мертвую руку не берет, так чтобы и раб Божий вина не пил, о зеленом хмеле не тужил. Будьте слова мои крепки, станьте дела мои лепки. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Надо бы отнести листочек соседу, вернее, его жене. Соседа зовут Захар Квинталионович. Бухает Квинталионович по-черному, и супруга давно отчаялась найти способ его вылечить. Тратит безумные деньги, таская его по частным клиникам. А так ей хотя бы будет чем заняться, пусть поищет могилку покойного тезки.

Ну и ко всему календарь ежедневно предлагает по три-четыре праздника. От государственных до дней рождения известных личностей. Можно смело сказать, что календарь – это праздник, который всегда с тобой.

Январь

Святки. Говорят, на святки принято гадать. Сплошное суеверие. Первый рабочий день нового года. Народ обсуждает, как сложится дежурство. Работать никому не хочется.

Первый поступивший с утра – мужчина. Хорошая примета, к удаче. Молодой – прекрасно, возможно – к деньгам. Кишечная непроходимость? Пока не понятно, к чему, посмотрим по ходу

операции. А вот вскрывать перераздутую газом толстую кишку электроножом – примета плохая. Точно знаю, сталкивался, хоть в приметы и не верю. Успеваю только крикнуть хирургу:

– Не делай этого, – и присесть. Хирург не услышал, а может быть, не поверил… Редко такое случается, но иногда кишечный газ бывает горюч. И даже взрывоопасен. Сидя под столом, слышу хлопок, крик: «Твою мать!» Все понятно, вспышкой хирургу обжигает пальцы. Содержимое кишок разлетается в стороны. Запах свежеподжареного говна и горящей резины. А виноват кто? Я оказался и виноват. И не потому, что не предупредил, а потому что вылез из-под стола, единственный из всех, в чистом белом халате.

Эх, прав был Федор Михайлович, нет в России веры, сплошное суеверие…

Одно утешает. Случай и так был неоперабельный, рак. До следующего утра человеку все равно дожить было не суждено.

* * *

Календарь напоминает: **23 января** 1783, родился Стендаль. Для тех, кто не помнит такого писателя, дает справку: «Известный французский писатель, один из основоположников психологического романа. В печати выступал под различными псевдонимами, наиболее важные произведения опубликовал под именем Стендаль. При жизни был известен не столько как беллетрист, сколько как автор книг о достопримечательностях Италии».

Я такого писателя помню. И всякий раз вспоминаю его итальянские хроники, его Аббатису из Кастро, когда приходится рядом с моим садоводством, в поселке, заходить в местный продуктовый маркет. «Капитан Бранчифорте имел веские основания не жить в Риме, там ему грозила опасность встречи с сыновьями убитых им людей». Поэтому всегда, когда захожу, оглядываюсь по сторонам, нет ли вокруг знакомых лиц. Сегодня придется идти в другой магазин, у входа стоит местная сумасшедшая, встреча с которой не желательна абсолютно. Года три назад в больнице в течение двух месяцев погибла вся ее семья. Первым умер муж, отставной инспектор ГАИ, умер от тромбоэмболии. Это не удивительно, выйдя на пенсию, он захворал ожирением. Его было жаль, связи в ГАИ у него остались, и пару раз он спасал наших докторов от лишения прав. Вскоре от инфаркта в реанимации умер и ее старший сын, разрыв миокарда. Второй поступил с несовместимой травмой, попав в

ДТП, и умер от кровопотери прямо на операционном столе. А вот младший сын умирал долго. Весил он килограммов 400, и ночью его притащили шестеро сотрудников МЧС. Нести на руках его не могли и тащили носилки по полу. Огромная синяя туша, в придачу к инфаркту, через пару дней заболела еще и белой горячкой. Это было удивительно, человеку несколько лет его вес не позволял встать с кровати, и стало интересно: а где брал спиртное? Приносила мама, иначе, говорит, он ее бил. Вопрос, зачем тогда к нему подходила, вызвал полное недоумение:

– А как же иначе?

Отлежав неделю в реанимации, сынок на этой же кровати переместился в кардиологическое отделение, а когда ночью у него внезапно случилась тромбоэмболия, из него плавно переехал в морг. Переехал на той же кровати, переложить его на каталку не было возможности. Кровать пришлось списывать.

После этого у матушки снесло крышу, и она поклялась отомстить докторам. К счастью, здоровье, подорванное стрессом и алкоголем, не позволяло ей доехать до больницы, и она пыталась встретить кого-нибудь в своем поселке, километров за 40 от райцентра.

Февраль

2 февраля – День сурка. Тяжело терять своих постоянных пациентов, тяжело. Привыкаешь к ним. Ведь имидж больницы – это не только ее внешний вид, ее коллектив, оснащенность, но и ее постоянные посетители. Родной контингент. Вот и накануне сидим с эндоскопистом в курилке, вспоминаем. Эх, давно чего-то не поступал к нам горячий финский парень по фамилии Вася Кислов, подданный страны Суоми. Неужели пить бросил? Зря вспомнили, не посмотрели на календарь. Завтра – день сурка, и все должно повториться вновь. Только перевалило за полночь, звонок со «Скорой»:

– К вам везут желудочное кровотечение, острая кровопотеря, шок… Почему-то сомнений не было, что это он. Приготовились встречать как дорогого гостя.

Лет с десяток назад я был первым, встретившим его в нашей богадельне. Тогда Вася был еще россиянином и только готовился к переезду на родину предков. Вспомнил, что с какой-то стороны имеет чухонские корни. Был пройден первый этап в получении гражданства: Вася сдал экзамен по финскому языку. Естественно, запил. Пил до желудочного кровотечения и потери сознания. В состоянии шока попал ночью ко мне. Кто знаком, знает, жизнь

таких пациентов в реанимациях интересная, насыщенная разнообразными процедурами. После промывания желудка Вася признался, что нигде еще не встречался с такой человеческой жестокостью. Жестокость? Вася, да сейчас из дома, только представь, ночью, приедет дежурный эндоскопист. И тогда ты узнаешь, что такое жестокость. Что такое экстренная гастроскопия, что такое наш отечественный эндоскоп. Я выйду, я на это смотреть не смогу. Кстати, не вздумай сопротивляться. Много лет мы думали, что наш эндоскопист – левша. Если утром приходишь на работу и смотришь, что на кровати лежит некое бледное существо с кровоподтеком на всю правую половину рожи, а на табличке с диагнозом написано: «Желудочное кровотечение», сомнений нет. Это его вызывали ночью, а человек сопротивлялся процедуре. Иных буйных приходится грубо успокаивать, чтоб не перекусили эндоскоп. Эндоскоп единственный. Но он не левша, просто правая рука у него при исследовании занята. Хороший эндоскопист должен уметь работать левой.

Чтоб скрасить тяготы процедуры, мы развлекали Васю разговорами: «Вась, а как будет твоя фамилия звучать по-фински? Кислый, кажется – хапан? Будешь писаться Хаппаненом? Или переводить фамилию не будешь? Станешь Вассой Кислонненом?»

– Идите на хуй! – кричал Коля с эндоскопом в глотке, – кончайте быстрее! Моя новая фамилия звучит (слово запомнить не удалось). Это в переводе на ваш язык – Окунев!

Но прозвище Васса Кислоннен осталось за ним до конца.

Тогда кровотечение удалось остановить без операции. Вася выжил, забыв свое обещание бросить пить. (Какие только глупости не лезут в голову при гастроскопии.) Визит к консулу за финским паспортом пришлось, правда, отложить, пока не отцвели синяки под глазами. Доктор все же не удержался.

Поводом к следующему запою стал переезд в Оулу. Снова обошлось. Как ни странно, мы с ним почти подружились. Он оставил мне свой адрес, буду проезжать – пожалуйста. Был как-то в Оулу, проезжал мимо, но торопился, не позвонил. В дальнейшем Вася поступал уже будучи иностранцем. Но никаких бонусов за это не получал. Пару раз в год он приезжал в отпуск в Россию. Пить. Его рвало на Родину. Запой заканчивался кровавой рвотой и попаданием к нам. И все повторялось снова…

Сегодня Вася в последний раз дал обещание бросить пить. Остановить кровотечение без операции не удалось. Пришлось брать на стол. Резекция желудка при гемоглобине ниже 30, когда у больного шок – занятие неблагодарное. Шансы выжить близки к нулю. Ночь. Выхожу покурить в коридор оперблока. Неожиданно слышу, как по радио «Дача» играет финская полька. Как

специально, по заявке, на прощание. И под эту веселую музыку Васино сердце остановилось. Запустить удалось, но не надолго, жаль… Надеемся, протестов со стороны финского правительства не будет.

* * *

Сегодняшняя дата: **10 февраля.** Читаю. В этот день родились: 1799 год. Пушкин А. С. – русский поэт.

Странно… Мне почему-то казалось, что Пушкин родился летом, а 10 февраля умер, через два дня после дуэли. Вот уж действительно, почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура – это всякий знает.

Давно предлагаю пушкинскую «Историю Петра» в обязательном порядке изучать в медицинских институтах. Как образец при написании историй болезни. Прочтешь и становится сразу понятно, чем болел и от чего умер Петр. Как болезнь началась, как протекала. Никаких дурацких легенд типа пневмонии после спасения рыбаков в Лахте. Профессионал не напишет лучше. Сразу становится ясно, что причина смерти – уросепсис на фоне мочекаменной болезни, осложнившейся гидронефрозом. А изначально болезнь почек, которой Петр и страдал всю жизнь, скорее всего, началась из-за стриктуры уретры как последствие известной болезни, полученной во время пребывания в веселом городе Амстердам. Это тоже в пушкинской «Истории Петра» указано.

Одного не понимал и не пойму, почему сам Александр Сергеевич не мог грамотно закосить какую-нибудь болезнь, чтобы ему разрешили уехать на лечение за границу. Вместо этого засыпал Псковского губернатора письмами, с описанием каких-то несуществующих болезней, о каком-то замучившем его «аневризме».

* * *

17 февраля календарь неожиданно выдает информацию: к сожалению, есть праздники, которые в России практически неизвестны. К ним относится День спонтанного проявления доброты, отмечаемый во всем мире 17 февраля. Инициатором его проведения стали международные благотворительные организации, призывающие к бескорыстному проявлению доброты, не ожидая при этом награды за добрые дела.

Хороший праздник, жаль, что только один раз в году.

Иногда и нам попадаются добрые симпатичные люди и запоминаются надолго. Давно, еще работал на «Скорой», пришлось лечить бабулю от отека легких. 5 часов утра. Бабушка никак не может определиться, куда ей направиться: на небеса или еще пожить. Отек не проходит, из интубационной трубки наружу хлещет кровавая пена, наш портативный аппаратик ИВЛ пищит от повышенного давления. И тащить в больницу в таком состоянии страшно, лучше уж похоронить дома. Ладно, попробуем старое средство от пены, пеногаситель под названием «спирт». Терапия отчаяния. Хотя способ описан в каждом руководстве по интенсивной терапии, но никому еще не помогал. Но хочется верить, вдруг? Но спирта в те годы уже не выдавали, протирайте кожу одноразовыми салфеточками. Но на худой конец сойдет и его сорокапроцентный раствор под названием «водка». Вокруг родня, все нервничают, все ждут бабушкиного решения. Семья приличная, в такой наверняка найдется бутылка водки, пусть недопитая, но мне много и не надо. Спрашиваю, извините, у вас водки нет? Мне буквально грамм 50. Если бутылка закрытая – не открывайте, я могу и через пробку насосать шприцем. Дочка отвечает, конечно есть, сейчас, доктор, принесу. Уходит на кухню. Жду, нет и нет. Сколько же можно искать бутылку? Не выдерживаю, иду за ней на кухню, встречаю в коридоре. Идет: в руках подносик, на подносике стоит бутылка водки, три рюмочки (со мной были два фельдшера), блюдечко. На блюдечке аккуратно порезан лимончик. Не просил, а все равно приятно. Решила, устал доктор, ему надо чуть расслабиться.

Вроде пустяк, а запомнил надолго.

На счет Дня святого Валентина давно заведена отдельная папочка, потому сразу переходим к следующему празднику, к **23 февраля**, к Дню защитника отечества.

Чего греха таить, в звании майора многие увольняются из армии по причине упорной борьбы с зеленым змием. Часто словосочетание «отставной майор» – уже диагноз. Не смог перейти на следующую ступень, получить подполковника, свободен. Не хватило мозгов раньше понять, что армия не для тебя? Мог бы уволиться капитаном.

Очередной майор в отставке отметил День защитника отечества. Отметил так, что случилась у него клиническая смерть. Сердце завести удалось. А вот что произошло с мозгами, не известно. Так и лежал он в глубочайшей коме дней пять. Нет ни дыхания, ни рефлексов. Достоверно подтвердить смерть мозга мы в то время не могли. Его родная сестра все дни проводила перед

дверями отделения, умоляла, чтоб не отключали от аппаратуры. Успокаивали, что отключать от аппарата ИВЛ никто не собирается, мужику 40 лет. Бывают всякие чудеса. Но сестрица все равно сомневалась и продолжала дежурить у дверей. Супруга, майорша, не появлялась, по слухам, продолжала отмечать праздник одна.

Хоронить молодого мужика желания не было, перевести его в какую-нибудь другую больницу, по принципу «переведенный больной – спасенный больной» не удавалось. Даже от отчаяния позвонил знакомому врачу трансплантологу. Позвонил просто так, без всякой надежды:

– Вы после клинической смерти доноров берете? Вроде почки работают нормально.

– Конечно, берем. Всех до 55, только ты опять нам не пытайся узбека подсунуть. Иностранцев в качестве доноров не берем.

– А чего, разборка иномарок запрещена?

– Да, надо поддерживать отечественного производителя. Что за человек?

– Вроде по жизни здоровый. Отставник, майор.

– Не, мы отставных майоров не берем.

– Ну хотя бы приехал, познакомился. Коньяк у меня есть. Тебе же никто из твоих больных коньяк не принесет.

– Не, не могу, некогда. И на счет него больше не звони, у нас инструкция.

Что за инструкция, почему она запрещает брать отставных майоров, не понял. Но потом стал догадываться. Потому что случилось чудо.

На 6-й день сестра принесла для майора кучу пакетов с памперсами, с салфетками. В одном из пакетов был огромный торт и фрукты. Для нас. Не посмотрев, что в пакетах, я их все оставил в палате на прикроватной тумбочке. Потом сестры разберут, что – куда. И зайдя в палату минут через десять, вижу, как майор, а никто не догадался его привязать, зачем привязывать больного в атонической коме, вытащил из горла и носа все трубки, оторвал капельницы, сидит на кровати и всей головой вгрызается в торт. Вся голова в креме до ушей. Пока позвал коллег полюбоваться, он закончил с тортом и стал лопать бананы. Со шкуркой. Апельсины отняли, испугались. Говорит, ребята, жрать хочу, такое ощущение, что неделю не ел. Это было не только ощущением. Неделю он был на очень строгой диете, поить его через зонд поили, а вот с зондовым питанием у нас были проблемы, кормили по минимуму. Майор проголодался.

Через неделю майор был выписан за нарушение режима. Оказалось, что у входа стояла его машина, на которой он,

собственно, и приехал в больницу. Он слетал на ней в магазин. Не отходя от прилавка, выпил бутылку водки. Поехал обратно. Был задержан ДПС. Сказал, что лежит в больнице, документы там. Привезли в больницу, за документами. Какой-то пацан – гаишник пытался стыдить меня за допущенное безобразие, как вы позволяете больным в нетрезвом виде и т. д. Был послан на хер с напоминанием, как его самого однажды вытаскивали из патрульной машины, когда ездить он еще мог, а ходить – уже нет. Начмед распорядился выписать майора, без больничного листа. Обществу вернули полноценного члена.

Так у нас появился еще один повод гордиться нашей армией. Русского солдата один раз убить мало.

Март

Календарь сообщает, **18 марта,** день рождения Римского-Корсакова, одного из основателей и участников могучей кучки. Воспоминания про Римского-Корсакова, почему-то сразу вспоминаешь свою не самую удачную поездку на Озеро Ильмень.

Есть традиция в начале мая ездить куда-нибудь на озера Карелии, чаще на Ладожское. Дело не в рыбалке, какая рыбалка в начале мая? Нерест, рыба занята более важным делом. Просто провести несколько дней на природе, пока еще все места не заполнили туристы. Однажды решили традицию нарушить, но не оставаться дома, а съездить куда-нибудь в иное место. Надо и другие регионы осваивать. Например, новгородский или Валдай. На южном берегу Ильменя никогда не были, надо посмотреть на озеро как на один из символов Древней Руси. Вспомнилась знаменитая опера Римского-Корсакова. Решили побывать в местах, где Садко играл на своих гуслях, может быть, найти камень, сидя на котором он ожидал появления морского царя.

Поговорил со знающими людьми, знающие люди одобрили. Рыбалка, природа, там все прекрасно, съезди, не пожалеешь, понравится. Нашел по Интернету турбазу на берегу, недалеко от Старой Руссы. Звоню:

– Скажите, у вас можно остановиться, машину на пару дней оставить?

– Да без проблем, приезжайте. Стоянка – 100 рублей в сутки. Можете переночевать, у нас гостиница, ресторан. Вы на рыбалку? На сколько дней?

– Спасибо, может быть, остановимся на одну ночь. Только я с собакой.

– Так без проблем, у нас для собак специальный вольер,

сможете оставить. У нас охотники всегда останавливаются, с собаками.

– Я смотрю, на карте вокруг много островов обозначено, на них можно остановиться?

– Конечно! А лодка у вас есть? Если хотите, можете взять у нас. Или мы сами вас отвезем на какой-нибудь из островов. На два-три дня, в общем, сколько скажете. Лично я советую, на тот остров, где маяк. Там замечательное место, прекрасный пляж, мы сами туда ездим отдыхать. И рыбалка там хорошая. Приедете – покажем. Вы когда доберетесь?

– Да в общем-то, я уже собрался. Ну сколько мне из Питера ехать? Думаю, к обеду буду.

– Хорошо, приезжайте, мы вас ждем.

Всю дорогу до Старой Руссы поражаемся гостеприимству. Решили, что если действительно там так хорошо, остановимся дней на пять. Даже заехали в Новгород, докупить припасов. Хотя уже в Старой Руссе стало понятно, что от Древней Руси в окрестностях озера ничего не осталось, даже асфальта на улицах.

После поворота с трассы к озеру стали появляться какие-то сомнения.

– Слушай, а ты берег озера видишь? Вон лес вдали, а что за озеро перед ним? На карте его нету.

– Да не водоем это, поле, просто водой все залито.

Действительно, берега низкие, не понятно, где кончается земля и начинается озеро. Турбаза стоит в деревне на пригорке, за ней из воды торчат верхушки кустарника. Никаких островов до горизонта не видно. Интересно…

У входа стоит мужичок в резиновых сапогах и в белой рубашке с бабочкой, судя по голосу, мой телефонный собеседник.

– Здравствуйте, это я вам звонил.

– А, приехали. Вы как, у нас остановитесь?

– Да мы собирались только машину оставить, вы говорили про остров, где маяк, обещали показать.

– Да вон он, – мужичок показывает рукой в сторону горизонта, – видите, маяк из воды торчит.

Действительно, на горизонте торчала из воды верхушка маяка.

– Только вы сейчас туда не попадете, сейчас тут плавать опасно, половодье.

– Так, а с какого, извините?.. Сам вижу, что половодье, чего было не сказать, что у вас все вокруг затоплено? Вы чего думали, пока я еду, вода сойдет?

– А у нас каждый год так, все острова заливает.

– Ну я же вам пять часов назад звонил! Чего было не

предупредить? Откуда я знал, что у вас все тут, на х… залито? Я же сказал, что я из Питера приеду! У нас нигде такого половодья не бывает, ни на одном озере.

– А у нас бывает, у нас об этом все знают. Весна. Будете ночевать?

– Да пошел ты на!..

С трудом удалось подавить желание набить рожу гостеприимному хозяину. В незнакомой деревне бить рожу местному жителю опасно, пусть даже вся деревня тебя будет об этом упрашивать. Послав его еще раз, матерясь, поехали какими-то лесными дорогами дальше, на Селигер.

Гора Воттовара

День работников геодезии и картографии отмечается в России во второе воскресенье марта.

Скоро начнется сезон отпусков, все начинают планировать поездки, кому-то хочется на море, на солнце, а у меня простое желание: провести хотя бы несколько дней без радио, без телевизора, желательно без мобильной связи. Чтобы не видеть своих больных, да и желательно поменьше здоровых. Можно просто посидеть на берегу, можно с удочкой. Результат не важен – важен процесс. Но вопрос, где найти такое место. Поблизости, на островах на севере Ладоги? Но в начале лета там обычное дело – ветра, шторм. Южный берег как-то не очень привлекает. Доехать до Белого моря? Но тут нужен напарник, одному добираться тяжеловато. Обзваниваю приятелей, в прошлом любителей экстремального отдыха.

– Поехали на Белое море. Спустимся по какой-нибудь речке, выбирай сам: Умба, Кереть, Кузема. На островах поживем недельку, наловим семги, в крайнем случае – трески. Засолим, домой привезем. Красота!

И главное – ничего от тебя не требуется, разве только вещи посторожить, пока машину перегоняю, а дальше – сиди в лодке, кури, любуйся природой. Если захочешь, можешь поработать веслами. Но нет, ни один не соглашается. Ты что? По порогам? Сейчас половодье, страшно, да и холодно еще. Не пойму я, чего страшного. В двадцать лет было не страшно, а сейчас тем более, в пятьдесят. Дети выросли, никто не заплачет на могилке, не завоет: «Папа! Папа, на кого ты нас покинул!» По-моему, так бояться в нашем возрасте уже нечего. Напоминаю одному, как в молодости плавали по Лосевским порогам. Байдарка Таймень, видавшая многое, клеенная сотню раз. Надеть спасательные

жилеты? Да в голову такое не приходило. Страшно тогда было? Да, в первый раз страшно. Помнится, для храбрости купили маленькую, зарыли под камнем внизу, в конце порога на Суходольском озере. Мечтали: спустимся, наверняка промокнем, а внизу ждет маленький приз. Откопаем, согреемся. Посидели наверху, подумали, посмотрели, подтвердили старое правило всез любителей сплава по горным рекам: желание спуститься по порогу обратно пропорционально времени, затраченному на его осмотр. Спустились пешком, откопали маленькую. Сходили в магазин, купили бутылку уже нормального размера, зарывать уже не стали, выпили по стакану – и вперед. Остатки допили внизу. И ничего, не страшно было. А помнишь тех двух мудаков, что на резиновой лодке случайно свалились с плотины заброшенной ГЭС? Не мы ли это были? Как после, пристав к берегу, отвечали на вопросы наблюдателей:

– Скажите, у вас в Питере все такие ебанутые? Отвечали, что да, все, но мы выделяемся. Другому напоминаю, как перевернулись на байдарке и где? Стыдно сказать, на речке Тихой под Приозерском. Как ныряли потом за утонувшими рюкзаками под смех местных рыбачков. Или как перед этим просидели почти неделю на острове, попав в шторм. Без еды, без курева. Как потом тошнило от одного вида рыбы и грибного супа. Но нет, бесполезно, не уговорить. Понять можно, если здоровье подводит или дела, но ведь здоровые еще мужики, предложи, поехали на дачу, шашлычок, пивасиком затаримся, водчоночки – уговаривать не заставят, согласятся моментально. Придется искать самому, куда съездить, посоветуемся со специалистом.

Знакомый карел, хозяин магазинчика рыболовных снастей, как всегда любезен:

– Чего надо?

– На рыбалку хочу съездить. Посоветуй куда.

– Ну так поезжай. А куда хочешь?

– Ну не знаю, подскажи, хочу туда, где еще не был, куда-нибудь в район севернее Суоярви.

– Есть там место, давай карту. Вот, смотри, озеро, на озере заброшенная деревня, там никого. Никто не живет. Будешь проезжать через этот поселок, зайдешь там к одному моему однокласснику, скажешь, что от меня. Записывай адрес. Он тебе от своего дома в этой деревне ключи даст. И живи там хоть все лето. Озеро там так, не очень, берега низкие, зато рыбы наловишь, это обещаю.

– А какие-нибудь места там интересные есть?

– Есть, конечно. Гора Воттовара, например, слыхал про такую?

– Конечно слышал, читал в интернете статейку про эту гору, что название горы Воттовара известно всем любителям национальной мистики. Гора смерти, место силы, карельский Стоунхендж и прочие чудеса. Только слыхал, что добраться до нее проблема. Километров 20 по лесу.

– Говно-вопрос. Доберешься до поселка Гимолы, вот тебе телефон, зовут Игорь, позвонишь. Он там проводником работает, он тебе все покажет. Скажешь, что от меня… Главное – ты по лесной дороге туда на машине сам не суйся, застрянешь. Лучше Игорю заплати, он тебя отвезет. И на самой горе не ночуй, не надо. Опасно.

– А красиво там?

– Красиво? Не, не скажу, что красивое место, необычное. Страшно там. Недоброе это место, но ты съезди, посмотри. Тебе понравится.

Благодарю за совет, из дома звоню Игорю.

– Здравствуйте, мне сказали, что вы до Воттовары можете помочь добраться?

– Легко. Вы когда приедете?

– Сразу, как только дождь у нас кончится. Плюс где-то дня полтора добираться.

– Ну приедете, позвоните. Отвезу.

– А цена вопроса?

– Если вы от Олега, с вас полторы, туда и обратно. Ну и еще по горе проведу, а то там сами заблудитесь. Одного дня нам хватит. Да, и до горы на машине сами даже не пытайтесь, я в этом году уже несколько «уазов» вытаскивал.

Хорошо, договорились. Через пару дней с утра добираюсь до поселка, звоню. Первый облом. Телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети… Поселок под названием Гимолы, и так чуть живой, в субботу вымер окончательно. Единственное попавшееся существо, издали напоминающее женщину, стоит во дворе, уцепившись за забор. Пытаюсь выяснить, где нужный мне Игорь.

– Это который? – жительница называет на выбор две фамилии.

– Не знаю, мне тот нужен, который проводник, на Воттовару.

– А, этот, не знаю, я его с утра не видала. Должно быть кого-то на гору повел. Ты у Саньки спроси, он вон там, у магазина, – в голосе существа звучит робкая надежда, – давай провожу.

– Нет, нет, спасибо, я найду, вы уж лучше держитесь покрепче.

В деле поиска магазинов в деревнях я специалист. И тут чутье не подвело, к магазину сходятся все протоптанные тропинки,

проложенные напрямик, через заброшенные огороды. Не зарастают. Магазинчик называется забавно: «Воттовары». Ассортимент обычный, пиво, чипсы, сигареты. На дверях замок. Хозяин копается рядом в огороде, мастерит какой-то котел для обогрева теплицы. Увидев, что я топчусь у входа, интересуется:

– Вам в магазин, или на гору хотите?

– Да я вообще-то Игоря ищу, я ему звонил, он обещал провести.

– А, сейчас, секунду. – В кармане звонит телефон.

Звонит тот самый Игорь. Саша пару минут молча слушает, потом задает вопрос:

– Ты сейчас на вершине? Нет? В каком-то болоте? Хорошо, прямо на юг видишь камень, похожий на человека? Нет? Так, не пойму, ты справа от кратера или слева? Похоже, что справа? Тогда пройди через болото, там метров 300, там должен быть подъем на вершину. Держись правее. Какая топь? Ты не бойся, иди. Ну тогда заберись повыше, осмотришься, перезвонишь.

– Извините, он с тропы сбился, не может вернуться. Давайте я вам объясню, как добраться.

Рисует на песке схему:

– Вот дорога, через 4 километра развилка, налево в карьер, вам прямо. Там я указатель поставил, гора Воттовара. И никуда не сворачивайте, проедете два моста, на одном бревна поперек, вот так, а на втором вдоль. Только смотрите, если где глубокая лужа, выйдите посмотрите, как колея идет, вам в мою колею лучше не попадать. Я ее своей буханкой нарезал. А так спокойно проедете к самой горе. – Показывает мне на моей карте. – Тут через 16 километров будет развилка, вам налево еще два, вот тут будет стоянка, можно машину оставить, и от нее тропинка прямо вверх до поваленной сосны. От нее по тропе, которая левее прямо к кратеру, а за ним вершина. Не заблудитесь. Только с тропинки не сворачивайте, и по ней же вниз, строго на юг. Можно, конечно, и по северному склону подняться, но он крутой, если бы были вы помоложе, тогда вот отсюда, от родника прямо вверх.

По моей просьбе отмечает на карте интересные места, кратер, колодец, сейды. Извиняется, что не может подвезти, дела. Высказываю сомнения, что проеду на своей машине, тот же Игорь не советовал даже пытаться. Саша успокаивает:

– Проедете спокойно, ну если что – позвоните, запишите телефон. – Только совет, если у вас навигатор, по нему лучше не ориентироваться.

– Да нет, навигатора с собой нету.

– Ну и хорошо, тогда не заблудитесь.

Интересно, кому верить? Один знаток говорит, проехать

можно только на правильном внедорожнике, но при этом завел свою группу в болото, другой дает ему советы, как выбраться, но утверждает, что дорога проходимая. И почему заблудишься с навигатором? Обычно ответ один, верить нельзя никому. Но почему-то поверил второму. Цена доверчивости, два оторванных брызговика и потеря времени. Пока развернулся на лесной дороге, поняв, что дальше не проеду, пока вернулся часам к семи обратно в поселок. Но и к чести Игоря надо сказать, что свою группу он все-таки вывел, ближе к полуночи я их встретил у вершины, к тому времени, когда и сам туда добрался.

Приходится к вечеру возвращаться в поселок Гимолы. Саша, закончив свой труд, сидит на ступеньках магазина:

– Ну что, не доехали? Наверное, застряли, там где поперек дороги бревна лежат, остатки шпал? – Дорога к горе – бывшая узкоколейка, разобранная в 60-е годы. В 90-е украдены рельсы. – А, мост не решились переехать, обвалился? Правильно. Ну давайте я вас отвезу, схожу с вами на гору. Полторы тысячи вас устроит? Ночи сейчас светлые, погуляем. Сейчас, только досок возьму, на мост брошу.

Цена устраивает, но хотелось посмотреть на вершину не ночью.

– Хорошо, вы меня отвезите, а обратно я завтра пешком. Ну если что, позвоню.

На том и договариваемся. Довозит до горы в своем УАЗе, еще раз объясняет, как пройти, что посмотреть, где вода.

На стоянке у подножия горы мусора и никакого желания останавливаться.

Приходится лезть с рюкзаком и палаткой в гору. Вначале тропинка достаточно крутая, рюкзак мешает, хоть в нем и ничего лишнего, спальный мешок и банка консервов. Отвык. Хочется быстрее дойти до вершины только потому, что там есть вода.

Не знаю, может на впечатлительных людей окружающий пейзаж производит впечатление, камни, кривые деревья. Кто заряжен на мистику, может искать в сейдах следы сверхъестественного. Пейзаж действительно необычный, и пожар на вершине горы лет пять назад его не украсил. По крайней мере, у моей собаки явно возникло желание быстрее оттуда убраться. Безумная собака, любительница носиться по лесу тут плелась следом и тихо скулила. Кто-то считает, что кратер на вершине горы – след падения метеорита, кто утверждает, что место посадки НЛО. Скорее просто карст. Внутри горы должно много полостей, мрамор размывается водой. Камней-сейдов действительно много, в лесу, на склонах, на вершине.

Сейды стоят на своих ножках, игнорируя законы притяжения.

Ползают по склонам, размножаются, кто примитивным делением, кто заползает друг на дружку, осваивает более передовые способы. Если это и дело человеческих рук, то рук очень не ленивых, устроивших колодец в монолитной скале или вырубивших в камне чей-то портрет.

Ночевать пришлось рядом с колодцем, кстати, вода чистая, можно пить без лоперамида. Плохо, что в три часа ночи разбудила группа туристов, ребята умудрились заблудиться. Навигатор завел их в сторону от вершины, пришлось вылезти, показать тропинку наверх. Ребята оказались круто настроенными на мистику, удивились, что я рискнул ночевать на горе. Перекрестились, перекрестили меня и ушли как от прокаженного. Не знаю, выспался я там замечательно.

На обратном пути зашел в магазинчик, спросил хозяина. Поинтересовался, почему там врут все навигаторы. Неужели действительно мистика. Хозяин подтвердил:

– Конечно, мистика, да еще какая. Ко мне как-то геодезисты пристали, отвези их на гору да отвези. Сами уже не могли добраться, бухать начали еще в деревне. Отвез, проводил на вершину. Забрались наверх, там продолжили. Им надо было на самой вершине какой-то свой знак для навигации поставить. А ты понял, что там трудно разобраться, где собственно вершина. И где они этот знак поставили, сами не помнят. Может, вообще по дороге потеряли. Так что навигаторы там не работают, километра на два в сторону уводят.

Апрель

Интересна гипотеза о происхождении названия города Кемь, гипотеза спорная, требующая научного исторического анализа. Между тем один мой коллега, уроженец Кемского района республики Карелия, знаток и любитель своей малой родины, доказывает ее истинность. Раньше в припадке пьяного патриотизма он любил повторять: «– Я коренной кемчанин!» Хотя на самом деле родился и провел детство не в самой Кеми, а неподалеку, в Бабьей губе, и, по идее, должен называть себя бабьегубцем или бабьеагубчанином.

Его версия такова:

– Слово «Кемь», по сути есть аббревиатура, так сказать, направление к известной матушке. Когда ссылали в Кемь, на Соловки, царь так и накладывал резолюцию: «Отправить к е… матери». Когда все стали понимать куда, сократил ее до трех букв: «Кем». Потом стали писать мягкий знак на конце, может,

для благозвучия, а может, и со смыслом, катись-ка ты к такой-то матери, да еще и с мягким концом.

Первого апреля, в день смеха, трудно не вспомнить картину Босха «Корабль дураков». Корабль с гоблинами-пассажирами, плывущий неизвестно зачем и неизвестно куда. Стоит посмотреть на картину, и сразу вспоминается самая большая река Карелии – Кемь. Там таких кораблей много…

Первым, без сомнения, был наш, потому что только у идиотов может возникнуть мысль, начитавшись описаний рек в Интернете, спуститься за один переход вниз по рекам Чирка-Кемь и Кемь от финской границы до Белого моря. Пришлось убедиться, что все описания туристы переписывают друг с друга, начиная с известной книги Плечко, написанной в 50-х годах, когда в карельских реках еще была вода. В итоге первую неделю пробивались по завалам на речке Чирка, обносили плот по берегам, бились задницами по камням на перекатах и клеили лодку под дождем. За неполных три дня проскочили порожистый, действительно интересный участок, ради которого все и стремятся на эту речку. И надо быть идиотом полным, чтобы поплыть вниз, дальше от поселка Боровой. Нигде, ни в одном описании не было сказано, что дальше из-за каскада ГЭС течения у реки практически нет. В итоге получили километров 200 гребли по практически стоячей воде. А если и попадались пороги, то перекаты, а не те, что описаны как четвертой категории сложности. Вокруг красивейший пейзаж, с обеих сторон болото до горизонта. Не то что найти место для стоянки, просто не выйти на берег. Стаи гнуса и комаров по очереди прилетают к тебе с утра завтракать, вечером ужинать. А днем достают слепни. Приходилось останавливаться и спать днем, на солнце, от слепней спрятаться легче, и плыть ночью. Наконец терпение кончилось и пришлось выгрузиться на берег в деревне Шомба, где поймать частника, который пообещал довезти до ближайшего автобуса. Правда, до остановки автобуса в Авнепороге он так и не довез, парень сильно торопился и, остановившись у ближайшего ларька метров за триста, пропил полученные с нас 200 рублей.

Но самое интересное было в деревне Панозеро. Перед ней болота сменились сплошной вырубкой, опять-таки до горизонта, и вдруг среди пустыни появляется шикарная еловая роща. Наверное, подумали мы, кладбище. Точно, роща кладбищем и оказалась, среди елок торчали воткнутые кресты. Видимо, на кладбище лес валить как-то неудобно, если только на гробы. Что странно, деревня стоит на двух берегах, соединенных паромом. Почему-то слева, там, где подходит от шоссе грунтовая дорога, стоят всего три полузаброшенных дома, а справа, откуда дороги

нет никакой вообще, большая деревня, напоминающая декорации к фильму «Холодное лето 53-го». Каким-то образом она даже попала в список культурного наследия Юнеско. Месяца на два в году, весной и осенью, пока не встал и не прошел лед, деревню отрезает от цивилизации. Местные говорили, что еще совсем недавно, если во время ледохода деревенский фельдшер кому-то ставил диагноз «аппендицит», мужики брали топоры и шли на кладбище валить ель.

Плывем мимо, смотрим, на левом берегу остановились две «Буханки». Из них высыпал народ с детьми и собаками, и молча, организованно разбежался по прибрежным кустам. Интересный, думаю, ритуал, надо остановиться, посмотреть. Все равно пора отдохнуть. Кричать, причем кричать исключительно матом, начали минут через двадцать. Судя по всему, не нашли то, что искали. Искали паромщика. Зато нашли на берегу пару прогнивших шитиков без весел (местная лодка, построенная без гвоздей, в которой в качестве шпангоутов применяются ивовые ветки). Вся команда погрузилась в них, гребя чем попало, фанерками, книжками, досками, по пути матеря паромщика и вычерпывая воду. Собак в лодку не взяли, и те без всякой обиды стаей поплыли ссади. Я на всякий случай покрутился вокруг, но ничего, ребята доплыли, им не привыкать. А уже за деревней, из-за поворота выплыло чудо. Шитик, но длиной метров 10, с моторчиком «Ветерок». А на нем человек 20 пассажиров, типичных персонажей Босха. Кто-то спал, кто-то из горлышка пил водку, кто-то ловил рыбу. Двое целились куда-то из ружей в направлении прибрежных кустов. В общем, первая мысль была о том, что именно так и выглядит твой конец. Но вблизи лица оказались удивительно добродушными, и даже спавшие проснулись, чтобы тебе улыбнуться. Широкие улыбки, у некоторых во рту были зубы. И все машут руками, тебя приветствуют, желают счастливого пути. Но на всякий случай захотелось побыстрей убраться из деревни, до ближайшего порога, который не пройти на шитике.

Май

28 мая – День пограничника. Государственной границы рядом с нами нет, но есть неподалеку граница, которая охраняется не менее строго, чем государственная. Граница между двумя субъектами федерации. Граница между городом Санкт-Петербург и Ленинградской областью. В основном она идет по кольцевой автодороге, но есть в ней слабые места, свои

пограничные переходы. Один из них – железнодорожная станция Девяткино, на которой конечная станция красной ветки метрополитена. Четыре платформы, соединенные туннелем и станция метро между ними. Платформы № 1 и 2 – область. 3 и 4 – Петербург. Метрополитен – нейтральная полоса. Площадь перед станцией – под юрисдикцией области. Место оживленное. Конечная станция автобусов, автовокзал, магазины. Если видишь, что вечером приемное отделение заполнено ползающими гражданами, на вид вполне респектабельными, но грязнее бомжей, можно не сомневаться, не иначе как с Девяткино. Отловлены при попытке пересечь границу.

Вечер, пятница. Народ с работы выползает из метро, растекаясь по площади. Кто на автобус, кто пешком в поселок. Иногда попадаются трезвые. На площади постоянно дежурит наряд полиции. На подвыпивших не обращают внимания, таких большинство. Но для тех, кто не видит поля – прохода нет. Куда их? Заблудятся в окрестном мелколесье, потом оттают весной. Ближайший вытрезвитель был километров за 15, закрыт. В отделение в обезьянник? Там же, но тот всегда переполнен. В больницу? Пока нет видимых травм – в приемном отделении пошлют подальше. Выход простой: человека волоком перемещают по туннелю на территорию города. Там милиция появляется редко, а если и появляются, то чаще линейная или питерская. Есть шанс, что человек случайно сядет в электричку и умчится обратно в город. Или питерские полицейские сами помогут забраться в тамбур. Им тоже геморрой не нужен, пусть едут до конечной, на Финляндском вокзале разберутся. Но чаще включается автопилот, и бедняга ползет обратно домой, в область. Порой сами питерские менты тащат тело чужестранца обратно. А там его уже ждут местные. И путь по туннелю повторяется. В советские времена был порядок, взаимоуважение. Посередине туннеля была проведена красная черта, обозначающая границы субъектов. Слева от черты – наш, справа – ваш. Но краска давно стерлась, в том числе и от постоянного волочения тел. И так гражданин может часами перемещаться по туннелю. Долг зовет домой, в семью, но стоит вылезти наружу, на площадь, как его вновь отбрасывает на территорию северной столицы. И уж совсем подлый поступок со стороны областных ментов – вызвать городскую «Скорую помощь». А чтоб особо упрямый не уполз до ее приезда – привязывать его к забору на городской платформе. Обычно у перетаскиваемого субъекта слезают брюки. Это хорошо. Сможет отвязаться и натянуть штаны – значит, вполне трезв и годен для прохода на территорию области. Нет – ждет «Скорую».

Граждане, плохо знающие федеративное устройство своей родины, выходя вечером с электрички, часто удивляются, что за жопа ждет их впереди, белея у забора в конце платформы? А почему там человек стоит раком? А подъехать к Девяткино со стороны городских платформ – проблема. В объезд плюс еще несколько километров по грунтовке. Фельдшеры «Скорой», матерясь, отвязывают тело и, естественно, переносят его на привокзальную площадь. Но медикам спорить с полицией трудно, пусть даже с властями другого штата. И приходится им вести его в приемный покой. Обычно к этому времени человек успевает протрезветь и более-менее прямо ковыляет к дому. Ну а если нет – тогда в больницу. К тому времени травмы обычно уже есть, обычно от волочения по асфальту, так что постановка диагноза трудностей не вызывает. По виду сразу можно определить скитальца. Брюки протерты, одежда порвана. И провести ночь дома – уже не судьба.

Июнь

На пятидесятый день после пасхи празднуется Троица. Вечером в праздник больница наполовину опустела. Традиция на Руси, на кладбище принято помянуть родных. Умные люди идут с утра. Посадить цветы, выпить сто грамм за упокой, оставив символическую чарочку на могилке, накрытую кусочком хлеба. И по своим делам, жизнь продолжается. Но мудрые люди, мудрые идут ближе к вечеру. Думаю, понятно почему. Допить оставленное не грех, а дело благое. И сейчас к вечеру богадельню покинуло с десяток организмов. Один из бегунов, с циррозом печени, с желтой кожей лидера, желая сократить путь, даже стартовал через окно третьего этажа. В приемном отделении маленькая паника. Ответственный врач суетится:

– Надо милицию! Надо всех выписать как самовольно покинувших! О чрезвычайном происшествии сообщили начмеду. Указание строгое – выгнать всех.

Но мы-то знаем жизнь. Говорим, не надо милиции, не торопитесь выписывать. Не волнуйтесь, не в первый раз, это ежегодный забег на приз Святой Троицы. Люди пошли правильным путем, из больницы прямо на кладбище. За натуральным продуктом. Минуя промежуточные этапы товарно-денежных отношений. Они вернутся, кладбище недалеко, кто сможет сам, кого привезет «Скорая». И точно, к ночи подтянулись почти все уставшие спортсмены. Один, желая загладить вину, подарил дежурному врачу шикарный букет свежесорванного

клевера. Только желтый лидер остался ночевать на кладбище, где и был найден на следующий день, теперь лежит привязанный. Белая горячка.

* * *

6 июня отрывной календарь сообщил, оказывается, сегодня день русского языка. Приуроченный ко дню рождения Пушкина. Совсем забыл. Оборотная стороны листочка сообщает о количестве носителей, в том числе владеющих им в совершенстве. Если бы не знал, пришлось бы ночью ломать голову, откуда такая изысканная речевая продукция у обсадившегося метадоном дегенерата:

– Господа! Прошу вас, ну хоть кто-нибудь, пожалуйста, умоляю, идите на х…

* * *

Редко удается пользоваться своим служебным положением. Тем приятней вспоминать каждый случай. Приходит ненавидимая всеми больничный профпатолог, решившись на колоноскопию. Доктор-эндоскопист предвкушает:

– Ну сейчас, сейчас она ответит нам за все, за все ее профосмотры.

– Погоди, – говорю, – предложи, что мы сделаем ей под наркозом, а она нам штампы в санкнижках поставит.

– Идея.

Сделали, разбудили:

– Ну как, выспались? Нам почему-то кажется, что профосмотр мы уже прошли?

– Конечно, ребята, прошли, зайдите в любое время, я вам все сделаю.

Ну и хорошо, хоть и прошли профосмотр через жопу, зато без очереди.

16 июня – День медработника. Хотел в этот день поздравить с праздником всех знакомых, всех, кто имеет отношение к нашему рассейскому здравоохранению, всех, кто продолжает работать, несмотря на все то, что твориться в нашей медицине. Надеюсь, что в этот день у всех найдется, что плеснуть в посуду и с кем это выпить. А повод при нашей работе, найдется всегда.

Радует, что в этом году наша администрация обошла

праздник своим вниманием. Учла ошибки прежних лет. Ни поздравлений, ни премии. Даже обошлось без общего собрания, не говоря о горячо любимых всеми концертах художественной самодеятельности. Вспоминается, как пару лет назад, нам (лучшим из нас) решили к Дню медработника выдать премии. Аж по две тысячи рублей. Но вот незадача, деньги хотелось вручить наличными в торжественной обстановке, а вся зарплата, включая премии, переводится на банковскую карточку. Смекалка была проявлена, и выход найден. Все лауреаты премии в обстановке строгой секретности вызывались в бухгалтерию. Им было предложено принести туда по 2 тысячи. Далее деньги раскладывались по конвертам (конверты принести не просили, за счет больницы, не подумайте плохого) и на общем собрании коллектива вручались награждаемому. С соответствующими торжественности случая словами. Новая проблема. Вторая половина месяца. Зарплата уже потрачена, а аванс не начислен. Денег почти ни у кого нет. Почему-то особенно у тех, кого действительно стоило наградить за работу. Хотя бы просто сказать спасибо. Тогда было предложено взять в долг у товарищей, а после – вернуть. Так и вышло. Долги отдавались прямо во время торжественного собрания, сразу после получения конвертов. К счастью, я заранее знал о намечавшейся процедуре награждения и предупредил, что лучше меня в списки не включать. Иначе могу в ответном слове высказать слова благодарности. А так всем будет спокойнее. Жаль, конечно, что пришлось отказаться, деньги хорошие, не лишние, можно залить почти полный бак бензина. И уехать.

Наши шутники однажды погубили очередной конкурс талантов. Через 20 лет после социализма в такое трудно поверить. Тем не менее администрация такие обожает. Был объявлен конкурс кулинарного мастерства. Участие, естественно, добровольное. Призами должны были служить сами приготовленные предметы кулинарного искусства. Отказавшиеся от участия лишались премии. И что, не всерьез же относиться к подобным мероприятиям? От нас на конкурс было представлено блюдо под названием «Утка в яблоках». Утку для мочи (новую!) обложили печеными яблоками, которых санитар притащил из соседнего заброшенного сада. В качестве подноса использовано пластмассовое судно. У нас их много стоит у причала в кладовке, ждут своих капитанов. Воткнута табличка «Утка в яблоках» и изделие поставлено среди прочих. Приятного аппетита. Сразу было не понять, что это, но потом возмущению администрации предела не было. Превратить серьезное мероприятие в балаган, да за это…

Премии мы, конечно, не получили…

Такие поздравления безусловно повышают желание достичь новых производственных показателей. На глазах растет энтузиазм масс и желание отметить праздник по-своему. В итоге в один из праздников упилась почти вся больница. Я своим особо разгуляться не позволял. Возглавить пьянку не могу, кто-то должен остаться абсолютно трезвым, а выпускать ситуацию из-под контроля опасно. Охранник в приемном отделении еще стоял на ногах и послал санитарку за водкой. В этот момент «Скорая» закатывает больного. Выходец из Средней Азии, лет 30. По-русски знает меньше, чем я по-узбекски. Я хотя бы могу поздороваться на их языке и поприветствовать: «Куш келибзис» (Добро пожаловать). Азиат кричит, показывая на живот. Хирург, икая, пытается построить фразу типа «надо брать на стол, на операцию, там посмотрим». Иду готовить операционную. Как положено перед операцией – консультация терапевта. Дежурный терапевт в приемном отделении, тетенька килограмм под 140, спит. Охранник будит свою подругу. Та выползает, путаясь в спущенных хэбэшных колготках, халат застегнут поперек. Долго не понимает, чего от нее хотят. Затем почему-то начинает плясать вприсядку, припевая: «Приходите к нам лечиться и жучок, и паучок, – добавляя от себя: – Ну и ты, дурачок». После чего целует пациента в макушку и идет спать. Терапевта больше нет. Джигит даже перестал стонать, озираясь вокруг безумными восточными глазами. Охранник, в душе тоже считающий себя медработником (выгнан был в свое время из ВМА), решил внести ясность:

– Ты чего тут разлегся? Вокруг тебя доктора пляшут, а ты лежишь?

Каким-то чутьем тот понимает, что если он прямо сейчас не начнет приседать, то будет плохо. Встает с каталки, приседает. Охранник недоволен:

– Плохо приседаешь, доктор вон как перед тобой плясала.

Отстегивается от пояса дубинка, вертится пальцами. Но тут его что-то отвлекает охранника, точнее, санитарка, вернувшаяся из магазина, и джигит, воспользовавшись моментом, убегает на улицу.

Я долго его жду в операционной, пока история не доходит до оперблока.

Июль

Тоже интересная дата: день рождения Волжского автозавода. Календарь дает информацию: **20 июля** 1966 года было подписано

правительственное постановление «О строительстве в городе Тольятти автомобильного завода».

Вспомнил, как в середине 90-х продавал свою копейку, «ВАЗ 2101», единственный за всю жизнь бывший у меня продукт Волжского автозавода. Купил я ее в начале лета. Хотя само слово «купил» не очень подходящее, скажем так, приобрел. Забрал у знакомого алкаша, бывшего врача-нарколога. Парня в сорок лет разбил инсульт, и про автомобильные прогулки ему пришлось надолго забыть. Да и прав его лишили за пьянку еще три года назад, так и не собрался восстановить. Машинка тупо ржавела во дворе. Сторговались за 200 баксов, добавил сверху два пузыря, сходили в нотариальную контору, оформили доверенность.

Попытался привести эту копейку в божеский вид, но кузов местами прогнил насквозь, и эту затею бросил. Думаю, покатаюсь, пока ездит, потом выкину, не жалко. Возил на дачу строительный материал, ездил на рыбалку, пока не отвалился багажник и задняя часть кузова не стала жить самостоятельной жизнью, на каждой кочке и повороте стремясь к полной независимости. Пора избавляться.

Не веря в успех, даю объявление в газету «Раклама-шанс», вдруг кто возьмет на запчасти. И неожиданно начались звонки, в основном звонили люди с кавказским акцентом:

– «А ви прадаете машина?»

И вдруг нормальный русский голос:

– Я по объявлению, когда можно приехать, посмотреть?

Дал адрес на Охте, договорились о времени. Приехал солидный дядечка, осмотрел.

– А вы знаете, – говорит, – что у вас за машина?

Я даже не задумывался, а оказалось, что это одна из первых копеек, выпущенных Автовазом, чуть ли не из первой сотни. По договору с «ФИАТом» была отправлена в Италию, где и жила в тепле, катаясь по хорошим дорогам, пока не отправилась умирать на родину. Кузов еще был оцинкованный, потому сохранилась неплохо для своих лет. Мелькнула мысль: «А может быть, самому заняться коллекционированием ретроавтомобилей, начало уже положено?» Но где хранить коллекцию? На даче? Да и стоит только начать, никакой зарплаты не хватит. Дяденька продолжает:

– Только состояние, сами понимаете…

Я понимаю, сгнила вся.

– Но ничего, я ее восстановлю. Знаете, кто я? Я был директором ВАЗовского салона в Красном селе, первые ВАЗы в Питере я продавал. Восстановлю ее, как музейный экспонат. Сколько хотите?

Сошлись на тех же 200 баксах.

– Договорились, только вы ее завтра вместе с хозяином привезете ко мне, оформим доверенность от первого лица, от вас мне доверенность не нужна. Потом переоформлю на себя.

А где я возьму ее хозяина? Он или в больнице, или в запое. Позвонил, дома нет, съездил к нему в Веселый поселок в надежде найти его в любимом подвальчике – не нашел. Сам накатил там сто грамм, поехал домой. Звонок, снова все такой же кавказский акцент:

– Машина прадаете?

Продаю, объяснил, что ведро, но ездит. Из трубки голос:

– Дай честный слово, что сегодня до Выборг доеду. Фара горят?

– Доедешь, – говорю, – родной, доедешь. И фары горят. Только маслицем запасись, кушает иногда, я тебе канистру масла дам. А если вернешься, я тебе новый, почти новый, движок подарю, в гараже у меня стоит, он мне не нужен.

– Харашо! Можно сегодня оформить?

А времени уже девятый час, октябрь, стемнело. Есть круглосуточная нотариальная контора на Восстания, там могли и ночью оформить все.

– Можно оформить, а смотреть не будешь?

– Ладно, сейчас приеду.

Через час примчался джигит, представился:

– Алик, завел, проехал метров сто.

– Харашо! Только один тормоз ссади не работает. Это ничего. Паехали к натариусу. Только я рублями 200 долларов отдам, можно?

– Можно. Поехали, садись за руль. Я сто грамм принял, в город не поеду.

– А как поехать? У меня прав нет.

– Хочешь, поехали на такси. Смотрю, сосед-таксист уже приехал, «Волга» внизу, попрошу, отвезет. Платишь, само собой, ты.

– Атлично, – говорит, – паехали.

Всю дорогу джигит рассказывал про свой бизнес, как торгует овощами, что ему надо какой-то товар из Выборга привезти, срочно, иначе уйдет. Весь день деньги у родни собирал. Ну надо так надо, мне до его помидор, как до неба. Приехали на Восстания, в круглосуточную нотариальную контору. Оформили доверенность, рассчитались, торжественно вручаю ключи. Держи, владей, теперь ты хозяин. Едем обратно на Охту. По пути вспомнил, бак в копейке почти обсох, сколько там осталось бензина, не известно, датчик топлива давно не работает. Вдруг не

хватит топлив из двора выехать. Прошу соседа:

– Слушай, у тебя канистра есть?

– А то!

– Давай зарулим на заправку, пусть наш друг канистру зальет, ему далеко ехать.

Нет проблем. Сворачиваем на Партизанскую улицу к заправке. А Партизанская в те годы была далеко не бульваром для вечерних прогулок, впрочем, как и сейчас. С одной стороны кладбище, с другой – пустырь с какими-то остатками промышленных сооружений. Темно. Показалось, что слышно, как у джигита зашевелилось очко:

– Саша, слюшай, а ми правильно едем?

– Правильно, правильно.

Мастер-таксист был не в теме, не знал, что у кавказца карманы набиты пачками с деньгами:

– Да не ссы, все правильно. Вот кладбище, вон там свалка, а нам прямо туда, к железной дороге.

Айзера затрясло:

– Остановись, мне надо выйти.

– Да куда ж ты тут пойдешь, в темноте-то? Сиди уж, щас приедем.

Тормозим у бензоколонки, джигит на ходу открывает дверь, срывается с места и бегом, бегом прямо через кладбище. Таксист удивлен:

– Чего это он?

– Да у него бабок полные карманы, а ты его так напрягаешь. Свалка, кладбище… Догоняй теперь.

Пока разворачивались, выезжали на главную дорогу, джигит, хоть и бежал зигзагами, видно, опасаясь выстрела, успел добежать до Пороховской, почти до моего дома.

– Стой, – кричу в окно, – вон мой дом, твоя машина во дворе, забирай.

Притормозили, не спешим, интересно. Чувак нырнул во двор, вскочил в тачку и вперед. По газону, через разделительную полосу. Машину подбрасывает, открывается багажник, отваливается бампер, в сторону летят остатки заднего крыла. По фигу, быстрее прочь. Постояли мы с соседом, покурили, купили пивка с полученных денег, поспорили, вернется или нет. Я выиграл. Позвонил джигит через три дня. До Выборга доехал. Претензий не было, тут я свое слово сдержал. Обратно, правда пришлось нанять грузовик, везти свои овощи. Стуканул движок.

– А я тебя предупреждал, возьми канистру масла, отдавал ведь в придачу. А ты чего так быстро уехал? Подъезжай, обещал старый движок отдать, заберешь. Кольца перекинешь, сменишь

прокладки, делов-то, еще спасибо скажешь.

Последнее воскресенье июля – день Военно-Морского Флота. Про день ВМФ напоминать не надо, особенно тем, кто живет в Санкт-Петербурге. Военно-морской парад, салют, в общем, не забудешь. И посетители нашей фабрики здоровья напомнят. Перед праздником меняется характер контингента. Привычная нам всем белочка начинает примерять морскую тельняшку. Отделение превращается в Клуб веселых капитанов первого и второго ранга.

Один из капитанов валяется на полу приемного отделения. Парадная форма потеряла свой первоначальный цвет, превратившись в пятнистый камуфляж. Капитан вчера закончил праздновать день ВМФ. Трудно сказать, когда начал. На флоте любое важное дело принято начинать заблаговременно, подходить к нему основательно, не спеша. Как учил нас в институте один из преподавателей военно-морской кафедры: «Мы всегда выезжаем со сборов заранее, чтобы День военно-морского флота начинать встречать в поезде». Супруга, пригласив соседей, взломала дверь в комнату нашего капитана, где он заперся, чтобы спокойно в тишине отметить свой праздник. Оборудовал в комнате камбуз, гальюн. Три недели из каюты разносились песни, песни хорошие, естественно, «Варяг», «Прощай, любимый город». Внезапно наступившая тишина насторожила. Из уважения к званию и к флотским традициям беру капитана к себе в реанимацию. Капитан не сразу понимает, где находится, пытается построить персонал на палубе, за что жестко фиксируется канатами к лееру кровати. Как только возникает необходимость опорожнить балластные цистерны, командую вахтенному санитару: «Судно капитану первого ранга!» Попытки организовать экипаж для хорового пения тоже провалились. Аминазин наступил песне на горло.

И вообще тот, кто хоть раз надевал морскую тельняшку, про этот праздник не забудет. Когда-то на сборах, был еще матросиком. И почему-то не хотелось попадать на корабль, в институте ходили страшные истории, как можно на этом корабле, замещая штатного врача, уйти в поход. Отговорки не принимались.

– Ты студент? А нас это не е…!

И вернуться через полгода. Нам с товарищем удалось прикинуться художниками, рисовать какие-то плакатики, наглядную агитацию для нужд интернатуры Балтийского флота, где врачи проходили переподготовку. Но больше приходилось писать тексты под рисунками, их местный полковник на своих

лекциях просто зачитывал курсантам. А мог и не зачитывать, сами перепишут. Почерк у меня в те годы был еще разборчивый, и, особенно не заморачиваясь, без всяких трафаретов переписал на листах ватмана руководство по пластической хирургии.

К дню ВМФ получаю более ответственное задание оформить госпитальную стенгазету. Не помню, как называлась газета, наверняка что-то типа «Верным курсом» или «На страже Балтики». На листе ватмана заголовок написал. Осмотрел, вроде ровно, но нет, вид будничный, а впереди праздник, надо украсить, нарисовать боевой корабль. С одной стороны изобразил подводную лодку, с ней проблем не было, для меня они все похожи, как желуди. Нарисуй любой продолговатый овощ – и готово. А как нарисовать какой-нибудь крейсер, гордо бороздящий просторы наших морей? А может и не наших, но это не важно, и это уже сложнее. Контуры корпуса нарисовал, и пусть даже мой крейсер больше походил на рыболовецкий траулер, сойдет. А как быть с надстройками? Чем мой крейсер вооружить, куда поставить мачты и локаторы? Была мысль пройти метров сто до пирса да срисовать какую-нибудь из учебных посудин с натуры. Как раз крейсер Смольный там стоял, Перекоп. Но хорош бы у меня был вид на пирсе с карандашом и блокнотом, рисующим контуры кораблей Балтийского флота? Да еще в закрытом городе Балтийске. Первый отдел в те годы не дремал, и сборы могли затянуться надолго. Объясняй потом, что тебе это всего лишь для стенгазеты, а моряки с дружеских флотов, приходящие с визитом в Балтийск, свободно гуляют по тому же пирсу с фотоаппаратами.

При нашем заведении, при интернатуре, была библиотечка, где из художественной литературы, естественно, преобладали книжки с морской тематикой. Но корабли, нарисованные на их обложках, были времен Нахимова и Цусимы. Тогда, долго не думая, взял журнал «Зарубежное военное обозрение», положил его стекло, снизу поставил настольную лампу и, не задумываясь, перерисовал по контуру, во всех деталях, новый американский фрегат. Флаг только раскрасил в наши цвета. Потом повесил газету на стену, вклеил напечатанные статейки. Газета была замечена руководством, отправлена на конкурс куда-то в штаб. Сколько она там висела, не знаю, но никто из морских офицеров так и не обратил внимания, что вместо нашего крейсера нарисован вражеский фрегат. Поначалу пришлось немного поволноваться, а вдруг заметят? Расчет был сделан на непосредственное руководство, на преподавателей, которые если и видели боевые корабли, то как и я, на пирсе.

Руководил интернатурой вообще человек, который казалось

военную форму подполковника медицинской службы надел случайно. Маленький такой подвижный офицерик, ростом не более 160 сантиметров, по прозвищу Шкалик. Его главной страстью и любимым занятием было все опечатывать. Уходя с работы, навешивал печати на всем, что открывалось: на дверях, шкафчиках, аптечках, навесит печати на капоте и брезентовом тенте служебного «уазика». Спросишь, а на брезенте-то зачем? Ну как же, отвечает, спиздят! Матросня тут бегает, им брезент нужен. Логика была непонятна, брезент легко могли сорвать вместе с печатями. По утрам приходилось просыпаться от криков водителя этого самого «уазика», смывавшего с кузова пластилин:

– Ну и мудак, нет, вы посмотрите, что за мудак, опять эта блядь все опечатала!

Взяв как-то вечером его печать и купив коробку пластилина, мы доделали незаконченное, опечатав все, что он не успевал. Телевизор, служебный телефон. Телефон был интересный, по нему можно было спокойно звонить из Балтийска в Питер, только надо было знать названия нужных АТС, а при соединении с последней, питерской, назвать городской номер. Кто-то, наверное случайно, назвал АТС словами из справочника по глазным болезням: глаукома, катаракта. Навесили печати на цветы на клумбе, которую лелеял и поливал лично подполковник, чтоб матросы не сорвали для своих подруг, на кормушке для птиц. Шкалик не рассердился, даже похвалил инициативу. Правда, снова пришлось идти в канцтовары за пластилином.

Решил он как-то проверить огнетушители во вверенном подразделении. Стал открывать краны. Иной аппарат шипел, но струи не давал. Шкалик сорвал краны со всех огнетушителей, разложил их на травке и стал ждать, что будет. Кое-что было. Один огнетушитель, подумав, нагрелся на солнышке и дал две струи. Первая смыла свежую краску с фасада трехэтажного дома, который только что закончили красить солдатики из стройбата. Ребята торопились, видимо, была дембельская работа. Не успели мы послушать до конца речь их командира, старшего сержанта, насладиться, так сказать, красотой русской речи, как огнетушитель выдал вторую струю и затих. Вторая с ног до головы облила самого Шкалика. Черный военно-морской китель стал спереди белым, а с ботинок кусками отвалилась краска. Беда, как идти домой? Подходящей по росту одежду не найти, подполковничек согласен был одеть матросскую робу, но в соседней части не нашлось ни одного матроса-коротышки. Не бежать же домой в тельняшке по пят и военно-морских трусах? Не солидно, Балтийск город маленький, но длинный, пока бежишь – увидят все. А темнеет летом в Балтийске поздно.

Как он был нам благодарен, когда мы нашли выход. А выход простой. Развесив его форму на веревке, облили струей из исправного огнетушителя равномерно всю. А ботинки покрасили серебрянкой. Вся форма стала равномерно-белой, и он пошел домой маршируя, как адмирал на параде. Не хватало только кортика на поясе. За это он подписал без вопросов все характеристики, отчеты и прочие бумаги. Пригласил на свою дачу, поесть клубники. Дача была странной, кусочек сухой земли на Балтийской косе, огороженный спиралями из колючей проволоки, для зашиты от посягательств. Рядом была ВЧ морской пехоты, ныне отдельная бригада. Но для пехотинцев забор из колючки был не проблемой, и ребята там служили сильные, но голодные. И к нашему приезду из всего урожая морпехи для смеха оставили один висящий на веточке кривенький огурец. Остальное все съели. Видимо, было не опечатано.

* * *

Утренний обход. Начмед кричит на дежурного хирурга:

– Почему тянули с операцией, чего ждали?

Хирург:

– Мы думали…

– Вы хоть понимаете, что сейчас сказали? Такого словосочетания «хирурги думали» в русском языке не существует. Эти понятия несовместимы!

30 июля – День дружбы. Интересная у людей способность, как всего лишь один человек способен испоганить ко всем чертям твое дежурство, и ты, зная, что с утра предстоит еще работать часов до пяти, вынужден половину ночи проторчать в операционной. Одно дело – когда в этом есть необходимость, совсем другое – когда ты эту работу спокойно мог сделать и раньше, днем. А если еще работать весь следующий день, то очень хотелось бы перед этим поспать хотя бы часа два-три.

Два друга смогли. Мужики работают в больнице газовщиками, слышно на весь двор, как по утрам гремят, таскают кислородные баллоны. Баллоны тяжелые, мужики спортом пренебрегают, предпочитая иной способ проведения досуга. В итоге оба нажили здоровенные паховые грыжи. У одного справа, у другого слева. Это еще больше объединяет друзей. Им уже лет семь предлагается их прооперировать, спокойно, в плановом порядке. Наконец, оба дают честное слово, что весной непременно придут, но только вдвоем. Как только закончится

сезон зимней рыбалки, а летней еще не наступит. А тут уж все зависит от погоды, какая будет весна, когда растает лед. Так что со сроками обещают определиться позже, и нет сомнений, что не соберутся и на этот раз. И тут у одного грыжа с утра ущемляется, и оперировать надо срочно. Но как он оставит друга, как тот один пойдет оперироваться весной? Предлагаем заодно сделать и второму, черт с тобой, ложитесь оба. Друзья с утра ложатся в больницу, как сотрудникам им на двоих предлагается двухместная палата. Давай, говорят первому, готовься к операции, брей яйца, а друга возьмем позже. Но друзья настроились на весну, а сейчас еще лето, полно домашних дел. Как так, после операции ни дров не нарубить, ни огород перекопать. И отказываются оба, решают подождать, а вдруг ущемление пройдет. Но не вправляется ущемленная грыжа, болит. Болит все сильней и сильней. Друзья втихаря принимают народное обезболивающее, благо палата отдельная. В результате только к ночи анестезируются так, что отказаться уже не могут. Человек, который с ущемлением, уже не может подписать бумажку с отказом от операции. Приходится в два часа тащить его организм в операционную, а организм еще пытается отбиваться, кричит, привязанный ремнями к столу:

– Не надо мне твоего наркоза! Пусть хирург новокаин уколет! Если что, я потерплю.

– Да нет, не потерпишь. А если тебя за яйца придется дергать?

– Ну и что тут такого?

– Да ничего, только необычные ощущения, даже если ты привык, что тебя за них дергают. Будут дергать изнутри.

– Ну хватит, все! Что за хрень ты мне в рожу суешь?

– Это кислород, дыши глубже.

– Да какой тут у тебя кислород?

– Сам знаешь какой. Чего заправил, тем и дыши.

Ну и, естественно, все закончилось резекцией ущемленной кишки, операция шла не 20–30 минут, а часа два. Действие наркоза у алкоголизированного организма непредсказуемо, только под утро удается разбудить его мозг и услышать первые внятные слова:

– Да пошел ты на х…, за… – и только после этого спокойно отправить в палату, где снова привязать, уже к кровати.

Август

2 августа — день ВДВ. В углу палаты желтеет организм

старшего прапорщика ВДВ в отставке. Цирроз печени, терминальная стадия. Случай некурабельный, остается только ждать и надеяться на чудо. Но что для отставного прапорщика билирубин за 1000? Насморк, простуда. Лежит давно, второй месяц. Ест, пьет, улыбается и вполголоса поет украинские песни. Даже не пытается разорвать веревки. Идеальный пациент. В истории болезни, среди справок и выписок из госпиталя, попался интересный документ: «Служебная характеристика на дежурного по батальону связи старшего прапорщика…» Не удержусь, частично запишу на память. Общая часть не интересна: зарекомендовал себя, характеризуется, успевает, аттестован на «отлично», подготовлен в строевом отношении и пр.

Далее идет личное: тяготы и лишения военной службы переносит стойко. Морально устойчив. По характеру уравновешен, в общении с сослуживцами вежлив, тактичен. Государственную тайну хранить умеет. Принимает активное участие в общественной жизни батальона. Обладает творческими способностями, участвует в художественной самодеятельности. Пользуется уважением коллектива.

Вывод: прошу направить на военно-врачебную комиссию на предмет увольнения в запас.

Черт, да с такой характеристикой надо представлять к Герою, а не отправлять в запас. Нужно навечно зачислить в списки части. А как же способность хранить военную тайну? Стойкость к тяготам и лишениям? Мне так он никакой тайны не выдал, только засмеялся и запел грустное. А если и знает тайну, то скоро унесет ее с собой навсегда.

Сентябрь

Оторвал сразу несколько листков календаря, оказалось, вчера был такой праздник интересный праздник, как мог пропустить? Это тебе не день взятия Бастилии. **13 сентября** – День парикмахера. Надо было отметить, пусть сам уже больше 20 лет не был у парикмахера. С тех пор как купил машинку для стрижки. Но некоторым образом причастен. Не подсчитать, сколько черепов лично побрил наголо перед их трепанацией. Имею опыт, в конкурсах на скоростное бритье головы, конечно, не участвовал (а такие проводились между санитарами в институте нейрохирургии, говорят, установленный рекорд бритья наголо – 47 секунд), но из двух минут выходил уверенно, чисто и без порезов. И даже, а это еще было в советские времена, за модельную стрижку под яйцо заработал десятку. В те годы деньги

за стрижку безумные, модельная мужская стрижка в самом дорогом салоне стоила 3,20. Любители наголо стригли в парикмахерской за 10 копеек. Остальная страна стриглась за 35.

Было так. Волосатый мужчина, с огромной бородищей и волосами до плеч, о чем-то повздорил со своей женой и получил от нее удар топором по тыкве. Но то ли рука у супруги дрогнула или, может, успел отскочить, но удар пришелся по касательной. В итоге снята половина скальпа, которая так повисла на лоскуте, как ухо у спаниеля. Рана кровавая, перевязать не хватает бинтов, а до больницы с таким кровотечением ехать страшно, вытечет по дороге вся кровушка. И надо хотя бы как-то кровотечение остановить. Попросил простынку почище, заботливая супруга принесла, даже погладила, провела пару раз горячим утюгом для стерильности. Разложили на ней лоскуток, сбрили с него волосы, побрили половину тыквы вокруг раны, прополоскали в марганцовочке, пришили. Получилось довольно аккуратно, так что в больницу можно и не ехать. Шагай, говорю, завтра в травмпункт на перевязку, желательно, когда протрезвеешь.

Мужик смотрит в зеркало, половина головы до блеска выбрита, вторая с волосами:

– Мужики, вы чего, охренели? Как я в таком виде теперь ходить буду?

– Ничего, пидорку натянешь, а через пару лет волосы отрастут.

– Да не, ну вас на х…, давайте брейте вторую половину.

– Ну ты уж извини, на второй половине у тебя раны нет. Хочешь – жену попроси еще раз, будет рана – побреем.

– Нет, – говорит, – стойте, я заплачу, – и сует десятку, – пожалуйста, ребята, сделайте.

Ребята сделали. Получился очень даже симпатичный абрек, на вид, по крайней мере, лучше чем был. Мужик доволен, любуясь в зеркало на свой новый имидж, пообещал, что так и будет теперь стричься. Даже спрашивал, не соглашусь ли я быть его персональным мастером. И мы довольны, за десятку вместо профсоюзной столовки втроем пообедали в ресторанчике на Большой Подьяческой.

После отпуска отрываю листы у календаря сразу за неделю. Натыкаюсь на дату: **14 сентября** 1916 родился Луис Корвалан. Как мог пропустить такое событие, не понимаю, как мог забыть. Ведь в эпоху нашей молодости Корвалан был одним из любимейших персонажей народного фольклора. Кто не знал четверостишие:

Поменяли Корвалана

На просто хулигана.
Где найти такую б…ь
Чтоб нам Леню поменять?

Это народ ответил на его обмен на диссидента Буковского. Тогда сделали такой прекрасный подарок к 70-летию дорогого Леонида Ильича.

А в каком туалете не было надписи в знак солидарности с узником чилийской хунты? В моей школе таких туалетов не было. Даже на втором этаже, где учились первоклашки, было написано:

С…ть хочу, но с…ть не стану!.
Свободу Луису Корвалану!

Каков был протест против кровавого режима, каково единство всего прогрессивного человечества! Куда там нынешним оппозиционерам.

Даже журнал «Мурзилка» не остался в стороне, внеся свой вклад в освещение политического момента:

Просыпаюсь утром рано
Нет Луиса Корвалана

……Ну и в конце:

Но живой, здоров как прежде
Дорогой товарищ Брежнев.

Но «Мурзилке» простительно, она всегда печатала слегка измененное народное творчество. В народном варианте у частушки было следующее продолжение, созвучное с темой пропажи резинки от трусов:

Вот она, вот она
Хунта поработала.

А если серьезно, история пребывания Корвалана в Союзе весьма интересна. Что-то он у нас заскучал, как-то без восторга воспринял жизнь в стране победившего социализма. Ждали от него, что он будет на весь мир рассказывать о преимуществах советского строя, о великих достижениях в деле строительства

коммунизма, но так не дождались. Что-то не то начал говорить Корвалан, сталинизм считал ошибкой… Тогда родился план от него избавиться. Выгнать из страны как диссидента? Боже упаси, с таким трудом вырвали из лап фашистской хунты, на диссидента же и обменяв. Убрать по-тихому, устроить автокатастрофу или отравление отдельной колбасой? Тут как не старайся, насильственную смерть могут заподозрить. Вокруг враги. Решение в политбюро нашлось. Корвалану сделана пластическая операция, внешность изменена так, что мама не узнает, и по подложным документам отправлен Корвалан на родину, в Чили. Туда, где свирепствовал фашистский режим. Там ему было лучше, а главное для нас – сидел он там тихо и не высовывался, про недостатки советского строя помалкивал. Могли и сдать. Но к чести СССР, не сдали. Даже хирург, делавший ему пластическую операцию, вскоре погиб весьма загадочно. А после крушения кровавой диктатуры Корвалан вернулся в Чили уже официально, где и прожил до 94 лет. Три года пребывания в застенках Пиночета похоже, не сильно подорвали здоровье несгибаемого борца.

Октябрь

В эндоскопический кабинет врач притащил магнитофон, чтобы музыка успокаивала больных. Говорит, что при колоноскопии лучшей мелодии нет, чем песня Пушного:

– Надо радоваться, не надо напрягаться…

Осень. Одинокий духовой оркестрик у станции метро наигрывает вальсы. Подают вяло, редкий прохожий кинет мелочь в раскрытый футляр от валторны, с табличкой «На возрождение русской духовой музыки». Играть еще долго, и дай бог, только к вечеру каждому из них удастся возродить свою музыку.

Помнится, в начале 90-х уличные оркестры были массовым явлением. И подавали веселее, и вполне можно было подзаработать. Один мой приятель, водитель «Скорой помощи», изгнанный из Ленконцерта за идиотизм, частенько зарабатывал, играя с ними на кларнете. По крайней мере всегда был при деньгах. Как ни странно, его брали, делились заработком.

– А что, – говорил, – это ж все мои бывшие коллеги из Ленконцерта, они что, не дадут мне на опохмелку заработать? Сами перебиваются как могут. Ленконцерт развалился, их всех на улицу.

– А ты же кажется раньше ушел, еще когда Ленконцерт

процветал. За что поперли?

– Да не, не за пьянку. Пошутил неудачно, ну выпивши были, естественно. У нас концерт был, телевидение приехало, прямой эфир. А мы с другом, два мудака, зубы заклеили черной изолентой. Ну, а когда камера на нас, мы улыбались во весь рот. Короче, сразу после концерта нас пинком под зад. Ну и на этом моя музыкальная карьера закончилась, припомнили мне, как меня выперли из оркестра Ленинградского ВО, но это старая история.

Приятель, имел замечательное свойство, развлекать бригаду «Скорой» рассказами о своих приключениях. Соответственно, и способность эти приключения находить.

– Служил я тогда в Ленинградском округе, в оркестре, работа, скажу, по принципу «хрен забей». Не помню, когда в казарме-то ночевал. Собирались мы только на похороны и юбилеи. Иногда репетиции, но чего там нам репетировать, когда почти все с консерваторским образованием. На похоронах на слабаем? Да легко.

Один раз хороним какого-то важного военного, чуть ли не маршала. Погрузились мы в грузовички, поехали в крематорий. Впереди почетный караул, мы следом. А тогда на Шафировском проспекте, помнишь, когда еще путепровода не было, просто переезд, и можно там было надолго застрять у Ручьев? Почетный караул впереди проскочил, а мы встали. Ну стоим, время еще есть, только осень, прохладно в грузовике под тентом сидеть, скучно. Я наружу выглянул, смотрю: а там пустырь, свалка какая-то, травой заросшая, а из травы голая жопа подпрыгивает, вверх-вниз, то высовывается, то пропадает. Ребятам говорю, глядите, наверняка какие-то гопники там трахаются. Все высунулись смотреть, и как по команде заиграли марш, от Москвы до Британских морей… Из травы две хари высовываются, посмотрели по сторонам и опять продолжают, уже под музыку. Тут из кабины наш дирижер выскакивает, майор:

– В чем дело?!

– Да так, отвечаем, замерзли, репетируем.

– Ну смотрите у меня! – и в кабину, греться.

А чего нам смотреть? У кого-то водочка нашлась, разлили, веселей стало. Доехали.

Построили нас в крематории, в большом зале. А там обстава такая: речи, прощание, сначала сослуживцы, друзья, в конце родственники. Распорядитель, человек с приклеенной слезой нажимает кнопку. Гробешник уплывает вниз, в этот момент мы по сценарию играем гимн Советского союза, а за окнами, на улице, почетный караул начинает по команде стрелять. Прощание

затягивается, а мы-то в пути водочки выпили. И не могу, хочу отлить, даже пританцовываю, благо в последнем ряду. А передо мной барабанщик, и я ему коленом под зад пендаля, давай начинай уже, невтерпеж. А у него тарелки в руках, и он от неожиданности этими тарелками: «Бдзынь!!» Аж звон в ушах. Наши ничего не понимают, кто заиграл, кто нет. Почетный караул за окном начинает вразнобой палить, вдова в обморок. В общем, после похорон наш оркестр в полном составе на гаупвахту, на следующий день наш дирижер-майор стал капитаном, а мы с барабанщиком отправились дослуживать в стройбат. Легко еще отделались. У меня права были, так я ничего, на грузовике остаток службы катался. Все лучше, чем лопатой махать.

10 октября малоизвестный в стране праздник, **День психического здоровья.** Напрасно, праздник должен стать общероссийским, а у нас каждый его отмечает по-своему. Например, на работе администрация в этот день выпускает очередной забавный приказ. На этот раз требуют всех с поносом отправлять в реанимацию. Даже не стал выяснять причину, наверное, кто-то помер от диареи. Ну надо, так надо. Выполнить приказ удалось только в самом конце дежурства, положив к себе в реанимацию тетеньку, месяц пившую водочку, у которой только понос заставил это занятие прекратить. Диарея не позволяла дойти до магазина. Предупреждаю новую смену:

– Принимайте, тетенька хреновая, похоже, что дуба врежет. И привозят ее а как раз к утреннему обходу, на котором как раз и идет речь о способах реализации нового приказа, об изыскании возможностей для его выполнения. Не отойти, больными некогда заняться, приказы надо знать. Ну, а пока шло обсуждение, тетенька дуба и врезала. Интересно даже подсчитать, сколько эти обходы унесли жизней?

В этот день есть традиция, с одним приятелем вспоминаем наших однокурсников, да и прочих общих знакомых, которые свои психическое здоровье не сберегли. А проще говоря, попали в сумасшедший дом. Пятеро еще в процессе учебы, некоторые там поселились навсегда. Конечно, не считая тех, кто попал туда по доброй воле, выбрав своей специальностью психиатрию.

Вспомнили одного нашего однокурсника. Вернее, нашим однокурсником он был первые четыре года, пока не попал в психиатрическую больницу. Но благодаря связям родителей, ему удалось ему избежать диагноза «шизофрения», который в те годы навсегда закрывал доступ к медицинскому образованию. Год просидев в академическом отпуске, парень институт все-таки окончил. Трудился невропатологом, написал и защитил

диссертацию, став кандидатом наук. Думали, работает ли он или уже закончил полным распадом личности. После последней моей с ним встречи второе более вероятно. Но оказалось, что нет, работает, трудится в одной частной клинике. Из любопытства посмотрели сайт клиники, почитали отзывы. Отзывы, понятное дело, положительные, благодарные пациенты пишут: «Доктор нас полностью удовлетворил». Иные, отмечая высокий профессионализм, чуточку сожалеют об отсутствии у врача сострадания и внимательности, но какого сострадания и взрыва эмоций можно требовать от человека с тяжелой шизофренией? У которой эмоциональная тупость, один из первых симптомов.

А последний раз я ним общался по телефону, лет где-то 15 назад.

Пришлось мне в те годы сидеть на телефоне в качестве консультанта на центральной станции «Скорой помощи». Работа адская, приходилось сутки сидеть в закрытой комнате, отвечая на звонки полубезумных врачей неотложки. Выйти было можно только с разрешения ответственного врача, отпросившись по нужде. Если получал разрешение, ответственный врач кричал на весь зал приема вызовов:

– С кардиологом пять минут не соединять, он пошел в туалет! И человек пятьдесят диспетчеров смотрели на тебя, как ты идешь по проходу между их пультами.

В комнате тогда сидели еще двое: психиатр и невролог. И если у нас с неврологом еще была свободная минута-другая, мы могли выйти покурить, то телефон у психиатра, даже два телефона, звонили не переставая. Если просто не брать трубку, через минуту прибегал ответственный врач с вопросом:

– Что случилось? Почему не отвечаешь? Каждый из них придумывал способы, как устроить себе маленький перерыв. Например, если звонили одновременно двое больных, поделиться своими заботами, то один из врачей, послушав обоих, говорил, что ваш случай крайне трудный и сейчас с вами будет говорить старший консультант. После чего соединял две телефонные трубки, микрофоны с наушниками и уходил. Самое странное, звонившие чаще всего находили общий язык и могли беседовать часами. И придраться к врачу было нельзя, обе линии заняты, доктор – молодец, консультирует сразу по двум телефонам.

У других были свои клиенты, знакомые пациенты, постоянно звонившие во время их дежурств, как-то узнавая график. И доктор подолгу с ними беседовал, а чаще всего просто клал трубку на стол, больному надо было просто выговориться, поделиться своими проблемами, и не только со здоровьем, а слушают его или нет, не важно. Иногда доктор отвечал:

– А чего, Матвеевна, звонишь? А, телевизор сломался… Понятно. Слушай, а давай я тебя в психушку на полгода определю, полежишь, пенсию подкопишь. Выйдешь, новый телевизор купишь. Не хочешь? Ну тогда ничем не могу помочь, я телевизоры чинить не умею.

Иные любили поговорить с интересными людьми, дать совет.

– Что вы говорите, зять пьет? Хорошо, а где зять? А в Костроме, понятно. А сами-то вы сейчас где? В Твери? И так что же вы от меня хотите? Консультацию? Хорошо, сейчас я вам дам консультацию. Это будет суперконсультация. Это будет круче, чем «Письма издалека». Кто издевается? Я издеваюсь? Хорошо-хорошо, я понимаю, что вы готовы ответить на все мои вопросы. Тогда вопрос первый: а какой у него эпигастральный угол? Не знаете? А почему тогда обещаете ответить на все вопросы? Я над вами не издеваюсь, могу дать совет: сварите ему горячих щей. Как вы их привезете, это ваши проблемы.

Другой был краток:

– Водкой болеет? Вооружается? Вызывайте милицию. Сюда больше не звоните.

Масса казусов случалось, когда люди по привычке набирали «03» с мобильника, зарегистрированного в Петербурге. Где бы ни находился звонивший, его выносило на Санкт-Петербургскую «Скорую помощь». Порой было весело, иногда диалог звучал так:

– Говорите, ваш капитан топором палубу рубит, якобы в трюме дети тонут? Вы, значит, уже второй месяц в порту на ремонте стоите? А сколько он пил? Пока стоите, так все время и пил? Хорошо, приедем, записываю адрес. Торговый порт… Причал номер… Да вы что, у нас в порту нет такого причала… Вот так нет. Ах, вы в Амстердаме.

Интересно, вызывающий действительно думал, что из Питера в Амстердам приедет «Скорая», или просто не заметил, что диспетчера Амстердамской «Скорой помощи» с ним разговаривают по-русски?

Чаще всего сидел с нами невролог, законченный маньяк, который почему-то утверждал, что наличие у человека такой профессии, как врач-невролог, спасает его от всех психических заболеваний. И что среди неврологов нет и не может быть ни одного умалишенного. И сколько мы ему ни доказывали обратное, и психиатры говорили, что, поверь, тебе самому давно пора к нам, не верил. Я рассказывал, что до знакомства с ним знал семь невропатологов, больных психически, и что у всех семи подтвержден диагноз. Шестеро больны маниакально-депрессивным психозом, из них пятеро маньячат, а у одной преобладает депрессивная фаза. Можешь сходить к ней на работу,

сам убедишься, когда послушаешь, какие грустные песни она поет в курилке и сама от своей песни плачет. И один был шизофреник, чей диагноз тоже сомнений не вызывает. Но все о своей болезни знают, все лечатся и вполне успешно трудятся. В общем, было невозможно его тезис опровергнуть, доказать ему обратное. Что, скорее всего, наоборот – предрасполагает.

И как-то вечером звонок. Слышу, как психиатр по телефону задает вопросы, попутно заполняет карточку вызова:

– Так, что за клиника?… Хорошо. Адрес… Говорите, доктор себя странно ведет? И в чем эта странность… Сколько-сколько?.. Вы чего, у вас врач стоит посреди коридора с распятием в зубах уже четыре часа и вы только позвонили?.. И чем объясняет?.. Молчит?.. А вы-то почему не звонили? Понятно, вам домой пора, клиника закрывается… А так бы наверное еще бы стоял и стоял?.. Как фамилия доктора?

И неожиданно слышу я фамилию своего знакомого. Говорю психиатру:

– Когда врач туда подъедет, передайте, чтоб мне позвонил, может, я чем смогу помой, я этого кадра давно знаю. Через час врач, приехавший в эту мастерскую здоровья, звонит, просит меня к телефону. Хочет уточнить детали. Рассказываю, что пацан еще в институте чудил. Первый раз заметили, когда он не пришел на экзамен. Я позвонил, спросил, в чем дело, а он ответил, что на экзамене был, сдал, а то, что я его не заметил, это просто: он легко проходит через стены. Через стену, значит, прошел, сдал экзамен и ушел. Ну и нес прочую херню. Мы тогда приехали с другом к нему домой, накачали галоперидолом с водкой, чтоб уснул, и позвонили его мамаше: «Приезжай, разбирайся, а то выхода не будет, придется вызвать «Скорую». Чудит он. А там сами понимаете, психушка со всеми последствиями. Родители его тогда жили где-то в Средней Азии, но матушка примчалась часов через пять, мы только-только водку допить успели, уже вдвоем.

Выпивать да, выпивали мы с ним, да нет, немного. С ним немного. Ну потом, потом я встречал его пару раз, даже совмещал в клинике, где он работал. Но недолго. Его оттуда вскоре попросили. Он там случайно разделся на каком-то корпоративе и ходил голый по этажам.

Интересуюсь, а что сейчас случилось? Да вот, говорит доктор, ваш друг снял со стены распятие, зажал в зубах, руки расставил и стоит уже четыре часа. Разговаривать не хочет вообще, а парень здоровый, с места его не сдвинуть. Наверное, сейчас будем вязать. Прошу, дай-ка ему трубочку, он меня узнает. Трубочку поднесли.

– Привет, – говорю, – узнаешь меня?

– Узнаю.

– Опять херней занимаешься?

– Какая херня, ты чего! В меня молнии бьют, я распятие нашел. Это громоотвод. И руки в стороны надо развести, по ним молнии в землю уходят.

– Понятно, – говорю уже психиатру: – Ну, вроде заговорил, общайтесь. Расскажите потом, куда отвезли, если в Скворечник, может быть, зайду навестить, я там живу рядом, через забор.

Отвезли его на Пряжку. Психиатр позвонил, поблагодарил за помощь, сказав, что такой красоты он уже много лет не видел. Бред кристальной чистоты и фантастического размаха. Заодно просил передать привет нашему неврологу.

Невролог после этого случая слегка притих в плане своих теорий о психическом здоровье у невропатологов. Но убедить его, что ему самому пора полечиться, при мне так и не удалось. Лет через десять случайно встретил его в одной больнице, долго с ним не разговаривал, но даже по виду было понятно, что так никому и не удалось.

17 октября – день рождения Маршала Гречко. На днях мой календарь проявил себя правильно, поздравил с днем рождения Гречко или Гречки, не знаю, склоняется фамилия маршала Советского Союза или нет. Дал, так сказать, правильный повод отметить. Кто сейчас помнит бывшего министра обороны? А я вот хорошо помню. Помню потому, что дома валялся целый рулон фотографий форматом метр на полтора, на которых был изображен маршал. Вот маршал принимает парад, тут маршал в кругу министров обороны стран Варшавского договора, а здесь маршал закусывает за столом в окружении тех же министров.

Но фотографии старые, видно, что были отпечатаны наспех, и должным образом не зафиксированные. Выцвели. Да и фотобумага, бромпортрет, не отличалась стойкостью, с годами ее теплый коричневый оттенок равномерно покрывал всю поверхность. Можно было найти негативы, но искать среди десятка коробок с пленками, оставшихся после папаши? Да и на чем печатать, а главное – зачем? Два фотоувеличителя давно выброшены за ненадобностью, кюветы отданы под лотки знакомым любителям котов. В результате памятник эпохи, фотографии, пригодились при очередном ремонте, застелить пол в кухне при малярных работах.

Спрашивается, откуда взялись фотографии? История простая.

В самом начале 70-х годов папаня работал в Чехословакии, в центральной группе войск. И как профессиональный в прошлом фотограф подхалтуривал в газетах, от центрального органа минобороны до армейских многотиражек. Поручено было

корреспондентам освещать какой-то очередной визит маршала Гречко в Чехословакию, собрался представительный состав делегации, все министры стран Варшавского договора. Первым делом – парад, демонстрирующий несокрушимую мощь Советской Армии и нерушимую дружбу стран-участниц. После парада, естественно, банкет. Обязательно надо поднять стакан за дружбу и боевое единство. Без этого тоже нельзя. Папаня исполнил свою работу, отснял торжественную часть и собрался домой. Подходит адьютант министра, парень лет тридцати с погонами генерала:

– Ты куда? Фотографии должны быть готовы в течение часа. Крайний срок, к концу обеда!

– Как? Это ж надо проявить, отпечатать. В полевых практически условиях? Отпечатаю вечером в редакции.

– Ты чего, не понял? Это приказ! Аппаратуру доставим.

В итоге, через час военный транспортник приземляется в восточном Берлине, солдаты на грузовике привозят из западного проявочную машину Кодак, купленную в ФРГ. Машину по тем временам компактную, размером с комнату.

– Работай!

– Да я про такую машину только слышал, в глаза вижу впервые.

– Не е…т! Во время полета разберешься. Ты инженер или говно собачье?

Фотографии папаша отпечатал, успев даже не к самому концу банкета, а к периоду самого благостного настроения участников. Гречке фотографии понравились, министр обороны поинтересовался:

– Кто фотограф? Сюда!

Нашли папашу, который после стресса уже успел до икоты нарезаться «Бехеровки», или что они там пили в Чехии в те годы. Привели к маршалу. Маршал в знак признательности похлопал его по плечу:

– Молодец! Хвалю. Свободен!

Хотел, говорит, на память сохранить пиджак, по плечу которого хлопал министр, не удалось. Один был костюмчик, износился, а новый купить на зарплату инженера – событие. Куда более важное, чем встреча с министром обороны.

Зато ценили фотографов, лично маршал по плечу… Даже думать не хочется, какая была альтернатива. Пожалуй, в Чехии альтернативой Бехеровки была Сливовица. А альтернативой похлопыванию по плечу – пинок под зад. Такой, чтобы хватило кинетики долететь до дома, в Союз, на зарплату инженера в 120 рэ.

Ноябрь

Любимое периодическое издание **10 ноября** напоминает о скорбной дате: скончался генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Пусть дата не юбилейная, но есть повод отметить и вспомнить. Не будем вспоминать о дорогом Леониде Ильиче как о выдающемся государственном деятеле, верном продолжателе дела великого Ленина, о борце за свободу и счастье всего прогрессивного человечества. Опустим воспоминания о его ораторском таланте и способности удерживать внимание аудитории в течение бесконечных речей и докладов. Не будем говорить о его полководческих достижениях, о победах, одержанных маршалом Советского Союза. О его вкладе в сокровищницу мировой литературы, как об одном из величайших писателей современности и популярном персонаже народного фольклора. О том, как с залпами прощального салюта вместе с ним ушла в могилу эпоха относительной стабильности в жизни страны и мнимого благополучия. Все это давно известно. Вспомним лишь один маленький эпизод. Как говорится, чем богаты.

После смерти незабвенного руководителя партия и правительство приняли решение увековечить его память. Был издан указ, по гнусным слухам, написанный еще при жизни генсека, «Об увековечивании памяти Л. И. Брежнева». По стране прокатилась волна переименований улиц, площадей и целых городов. Колыбель октябрьской революции никак не могла остаться в стороне, и одну из площадей города, Красновардейскую, переименовали в площадь Брежнева. А чтобы оставшимся в живых красногвардейцам не было так обидно, Новочеркасский проспект на Малой Охте переименовали в Красногвардейский. Следом потянулась цепочка дальнейших переименований, но это уже другая история. Немного удивил выбор городских властей: Красногвардейская площадь еще с 70-х годов была проклятием всех питерских автомобилистов и золотой жилой для гаишников. Идиотская схема организации движения приводила к неизбежным нарушениям правил, массе дорожных происшествий и часовым пробкам, и это уже в те годы, когда лишь единицы имели собственные автомобили. При любой возможности все старались ее объезжать стороной. Но никто возражать не стал, усмотрев в этом выборе какой-то особый смысл. Казалось, что именно так будут дольше и крепче вспоминать покойного. Вскоре незаметно на тротуаре у обувного магазина появился невзрачный гранитный памятник. В сети случайно наткнулся на фотографию тех лет.

Надпись на нем кратко сообщала, что площадь названа в честь видного, выдающегося и т. д. Все было более чем скромно. И вот что показалось странным: до этого в газетах писали, что на площади будет установлена гранитная стела, размером соответствующая масштабу личности покойного, а тут фактически какой-то простой кладбищенский обелиск. Загадка несколько лет не давала покоя, все время, пока в стране шла чехарда со сменой генсеков, с бесконечными похоронами и трансляциями Лебединого озера. До прихода к власти Горбачева, когда площади вернули ее первоначальное название, а памятник убрали так же без лишнего шума. А как в те годы можно было найти ответ на вопрос? Написать в газету, например в «Ленинградскую правду», спросить: «Почему?» Рискованно, наверняка у соответствующих органов был заготовлен ответ, что скромный вид памятника соответствует природной скромности вождя. А также встречный вопрос, может быть, у вас есть другое мнение? Никогда, другого мнения быть просто не могло. Но вся страна знала о небольшой человеческой слабости дорогого Леонида Ильича, о его любви к различным подаркам и наградам. И Великий город вполне мог бы не поскупиться на последний подарок великому человеку.

Ответ обнаружился случайно. Уже в конце 80-х, на закате горбачевского периода, познакомился я с человеком, работавшим в тот скорбный год, год кончины бессменного генерального секретаря КПСС, водителем на заводе монументальной скульптуры. В прошлом – убежденный коммунист, член КПСС, чьи идеалы были убиты перестройкой и новым мышленьем. Работали мы с ним на «Скорой», я врачом, он водителем. Проезжая как-то по площади, которой к тому времени уже вернули название Красногвардейская, он завел разговор:

– А ты ведь с Охты?

– Ну да, местный.

– Помнишь, тут на площади обелиск стоял в честь Брежнева?

– Конечно, помню.

– А знаешь, почему он такой маленький, как обрубок? И расколот пополам? Могу рассказать.

Трудно было поверить в удачу, неужели этот вопрос перестанет быть загадкой?

– В общем, слушай. Я тогда на заводе Монументскульптура на грузовике работал, камни возил. У нас как было? Добудут такой солидный кусок гранита, где-нибудь в той же Карелии, и тащат в Москву. А оттуда уже по всей стране развозят. Нужно, допустим, у нас какой-нибудь памятник замандячить, его обратно везут, из Москвы в Питер. И вызывает как-то меня директор:

– Тебе, говорит, как коммунисту ответственное задание. Нужно кусок красного гранита из Москвы привезти, для памятника, сам знаешь кому. Смотри, не подведи, мы на тебя надеемся. Дали мне автомобиль «Краз», знаешь такое чудо? В народе назывался «Лаптежник», с деревянной кабиной. Холодно, двери не закрываются, крейсерская скорость – 40 км в час. Дали напарника. Напарник, похоже, только вчера с трактора слез, за руль грузовика еще не садился. Ну ладно, собрались, поехали. До Москвы добрались за пару дней, загрузились. Камень такой, ничего, солидный, с трудом в кузов вошел. Поехали. Едем мы, значит по Валдаю, а там дорога вверх-вниз. И вот катим с горки, начинаю притормаживать – хрен, не держат тормоза. Первую включаю, торможу, а машина все разгоняется. А внизу мостик, и мне сверху он кажется размером с коробок, и кажется, не попаду я в него. И тут мой напарник от страха ручник дергает, идиот, машина тормозит, а я чую, камень пошел, и сейчас он нам кабину снесет к такой-то матери. И сделать ничего уже не могу. Только кричу напарнику, прыгай, и сам из дверей вылетаю. Хорошо, раннее утро, дорога пустая. Краз наш в кювет, камень сносит кабину, на землю и пополам… Все, думаю, пиздец, и чего делать – не знаю. Хорошо, рядом какой-то поселок, совхоз. Местные, крановщик с бульдозеристом за пару бутылок Краз из канавы вытащили, камень подняли, погрузили, стянули тросом. Мы кабину отмыли, сам понимаешь, обосрались оба, новой фанерой оббили, поехали. Денек пришлось задержаться, чтоб на завод приехать в пятницу, к вечеру. Зачем? А, не понимаешь! Пятница, рабочий день закончен, у нашего крановщика уже пара стаканов во лбу. Мы к нему: «Разгружай!» Он ни в какую. Да ты чего, говорим, задание партии, а мы тут до понедельника сидеть не собираемся, давай, выгружай. Налили ему еще. Ну он с пьяных глаз с одной стороны трос как следует не закрепил, потянул, край поднял, камень хуяк и, естественно, пополам. Крик, начальство с ума сходит, а мы молчим, извини, брат, не оправдал, теперь думай сам, как быть.

– Ну и чем закончилось?

– Чем закончилось? Замяли это дело быстро. Крановщику ничего, а нам дали премию и велели помалкивать, а половину от камня быстренько распилили, и начальство его себе на памятники по кладбищам растащило, и не только наше начальство, но и городское. Все довольны были, еще бы, красный гранит, дорогой. На всю семью хватит. Ну а то, что осталось, на вид так раза в два меньше, чем каждый из обломков, поставили на площади, помните, люди, дорогого нашего Леонида Ильича. А сейчас убрали. Наверняка тоже кто-то спер для своей родни.

13 ноября – Международный день слепых. Ребята на работе решили поздравить бабушку – нашего невропатолога. Отговорил, не праздник. Во-первых, ну не так уж чтоб она совсем слепая. Контуры различает, свет-тень, летит на огонек. При непосредственном контакте с листом бумаги даже читает через увеличительные стекла. От этого кончик носа все время испачкан. Когда прикуривает – пользуется исключительно спичками. У спички пламя горячей, чем у зажигалки, легче подносить сигарету, ориентируясь на тепло. И если случайно положит коробок на стол, уже не берет его обратно, не страшно, если забудешь дома зажигалку. Во-вторых, бабка безобидная, уговорили поработать, ну нет невролога. Отказаться не смогла. Умиляет ее фраза: «Этого больного я не знаю. Пойду – посмотрю…» Сразу вспоминается фильм «Однажды в Мексике» и фраза в конце: – «Увидимся».

* * *

19 ноября, страна отмечает День артиллерии. Вспомним и мы этот праздник.

Опыт фронтовиков, знание жизни и военного искусства учат: снаряд дважды в одну воронку не попадает. Это так. Но есть воронка, в которую снаряд может залететь дважды. А где расположена эта воронка парней с накрашенными ногтями, догадаться несложно.

Читаю историю болезни, диагноз: «повторный разрыв прямой кишки». Версия: поднял на работе тяжелый ящик. В первый раз, помнится, говорил, что сел на швабру и, судя по справке, чудом остался жив. Каловый перитонит, спайки, кишечная непроходимость. Через год реконструкция, как только убрали колостому, снова к нам:

– Здравствуйте! Плохо, что тебе в прошлый раз очко не зашили наглухо. Получал бы контрольные выстрелы в голову. Одного раза не хватило, чтобы задуматься, а все ли я делаю правильно?

Нет, я, конечно, верю людям. Верю, что можно случайно сесть на вантуз, напороться в лесу на сучок или при запоре натужиться с такой силой, что разорвется кишка. Но чтобы тужиться с такой силой, брить ноги и красить на них ногти вовсе не обязательно.

* * *

Читаю любимое печатное издание – отрывной календарь. **25 ноября.** Мелким шрифтом внизу написано: в этот день родились. 1810 г. Николай Пирогов, хирург. Всё, информации достаточно. Попробую немного дополнить.

Особенно никогда не интересовался биографиями выдающихся личностей и известных деятелей. Интерес пытались похоронить еще в институте на веселой кафедре истории медицины. Но про Пирогова читать приходилось. Не только потому, что заставляли. А прочесть можно было что? То, что известно всем: выдающийся хирург, основатель военно-полевой хирургии, создатель топографической анатомии, впервые применивший, внедривший и так далее. Личность, бесспорно, гениальная. Везде говорится о прогрессивности взглядов, о неприятии коллег, гонениях со стороны царской власти и прочих жизненных трудностях. И только в советские годы был полностью оценен его вклад в развитие науки, медицины и пр. Но советская привычка не верить ничему, что написано, всегда заставляла задуматься над мелкими деталями. Иногда это было полезно. Дьявол прячется в мелочах. И выводы напрашивались часто совсем противоположные.

Факты общеизвестные: в 26 лет Пирогов избран профессором Дерптского университета, а в 31 год – профессором и зав. Кафедрой хирургии в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Признание заслуг и таланта? Безусловно. Крымская война. В 55-м году Пирогов уезжает в Крым. Главный хирург осажденного Севастополя. Достойный поступок? Более чем. Официальная историография объясняет: только в полевых условиях он смог применить свой опыт, свои революционные методы. Маленький вопрос. Известно, что в молодости Пирогов часто болел. Так ли уж хотел он куда-то ехать? Почему-то вспоминается маленькая деталь. В бытность профессором Медико-хирургической академии Пирогов побывал в сумасшедшем доме. Упрятали коллеги. Ну не сумасшедший ли, пытался заставить хирургов на операциях надевать чистый халат? Нормальному человеку разве такое в голову придет? Никогда. Три дня Николай Иванович пробыл в дурдоме, где, к счастью, выдержал испытание на психически здорового, отклонений в его психике не нашли. После такого захочется остаться в дружном коллективе? Мне бы не захотелось. Куда угодно, хоть на войну.

В 56-м Пирогов возвращается в Петербург. Цитата из «Википедии»:

«Вернувшись в Петербург, Пирогов на приёме у Александра Второго рассказал императору о проблемах в войсках, а также об общей отсталости русской армии и её вооружения. Царь не

захотел прислушаться к Пирогову. С этого момента Николай Иванович впал в немилость, он был направлен в Одессу на должность попечителя Одесского и Киевского учебных округов. Пирогов попытался реформировать сложившуюся систему школьного образования, его действия привели к конфликту с властями, и учёному пришлось оставить свой пост. Его не только не назначили министром народного просвещения, но и отказались даже сделать его товарищем (заместителем) министра, вместо этого его «сослали» руководить обучающимися за границей русскими кандидатами в профессора».

БСЭ подсовывает аналогичную версию. Пирогов оставляет врачебную практику. В 46 лет? Самый расцвет сил? Почему? Гонения со стороны царской власти? Подсчитаем.

Должность профессора и заведующего кафедрой в царской России была выборной. Заведующий кафедрой избирался на 25 лет. Царь сделал Пирогову подарок, возможно, не очень подумав о последствиях: год пребывания в действующей армии зачел за 10 лет службы. И что получилось? Получилось, что по выслуге он служит в академии уже 24 года. Срок подходит к концу, а шансов на повторное переизбрание профессором академии у Пирогова не было. Ну не станут же его повторно избирать те, кто до этого упрятал в психушку. А начальником академии в те годы была некая забавная личность по имени Вацлав Пеликан, более известный своими заслугами в области ветеринарии. Не знаю, может фамилия обязывала. И Пирогов уходит из академии.

Интересная немилость. Должность попечителя Одесского и Киевского учебных округов, пожалуй, повыше, чем зав. кафедрой в медико-хирургической академии. Это как минимум четвертый класс в табели о рангах, это тайный советник или действительный статский советник. Соответствует генеральскому чину, обращаться положено «Ваше превосходительство». Назначение не случайное. Пирогов серьезно занимался вопросами образования, был авторитетом в этой области. Известно о его дружбе с Ушинским. Царь, по одной из версий, хотел его сделать министром народного просвещения, но не удалось. Характер у Пирогова действительно был не подарок, не нашел он общего языка со своим начальством. Может быть, этим и можно объяснить тот факт, что выдающийся ученый не только не создал своей школы, но и практически не оставил учеников.

Награды? Если посмотреть список, то все награды, доступные в царской России для чиновника его ранга, у Пирогова были. Ну не было ордена Андрея Первозванного, не наградил подлец-царь, не повезло. Правда, есть одна мелочь. На то время в России в живых было 12 кавалеров ордена, а по статусу его имело право

одновременно носить не более 12 человек.

Вопрос о признании заслуг после смерти тоже спорный, и кто больше признавал, кровавый царизм или народная советская власть? В 1897 году в Петербурге был открыт музей Пирогова, сооруженный по инициативе Русского хирургического общества. Постройку дома, предназначавшегося для музея, заказали известному в те годы архитектору Шрётеру. Недешево, хотя одним из главных принципов его работы было стремление к экономии средств, при строительстве (не в ущерб качеству). Главное произведение архитектора – здание Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Сравнивать его с новой коробкой второй сцены театра лучше не стоит. Кстати, в знак благодарности за работу по перестройке Мариинского театра архитектору подарили уникальную модель театра из серебра, которую во время блокады его дочь передала для переплавки на нужды города. В музее имелась библиотека, зал для заседаний Пироговского общества, второй этаж занимала гостиница для приезжавших из провинции врачей. Вот было такое здание, располагавшееся на Пироговской набережной.

Пироговское общество просуществовало до 1922 года. Я уже не раз говорил, что врачам в политике делать нечего. Тогда об этом еще не знали. Вот и произошло следующее. Члены общества без восторга встретили октябрьский переворот и на своем внеочередном съезде приняли резолюцию с требованием созыва учредительного собрания. В результате новая власть общество разогнала, а здание музея определило под казарму. Окончательно здание было снесено в 60-х годах при строительстве здания гостиницы «Ленинград», отнюдь не украсившего своим видом невскую панораму. Конец пришел и самому музею. Музей был преобразован в «Военно-санитарный музей РККА», который тоже был впоследствии расформирован и все экспонаты разбросаны по кафедрам ВМА. Что-то чудом уцелело. Интересно, что в музее Пирогова была собрана одна из наиболее известных в мире коллекций оружия. Где ее следы – не известно. Слышал, что были какие-то попытки воссоздания музея в Москве, не удались, воссоздавать уже было нечего.

27 ноября – День морской пехоты.

Весна, заговорили об отпуске. Предложил я:

– Поехали на рыбалку! Все равно куда, хоть на Шикотан.

Коллега, хирург, отставной майор, прослужил лет двадцать врачом в бригаде морской пехоты:

– Вот! Отличное место. Самый прекрасный остров, советую съездить.

– А ты что, там был?

– Был. В 80-х годах мы на своем БДК шесть месяцев торчали в Индийском океане, в тропиках. Зачем – так и не узнали. Воздух +50, вода +35. Когда от жары матросы стали сходить с ума, нас отправили на Шикотан, отдохнуть. А там как раз путина, и на местный рыбозавод пригнали сотни зэчек с побережья. Вот это была сказка. Представь, я – молодой, тогда еще с волосами, передо мной строй женщин. Сами выбирают лучших, кто сегодня будет спать с лейтенантом. Три – четыре раза в день приходилось честь отдавать. Нет, это самое прекрасное место. Одно только, матросов неделю по острову отлавливали. И что характерно – никакой гонореи. Весь батальон заставили передо мной промаршировать с вынутыми концами, ни один не подцепил.

– А сам-то остров посмотрел?

– Нет, вот чего не удалось, то не удалось. Но говорят, там красиво. Я б еще раз съездил, как говорится, по местам боевой славы. Нечто подобное только в Эфиопии с нами было, но там работать много пришлось. Война.

Дальше пошел рассказ о работе, как в Африке друзья-кубинцы решили подсобить комрадам, подвезли установки «Град» и залили джунгли напалмом. Вонь от горелого мяса стояла несколько дней. Кубинцы переблевались и свалили, оставив советских друзей наслаждаться запахом победы. Разговор с рыбалки сместился на профессиональные темы.

В последнее воскресение ноября – День матери. Не надо гулять ночами по больнице. Иду ночью по отделению терапии, смотрю, какой-то мужик душит старушку. Старушка в полнейшем маразме и иметь места в палате ей не положено, потому как старушка постоянно кричит. И положили ее в полулюкс, в углу коридора за холодильничком, на перспективу поближе к запасному выходу, через который покидают отделение окончательно вылеченные.

– Зачем, – спрашиваю, – душите старушку?

– Надоела, кричит.

– Ну так позовите сестру, пусть ей укольчик сделает.

– Пошел ты на х…, это моя мама. Что хочу с ней, то и делаю.

Сначала подумал, а может теперь так можно? Но смотрю, по возрасту мужичок ей в сынки не годится, почти ровесник. Видно, тоже в маразме. Пришлось отбить старушку у злодея. Но гортань он ей, похоже, свернул, тяжело дышала бабушка. Трубку в трахею удалось ей засунуть с трудом. Пришлось будить санитаров, срочно вести ее в реанимацию. В общем, нашел себе работу.

Месяц богат на праздники с первого дня до последнего.

1 декабря — день борьбы со СПИДом.

Беседую с местным интеллектуалом лет 40:

– Должен Вас огорчить, пришел ваш ответ на ВИЧ, положительный. Получается, что вы ВИЧ-инфицированы.

– Да ты чё, не может такого быть! Я чё, наркоман какой? Думаешь, я пидор, да? Да я даже с бабами уже два года как дел не имею, можешь не верить, но как моя жена умерла, так ни разу.

– А отчего, простите, умерла ваша жена? Сколько ей было, около 40?

– 35. От СПИДа она умерла.

5 декабря. Все встает на свои места, когда узнаешь, какой день сегодня отмечается в стране. Календарь напоминает, что сегодня День добровольцев и волонтеров.

А до этого пришлось думать, почему по отделению травматологии ночью бегает голый организм отставного майора по фамилии Цыбуля, весящий так килограммов под 120. Куда он стремится, зачем?

– Чего бегаешь? – спрашиваю.

– Ты мою бывшую жену видел? Вон она, только заглянула в палату, я к ней, а она от меня по коридору и в туалете спряталась. Закрылась. Я зашел, а она в окно, хотел за ней, а там решетка.

Туалет он перепутал с ординаторской, что, впрочем, не удивительно. Многие путают.

– А на хера ж ты дверь вынес вместе с коробкой?

– Да я ее только спросить хотел. 35 лет вместе прожили, а она на развод подала. Мне ее об одном спросить надо было: – Ты будешь жить со мной, сука, или нет?

– А ты прямо в коридоре с ней жить собрался? Трусы-то где снял?

Действительно, на человеке из одежды была только футболка и воротник Шанца для фиксации шеи.

– Короче, сколько пил?

– Да ты чего, я не пил. Я перед отпуском с командиром всего по три коньяка, я к брату поехал. В поезде три дня, в поезде не пил. А к брату приехал, пошел за капустой и в погреб свалился.

– Пошли со мной, жену искать.

В реанимации на меня наехали:

– Чего привел? Нормальный мужик, ну расстроился, жена ушла.

– Ничего, – отвечаю, – он себя еще покажет. И он себя показал:

– Дай нож! Слышь, дай нож, пойдем, я знаю, где гранатомет достать.

– Зачем тебе гранатомет?

– А ты чего, хочешь с одной винтовкой идти? С винтовкой не пройдем. Возьмем два гранатомета, по две обоймы, с гранатометами пройдем.

– Ты с кем воевать собрался, Цыбуля? С москалями или укропами?

– Все равно с кем, пошли. Запишемся там на месте. Меня командир отпустит.

И так всю ночь доброволец рвался в бой, но так и не решил с кем. Обойма галоперидола закончилась быстро, пришлось ходить по больнице, просить запасную.

10 декабря — день защиты прав человека. Надо не забыть, поздравить с праздником всех борцов за права личности, всех местных омбудсменов. В реанимациях всех больниц России, и не только России, закон один: как только пациент начинает вспоминать о правах человека – его надо привязывать. Для его же блага. Первые же слова, такие как «Свобода», «Конституция», «Произвол», «Вы не имеете права», могут привести человека к жесткой фиксации. Например, постановку мочевого катетера многие воспринимают как нарушение прав личности на свободу мочеиспускания. Попытки объяснить все преимущества бессмысленны.

Однажды в этот день у меня был свой, персональный борец за права человека. С виду – приличный дедушка. Все ваши митингующие революционеры по сравнению с ним просто дети. Человек сначала объявил голодовку, затем из памперсов сделал себе шлем, чтоб избежать возможных ударов по голове, надел его на голову и стал орать о медицинском произволе. Входящих в палату врачей встречал броском говна. Меткости старичок был невероятной. Привязать его к кровати не удавалось, дед выворачивался из любых веревок. По сравнению с ним Гудини просто щенок. Наручники использовать запрещено. Грузить аминазином было опасно, сердце старичка могло не выдержать. Мозг тоже.

Но не зря реаниматологов считают самыми, пожалуй, изобретательными врачами, способными находить выход из любой ситуации. Нашли и мы вариант борьбы с говнометом, дали, вернее, насильно влили в него слабительное. Жидким бросаться было несподручно.

26 декабря — день подарков. Подарки надо делать со смыслом, с пользой не только для одариваемого, но и для себя. Пример есть. Тетка бросила своего мужа, повторно вышла замуж. Сыну исполнялось шестнадцать, и мудрый брошенный отец сделал ему на день рождения подарок, ружьишко. Неплохое такое ружье, настоящее. Он из него в свой день рождения нового папашу и положил. Матушка попала в реанимацию с острым психозом, отчим, естественно, прямо в морг. Полечили, оттаяла, даже со смехом рассказывала, какой ее сынок удалец, как первый заряд картечи влетел в голову – головы нет, второй в живот, от живота сплошное месиво. И так еще шесть раз, сколько патронов было. Так что выбирать подарки – тоже искусство.

* * *

Доктор – эндоскопист распаковывает новый аппарат, цифровой колоноскоп. Хвастается:

– Смотри, только что получили. Чудо техники. С форматом чуть ли не 4D. Полный эффект присутствия. Цвет, запах, все натуральное. Приходи на первый просмотр.

Последний читатель

Если вы взяли в руки и открыли эту книжку, я почему-то не сомневаюсь, что вы дочитали ее до конца. Напоследок хочется рассказать историю, как однажды стал свидетелем интересного, можно сказать, специфического взгляда на издательскую продукцию, да и вообще на современную литературу. Случайно оказался в числе приглашенных на литературную тусовку, на презентацию нового толстого журнала. Хотя нет, не нового, журнал известен давно, и когда-то был более чем популярен. Сейчас забыт, я и сам удивился, узнав, что журнал еще жив. Хотя сказать про него, что он жив, будет некоторым преувеличением. Подходящее слово – ребрединг, попытка возродить. Стихи, музыка, речь главного редактора, все как положено при начале очередного бесперспективного проекта. Проекта даже не мертворожденного, а обреченного на гибель и погибшего еще до зачатия. Публика в перерыве курит на улице. Рядом вертится прилично одетый мужичок, похоже, тоже из случайно попавших на мероприятие. Одет несколько странно: старомодный театральный пиджак, под ним почему-то две рубашки. Мужичок слегка навеселе, ищет повод присоединиться к разговору литераторов. Наконец решается:

– Скажите, а вы писатели?

– Да, конечно, это известный в Санкт-Петербурге прозаик, это поэт…

– Здорово! А хороший вышел номер журнала, не правда?

– Ну как вам сказать… Тут вопрос спорный…

Товарищ не дает отвлечься на дискуссию о содержании журнала и недостатках редакционной политики:

– Не, хороший, вы уж мне поверьте, хороший и обложка мягкая, отрывать не придется.

– А вы, простите, тоже литератор?

– Нет, я бумагой занимаюсь, макулатурой. Книги в твердом переплете я не люблю. Смотрите, – демонстрирует всем свои ладони, – видите мозоли? Так это не только от онанизма, хотя и от него тоже, просто мне обложки с книг срывать приходится.

Публика недоумевает, зачем? Присоединяюсь и я:

– Так это ведь понятно, картон, он, как вторсырье, ничего не стоит.

– Вот, сразу видно, человек разбирается. Если тюк макулатуры стоит, – называет цену, – то книги в обложках, если сдавать на вес, почти в два раза дешевле. Приходится обложки отрывать и просто выкидывать.

Народ притих, озадаченный своеобразным взглядом на литературную продукцию. Воспользовавшись паузой, собиратель вторсырья увлек внимание публики анекдотами про поручика Ржевского. Надо сказать, рассказывал он их мастерски, жаль, на улице становилось прохладно, хотелось в тепло.

На этом мы с вами, пожалуй, прощаемся, если эта книга выйдет из печати, то может случиться так, что вы станете ее последним читателем. Так что берегите ладони, если переплет будет твердый.

notes

Примечания

1

Циркумцизия – обрезание крайней плоти.

2

Болезнь, при которой происходит искривление полового члена при эрекции.

3

С этим слоганом долго шла серия рекламных роликов о достоинствах шин Nokian. Герои роликов совершали совершенно идиотские поступки, ныряли в болото, мочились на высоковольтные провода и пр. Креативная реклама. – *Примеч. автора*.

4

Пропофол – средство для внутривенного наркоза.